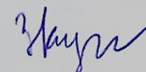

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Юго-Западный государственный университет»

На правах рукописи

Зарубина Кристина Александровна

**Политическая преступность в российской провинции во второй половине
XIX – начале XX вв. (на материалах Курской губернии)**

5.6.1. Отечественная история
(исторические науки)

Диссертация на соискание
ученой степени
кандидата исторических наук

Научный руководитель:
доктор исторических наук, доцент
Горюшкина Наталья Евгеньевна

Курск – 2023

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА 1. ЭВОЛЮЦИЯ ВЗГЛЯДОВ НА ПОЛИТИЧЕСКУЮ ПРЕСТУПНОСТЬ И ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ БОРЬБЫ С ЕЕ ПРОЯВЛЕНИЯМИ В РОССИИ	26
1.1 Отражение сущности понятия «политическое преступление» в отечественной историографии	26
1.2 Специфика государственной политики второй половины XIX – начала XX вв. в сфере противодействия политической преступности	48
ГЛАВА 2. ДИНАМИКА РАСПРОСТРАНЕНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПРЕСТУПНОСТИ В РОССИЙСКОЙ ПРОВИНЦИИ.....	48
2.1 Основные причины и особенности совершения преступлений политического характера на территории Курской губернии в 1855-1905 гг.....	70
2.2 Наиболее распространённые политические преступления второй половины XIX – начала XX вв.: региональные особенности	88
ГЛАВА 3. ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ОРГАНОВ ПО ПРЕДОТВРАЩЕНИЮ И ПРОТИВОДЕЙСТВИЮ ПОЛИТИЧЕСКИМ ПРЕСТУПЛЕНИЯМ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ ...	113
3.1 Роль органов политического надзора в предупреждении политической преступности	113
3.2 Результативность расследования дел политического характера на территории Курской губернии	136
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	159
СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ.....	164
ПРИЛОЖЕНИЯ	191

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность исследования. Исследование исторического опыта распространения политической преступности в России во второй половине XIX – начале XX вв. в настоящее время приобретает особую значимость, поскольку противодействие этому опасному социальному явлению во все исторические периоды относилось к приоритетным направлениям обеспечения безопасности любого государства.

В условиях обострения противоречий в отношениях между различными странами и общественно-политическими «формациями», эскалации вооружённых конфликтов, роста терроризма, экстремистских настроений, регионального сепаратизма актуальность исследования исторического опыта динамики развития наиболее опасной формы противодействия верховной власти, дестабилизирующей социально-политическую обстановку на региональном и общегосударственном уровнях – политической преступности, не вызывает сомнений. Кроме того, современные тенденции развития международной политики обуславливают поиск эффективных инструментов обеспечения стабильного внутривнутриполитического развития, в том числе для преодоления роста протестов внутри страны, зачастую приводящих к крушению основ государственности.

Актуальность работы определяется еще и тем, что на основе отказа от использования типовых методологических установок, формализованного подхода к исследованию указанного явления предпринята попытка комплексного изучения политической преступности в исторической ретроспективе. Анализ состояния, тенденций развития, структуры, профилактических мероприятий и мер государственного принуждения в отношении политических преступников в России во второй половине XIX – начале XX вв. позволил выработать универсальный алгоритм для исторических исследований по рассматриваемой проблематике. Оценка результативности реализуемой в настоящее время стратегии обеспечения национальной безопасности государства невозможна без

учета исторического опыта формирования механизма противодействия политической преступности, тем более, что проведённое исследование обнаружило очевидные современным реалиям параллели.

Несмотря на то что проблема исследования политической преступности не относится к числу малоизученных, большинство научных работ носят исторически-правовой характер, всестороннего исторического исследования политической преступности в указанных хронологических рамках не проводилось. Более того, изучение истории развития политической преступности в России во второй половине XIX – начале XX вв. на материалах Курской губернии вводит в научный оборот неизвестные ранее эмпирические данные, которые могут быть использованы при проведении смежных исследований.

Цель диссертационного исследования состоит в изучении на региональном опыте исторической динамики политической преступности в России во второй половине XIX – начале XX вв. в контексте экономических, социально-политических преобразований общества и государства, а также анализе мер противодействия политической преступности в исследуемый период.

Достижению поставленной цели способствует решение следующих **исследовательских задач:**

- проследить эволюцию понятия «политическое преступление» в отечественной историографии;
- определить для рассматриваемого периода соотношение понятий «политическое преступление» и «государственное преступление», используемых в исследовании;
- проанализировать специфику государственной политики в России во второй половине XIX – начале XX вв. в борьбе с политической преступностью;
- установить основные причины и особенности развития политической преступности во второй половине XIX – начале XX вв. в Курской губернии как типичной российской провинции;
- выявить наиболее распространённые виды политических преступлений, совершаемых в Курской губернии в изучаемый период;

– раскрыть на основе регионального опыта организационно-правовой механизм предупреждения политической преступности во второй половине XIX – начале XX вв.;

– проанализировать результативность расследования дел политического характера в изучаемый период в контексте экономических, социально-политических преобразований общества и государства.

Объект исследования – политическая преступность в России во второй половине XIX – начале XX вв. как совокупность преступлений, совершенных по политическим мотивам, обусловленным несогласием населения с реализуемым верховной властью внутренне- и внешнеполитическим курсом, **предмет** – состояние политической преступности, детерминирующие факторы и условия ее воспроизводства, формы и методы борьбы государства с ней в исторических условиях второй половины XIX – начала XX вв. (на примере Курской губернии).

Хронологические рамки диссертации охватывают период со второй половины XIX в. по начало XX в. Данный исторический период отмечен ускорением модернизационных процессов в России. Именно в это время активизировались общественно-политические кружки, общества, движения и т.п., деятельность которых считалась политически опасной, «вредной» и даже преступной.

Исходная дата исследования связана с приходом к власти Александра II в 1855 г. и началом проведения либеральных реформ в России. Преобразования Александра II дают благодатную почву для свободомыслия, оживляя общественные массы, которые нередко вступали в прямое неповиновение действующей власти. Для легализации борьбы с таким опасным явлением правительство Российской империи расширяет перечень государственных преступлений, как следствие, наблюдается рост политической преступности.

Выбор *конечной даты* обусловлен началом первой русской революции 1905 г., когда общественно-политические движения, выступления и иные проявления неповиновения власти приобрели неконтролируемый характер. После 1905 г. произошли качественные изменения в работе органов, занимающихся

расследованием дел политического характера, судопроизводством по данной категории правонарушений, изменились подходы к оценке противоправности отдельных деяний, ранее причисляемых к политической преступности, поэтому политическая преступность между революциями требует отдельного исследования.

При этом изучение генезиса понятия «политическое преступление» потребовало некоторого расширения указанных хронологических рамок для адекватного представления результатов исследования. В отдельных случаях для дополнительной аргументации в работе осуществлялся выход за установленный временной период.

Географические рамки исследования охватывают территорию Курской губернии, типичной провинциальной территории Российской империи, где в рассматриваемый период свою антиобщественную деятельность осуществляли представители основных оппозиционных общественно-политических движений России (социал-демократы, эсеры, либералы и др.). В связи с этим политическое мировоззрение населения формировалось под влиянием как революционной пропаганды, так и неразрешенности традиционных злободневных вопросов, стоящих перед российским обществом и государством во второй половине XIX в. – начале XX в.

Местный материал для сравнения и получения репрезентативных результатов дополнен общими статистическими сведениями и данными по соседним губерниям, позволяющими сформировать целостное представление о состоянии и динамике политической преступности на региональном и общегосударственном уровнях.

Степень изученности темы. Историографию рассматриваемой проблемы целесообразно разделить на три периода: дореволюционный (до 1917 г.), советский (1917 – 1991 гг.), постсоветский (с начала 1990-х гг. – по н.в.).

В дореволюционный период политическая преступность, как опасное явление и общественная реакция на модернизационные процессы, практически не рассматривалась. Лишь отдельные аспекты проблемы были отражены в работах

исследователей (А.В. Лохвицкий¹, Н.С. Таганцев², Е.Н. Тарновский³, Н.К. Муравьев, П.Н. Малянтович⁴ и некоторые другие). Авторы отмечали, что политическая преступность – крайне изменчивое историческое явление, которое объединяет в себе деяния, совершаемые по «политическим убеждениям». Среди прочих выделяется исследование Н.А. Гредескула «Террор и охрана», где дан анализ политическому терроризму. Автор справедливо утверждал: «Политический терроризм родился у нас в ту эпоху, когда абсолютизм, фактически ещё всецело владевший нашей государственной жизнью, почувал, что общественное сознание начинает от него отворачиваться, и стал преследовать уже не одни лишь прямые посягательства против себя, но и сами проявления указанного выше сознания»⁵. Ряд небольших публикаций по теме был включен в «Исторический вестник» С.Н. Шубинского⁶. Толкование понятию политического преступления учёные в этот период давали через определение видов преступлений, относящихся к категории политических⁷.

В ранний советский период политическая преступность в качестве объекта исследования не выступала. По большому счету, вооруженный захват власти большевиками в октябре 1917 г. мог бы интерпретироваться как политическое преступление, а большевики представлялись бы политическими преступниками. Возможно, поэтому понятия «политическое преступление», «политический преступник» из научного лексикона были фактически вытеснены, хотя царский режим советскими историками критиковался, а политический терроризм превозносился. Так, в исследовании М. Лемке были освещены деятельность

¹ Лохвицкий А.В. Курс русского уголовного права // Сочинения А. Лохвицкого. СПб.: Журн. М-ва юст., 1867. 671 с.

² Таганцев Н.С. Русское уголовное право М.: Наука, 1994. Т. 1, ч. 1. 380 с.; Его же. Уложение о наказаниях. Его характеристика и оценка // Журнал гражданского и уголовного права. Год третий. СПб.: Типография А.М. Котомкина, 1873. 32 с.

³ Тарновский Е.Н. Статистические сведения об осужденных за государственные преступления в 1905–1912 гг. // Журнал Министерства юстиции. 1915. № 10 (Декабрь). С. 37–69.

⁴ Малянтович П.Н., Муравьев Н.К. Законы о политических и общественных преступлениях. М., 1910. С. 121–122.

⁵ Гредескул Н.А. Террор и охрана. СПб.: Тип. т-ва «Обществ. польза», 1912. С. 9.

⁶ Например, см.: Глинский Б.Б. Отдельные эпизоды агентурной деятельности Департамента полиции в 80-е годы // Исторический вестник. 1912. Т. 127, № 2. С. 667 – 690.

⁷ Пусторослев П.П. Государственные преступления относительно Государственной Думы // Вестник права. 1906. № 2. С. 116; Белогриц-Котляревский Л.С. Краткий курс уголовного права. Киев: Петр Барский, 1908. С. 240–241; Малиновский И.А. Лекции по истории русского права. Ростов н/Д: Изд-во Товарищества «Единение», 1918. С. 318; Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. Ростов н/Д: Феникс, 1995. С. 344–347.

нелегального издательства и первой вольной типографии в Москве, дело М.И. Михайлова, Н.Г. Чернышевского, «карманной типографии» и др.¹ Советской историографией политическая жизнь в дореволюционной России, как правило, освещалась в духе оправдания прихода к власти большевистской партии, в то время как все приспешники царизма и буржуазии критиковались. К таким работам можно отнести труды Л.П. Меньщикова «Охрана и революция: к истории тайных политических организаций, существовавших во времена самодержавия»², В.И. Орлова «Студенческое движение Московского университета в XIX столетии»³, Г.А. Куклина «Итоги революционного движения в России за сорок лет: (1862–1902 гг.): сборник программ, программных статей русских революционных партий и групп и кратких очерков по истории русского революционного движения»⁴ и некоторые другие⁵.

Среди прочих исследований выделяется статья А.Л. Слухоцкого «Очерк деятельности Министерства юстиции по борьбе с политическими преступлениями». Работа практически лишена классовой оценки окружающей действительности. В исследовании учёный использует термин «государственное преступление» применительно к анализу исторических событий до 1864 г., подчёркивая, что в 1864–1917 гг. в стране активизируются оппозиционно настроенные общественно-политические движения⁶.

В 1970–80-е гг. советские историки предприняли попытку переоценки исторической правоты деятельности небольшевистских партий в России в дореволюционный период, в связи с чем научный интерес к исследуемой проблематике возрастает. Среди прочих можно выделить исследования Л.М.

¹ Лемке М. Политические процессы в России 1860-х гг. (по архивным документам). Изд. второе. М., Пг., 1923. 684 с.

² Меньщиков Л. П. Охрана и революция: к истории тайных политических организаций, существовавших во времена самодержавия / ред., примеч. и послесл. Я. Б. Шумяцкого. М.: Всесоюзное общество политкаторжан и ссыльнопоселенцев, 1925–1932. Ч. 3. 283 с.

³ Орлов В. И. Студенческое движение Московского университета в XIX столетии. М.: Изд-во Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев, 1934. 399 с.

⁴ Куклин Г.А. Итоги революционного движения в России за сорок лет (1862-1902 гг.): сборник программ, программных статей русских революционных партий и групп и кратких очерков по истории русского революционного движения. Женева: Издание Г. А. Куклина, 1903. 685 с.

⁵ См., напр.: Лемке М. Политические процессы в России 1860-х гг. (по архивным документам). Изд. второе. М., Пг.: 1923. 684 с.; Луппов П.Н. Политическая ссылка в Вятский край. М.: Изд-во политкаторжан, 1933. С. 35–39.

⁶ Слухоцкий А. Л. Очерк деятельности министерства юстиции по борьбе с политическими преступлениями // Историко-революционный сборник. Т. 3. Государственное изд-во. М., Л., 1926. С. 247–287.

Спирина¹, В.В. Шелохаева², А.В. Хохлова³, Ю.П. Господарика⁴ и некоторых других учёных⁵. Особого внимания заслуживают работы общего характера⁶.

В постсоветский период изучение политической преступности, в том числе, в исторической ретроспективе активизировалось. 1990–2000-е гг. насыщены разнообразными научными исследованиями по изучаемой проблеме. Среди них можно выделить труды М.В. Рослякова⁷, И.В. Киреева⁸, Э.Ф. Макаревича⁹, В.В. Лунеева¹⁰, И.Н. Симбирцева¹¹ и др. Одной из первых работ, затрагивающих вопросы борьбы с политической преступностью, стала работа исследователя З.И. Перегудовой «Политический сыск в России (1880 – 1917)», ставшая итогом ее многолетнего труда над темой. Автором были подняты вопросы развития политической преступности в России и отдельных регионах, а также функции и направления деятельности органов политического сыска¹².

Небезынтересны работы современных исследователей, посвящённые анализу развития политической юстиции, как модели уголовной юстиции,

¹ Спирин Л.М. Крушение помещичьих и буржуазных партий в России (начало XX в. – 1920 г.). М., 1977. С. 300–350.

² Волобуев О.В., Леонов М.И., Уткин А.И., Шелохаев В.В. История политических партий периода первой российской революции в новейшей советской литературе // Вопросы истории. 1985. № 7. С. 52–67; Волобуев О.В., Леонов М.И., Уткин А.И., Шелохаев В.В. История политических партий России 1907–1914 гг. в советской историографии // Вопросы истории. 1989. № 4. С. 147–161; Шелохаев В.В. Либеральный лагерь накануне и в годы первой русской революции в освещении советской историографии // Актуальные проблемы советской историографии первой русской революции. М., 1978. С. 236–256.

³ Хохлов А.В. Карательный аппарат царизма в борьбе с революцией 1905 - 1907 гг.: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 1975. 18 с.

⁴ Господарик Ю.П. Судебные репрессии царского самодержавия против революционного движения в России в 1895-1905 гг.: автореф. дис. ... канд. истор. наук. Москва, 1987. 16 с.

⁵ Хайнак Н.П. Уголовно-процессуальные формы борьбы царизма с революционным и демократическим движением в России во второй половине XIX века: автореф. дис. ... кандидата юридических наук. Москва, 1990. 30 с.

⁶ См., напр.: Гернет М.Н. История царской тюрьмы: 1870–1900: в 5 т. М.: Госюриздат, 1961. Т. 3. 430 с.; Его же. История царской тюрьмы: 1900–1917: в 5 т. М.: Госюриздат, 1962. Т. 4. 302 с.; Зайончковский П.А. Российское самодержавие в конце XIX столетия (Политическая реакция 80-х – начала 90-х годов). М.: Мысль, 1970. 442 с.; Шинджихашвили Д.И. Сыскная полиция царской России в период империализма. Омск: М-во внутр. дел СССР. Омск. высш. школа милиции, 1973. 67 с.; Тютюнник Л.И. Департамент полиции в борьбе с революционным движением в России на рубеже 19–20 веков (1880–1904): дис. ... канд. ист. наук. М., 1986. 294 с.; Ярмыш А.Н. Политическая полиция Российской империи (1880–1904 гг.): дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 1978. 226 с.; Чукарев А.Г. Методы и средства политического розыска царской России // Вопросы истории, философии, географии и экономики Дальнего Востока. Владивосток, 1968. С. 200–201.

⁷ Росляков М.В. Убийство Кирова. политические и уголовные преступления в 1930-х годах. Л., 1991. 125 с.

⁸ Киреев И.В. Роль института жандармерии в сохранении государственного строя России в XIX веке: дис. ... канд. юрид. наук. М., 1994. 227 с.

⁹ Макаревич Э.Ф. Политический сыск: офицеры и джентльмены: история, судьбы, версии. М.: Алгоритм, 2002. 429 с.

¹⁰ Лунеев В.В. Политическая преступность в России: прошлое и современность // Общественные науки и современность. 1999. № 5. С. 66–79.

¹¹ Симбирцев И.Н. На страже трона: политический сыск при последних Романовых, 1880–1917. М.: Центрполиграф, 2006. 427 с.

¹² Перегудова З.И. Политический сыск России (1880-1917). М.: РОССПЭН, 2000. 430 с.

используемой властью для осуществления репрессий против политической оппозиции, путем применения, как правовых, так и неправовых средств, являющихся выражением уголовной политики государства на определённом историческом отрезке. К таким исследованиям можно отнести работы А.П. Евсеева¹, К.П. Краковского², Н.А. Троицкого³ и др. Также в настоящее время наблюдается научный интерес к изучению региональных аспектов политической преступности и органов борьбы с ней⁴.

В зарубежной историографии профильных исследований по данной проблематике мы не встретили. Однако некоторые вопросы организации верховной властью противодействия оппозиции в дореволюционной России не остались без внимания зарубежных учёных⁵. Хотя из-за недостаточного количества источников, находящихся в свободном доступе, объективность выводов западных исследователей уступает отечественным.

Комплексное изучение развития политической преступности в Курской губернии во второй половине XIX – начале XX вв. до настоящего времени не проводилось, несмотря на относительно большое число публикаций по смежным темам⁶. Наиболее близкую тематику имели работы: О.В. Парфёнова «Становление, развитие и деятельность органов политического сыска в Курском

¹ Евсеев А.П. Политическая юстиция: сущность, генезис, эволюция // Вестник СПбГУ. Серия 14. Право. 2020. №1. С. 239-259.

² Краковский К.П. Политическая юстиция в России во второй половине XIX - начале XX в.: монография / Краковский К.П. Москва: Юрист, 2012. 733 с.

³ Троицкий Н.А. Адвокатура в России и политические процессы 1866-1904 гг. / Н. А. Троицкий. Тула: Автограф, 2000. 454 с.

⁴ См., напр.: Алексеева М.А. Новгородское губернское жандармское управление: 1867–1917 гг.: дис. ... канд. истор. наук. Великий Новгород, 2007. 170 с.; Бакшт Д.А. Енисейское губернское жандармское управление: организационно-правовой и региональный аспекты функционирования в системе Департамента полиции МВД, 1880–1917 гг.: дис. ... канд. истор. наук. Кемерово, 2015. 260 с. и др.

⁵ См., напр.: Пайпс Р. Россия при старом режиме: [пер. с англ. В. Козловского]. М.: Захаров, 2004. 493 с.; Катцер Н. Николай I // Русские цари. 1547–1917: [пер. с нем.]. Ростов н/Д, 1997. С. 397 и др.

⁶ См., напр.: Шепелева М.П. Состояние уголовной преступности в российской провинции за 1861–1917 гг. на примере Курской губернии: дис. ... канд. истор. наук. Курск, 2012. 203 с.; Горлова Н.И. Полиция российской провинции в XIX веке: на примере Курской губернии: дис. ... канд. истор. наук. Курск, 2005. 240 с.; Степанова Е.И. Эволюция деятельности уездной полиции Курской губернии во второй половине XIX – начале XX вв.: дис. ... канд. истор. наук. Курск, 2012. 211 с.; Белобородова А.А. Становление и развитие цензурных учреждений в Курской губернии во второй половине XIX – начале XX вв.: дис. ... канд. истор. наук. Курск, 2007. 266 с.; Локтионова Е.А. Становление и развитие пенитенциарной системы в Курской губернии во второй половине XIX – начале XX веков: дис. ... канд. истор. наук. Курск, 2004. 183 с.; Щедрина Ю.В. Судебные учреждения российской провинции во второй половине XIX – начале XX веков: на примере Курской губернии: дис. ... канд. истор. наук. Курск, 2002. 261 с.; Симонян Р.З. Эволюция органов прокуратуры в ходе судебной реформы 1864 г., вторая половина XIX – начало XX вв.: на примере Курской губернии: дис. ... канд. истор. наук. Курск, 2007. 241 с. и др.

крае: середина XVII – вторая половина XIX вв.»¹, Д.В. Максимова «Становление и развитие органов контрразведки в российской провинции: начало XX вв. – 1941 г.: на примере Курского региона»² и некоторые другие.

Высокой оценки заслуживают работы курского учёного, д.и.н. Г.А. Салтык³, многие из которых посвящены изучению истории политических партий и общественно-политических движений, правоохранительных органов в России и Центрально-Чернозёмном регионе в конце XIX – начале XX вв. Автор справедливо подчёркивает, что в Курской губернии на рубеже веков обостряется общественно-политическая ситуация, а основные функции по противодействию развитию политической преступности выполняет местное отделение жандармерии – Курское губернское жандармское управление (далее – КГЖУ), хотя работа жандармов не всегда демонстрировала свою эффективность⁴. Многие работы Г.А. Салтык посвящены борьбе курской полиции с неонародническим движением, судьбам известных курских политических преступников (например, судьбе знаменитой курской революционерки П.Н. Шавердо⁵).

Требуют упоминания и коллективные труды курских учёных⁶, поскольку в них рассматривались меры предупреждения политической преступности, в том

¹ Парфёнов О.В. Становление, развитие и деятельность органов политического сыска в Курском крае: середина XVII – вторая половина XIX вв.: дис. ... канд. истор. наук. Курск, 2005. 172 с.

² Максимова Д.В. Становление и развитие органов контрразведки в российской провинции: начало XX вв. – 1941 г.: на примере Курского региона: дис. ... канд. истор. наук. Курск, 2007. 204 с.

³ См., напр.: Салтык Г.А. Неонародническое движение Черноземного Центра России: 1901 – 1923 гг. / редкол.: А.Ю. Друговская, В.В. Зверев, В.П. Пашин [и др.]. М.: Прометей, 2002. 575 с.; Салтык Г.А., Горлова Н.И., Главинская С.Н., Белобородова А.А. Полиция Курской губернии: история становления и деятельности (1864–1917). Курск: Изд-во Курск. гос. ун-та, 2007. 319 с.; Ее же. Боролась за землю, за волю, за свободу народа: из воспоминаний «бабушки» курских революционеров Паулины Шавердо // Отечественные архивы. 2002. № 6. С. 71–90; Ее же. Из истории борьбы губернских жандармских управлений с неонародническим движением: 1905–1916 гг. (на материалах Центрального Черноземья) // История государства и права. 2002. № 6. С. 2–6; Ее же. Секретная агентура для «внутреннего наблюдения». По материалам Курского губернского жандармского управления // Лубянка. 2007. Вып. 5. С. 42–52; Ее же. Курыне в политической истории России первой четверти XX века // Личность, персоналии в контексте исторического развития: сб. ст. Курск, 2008. С. 68–74.

⁴ Салтык Г. А. Политическая полиция Российской империи в конце XIX – начале XX века: региональный аспект (на материалах Курской губернии) // Ученые записки: электронный научный журнал Курского государственного университета. 2022. №1 (61). С. 29–36.

⁵ Салтык Г.А. Боролась за землю, за волю, за свободу народа: из воспоминаний «бабушки» курских революционеров Паулины Шавердо // Отечественные архивы. 2002. № 6. С. 71–90.

⁶ См., напр.: Курский край: история и современность. 2-е изд., перераб. и доп. Курск: Арэнд. предприятие «Курск», 1995. 280 с.; Курский край в истории Отечества / под общ. ред. Л. С. Полнера, Гос. ком. Рос. Федерации по высш. образованию и др. Курск: КГТУ, 1996. 206 с.; На страже порядка. Из истории органов внутренних дел Курского края / под ред. А. Н. Волкова. Курск: ФГУИПП «Курск», 2002. 560 с. и др.

числе деятельность курской жандармерии – важнейшего органа государственной власти, контролирующего общественно-политическую обстановку в регионе.

Анализ современной историографии позволяет заключить, что рассматриваемая тема имела научный интерес в среде учёных, однако большинство работ по изучаемой проблематике носят историко-правовой характер. Они посвящены анализу отечественного законодательства, направленного на борьбу с политической преступностью в дореволюционный период, эволюции политической юстиции, как модели уголовной юстиции, используемой властью для осуществления репрессий против политической оппозиции, исследованию механизмов функционирования органов государственной власти, осуществляющих противодействие политической преступности и т.п. При этом комплексных исторических работ по рассматриваемой теме, позволяющих объективно оценить развитие политической преступности, как социального явления, недостаточно. Слабая изученность указанной проблемы на региональном уровне также актуализирует данное диссертационное исследование.

Методологическая основа. Изучение темы основывалось на принципах историзма и объективности, позволяющих критически относиться к источникам (в первую очередь, к архивным материалам), а также реконструировать исторические процессы, важные события, происходившие в российском государстве. Принцип историзма раскрывается в процессе изучения закономерностей развития политической преступности, её становления, изменений во времени, анализе данного явления в конкретных исторических условиях. Принципы объективности и всесторонности позволили критически и наиболее полно оценить сущность, социальную значимость исследуемого явления, последствия развития политической преступности для государства на примере отдельно взятого региона страны.

В работе применялись следующие методы исследования – сравнительный, хронологический, типологический, системный и некоторые другие. Сравнительный метод использовался при анализе (на предмет сходства и

различия) нормативных документов, устанавливающих основания для привлечения к юридической ответственности за совершение политически опасных деяний, регулирующих порядок расследования дел политического характера. Документы сравнивались между собой с точки зрения совершенствования процедуры расследования дел политического характера, а также с точки зрения модернизации мер противодействия политической преступности. Кроме того, с помощью метода сравнения удалось выявить особенности развития политической преступности Курской губернии, а именно установить наиболее типичные преступления политического характера, совершаемые в данный период в регионе. В работе также использовался типологический метод, с помощью которого удалось объединить наиболее часто встречающиеся государственные преступления губернии в группы. Хронологический метод позволил проследить эволюцию политической преступности в Российской империи. С помощью системного метода исследования удалось вычлнить отдельные элементы, входящие в систему политической преступности, проанализировать характер отношений между данными элементами, изучить их взаимодействие с внешней средой. В связи с этим политическая преступность Курской губернии в указанный период рассматривалась неизолрированно от иных видов преступности, внутренней и внешней политики государства.

Источниковая база исследования представляет собой совокупность письменных исторических источников, относящихся к следующим видам: законодательные акты; статистические сведения; документы политических партий; делопроизводственные материалы; периодическая печать; источники личного происхождения.

Законодательные акты условно можно разделить на две группы: опубликованные и неопубликованные. Опубликованные законодательные акты представлены официальными изданиями. В целях данного диссертационного исследования нами были изучены такие нормативные правовые акты, как Устав уголовного судопроизводства 1864 г., Высочайше утверждённое мнение

Государственного Совета «О противозаконных сообществах» 1867 г., Правила о порядке действий чинов Корпуса жандармов по исследованию преступлений 1871 г., Высочайше утверждённое мнение Государственного Совета «О наказаниях за составление противозаконных сообществ и участие в оных» 1874 г., Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 и 1885 гг., Положение о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия 1881 г., Уголовное уложение 1903 г. и др.

Для анализа эволюции отдельных норм законодательства, устанавливающих юридическую ответственность за совершение преступлений политического характера, также анализировались отдельные нормы законодательства вне хронологических рамок обозначенного исследования, а именно – Соборное Уложение 1649 г., Военский артикул 1715 г., Свод законов Российской империи 1832 г. и некоторые другие нормативные правовые акты. Опубликованные законодательные акты позволили проанализировать организационно-правовые механизмы противодействия политической преступности, определить порядок расследования дел политического характера, основания для привлечения к ответственности политических преступников в исследуемый период.

Однако не весь комплекс нормативных правовых актов был опубликован, в связи с чем была проведена работа с многочисленными архивными материалами, содержащимися в Государственном архиве Российской Федерации (далее – ГАРФ), Российском государственном историческом архиве (далее – РГИА), Государственном архиве Курской области (далее – ГАКО).

С этой целью нами были изучены следующие фонды ГАРФ – Ф. 94 (Верховная распорядительная комиссия по охранению государственного порядка и общественного спокойствия), Ф. 102 (Департамент полиции Министерства внутренних дел), Ф. 124 (Уголовные отделения первого департамента Министерства юстиции), Ф. 1727 (Судебный отдел (по дознаниям о государственных преступлениях) департамента полиции Министерства внутренних дел); РГИА – Ф. 1405 (Министерство юстиции), Ф. 1409 (Собственная Его Императорского Величества Канцелярия – далее СЕИВК), Ф. 1284

(Департамент общих дел МВД), Ф. 1286 (Департамент полиции исполнительной МВД) и др. В данных архивных фондах были обнаружены ведомственные нормативные акты, регулировавшие процесс расследования дел политического характера, порядок исполнения наказаний в отношении политических преступников, механизм действия местных органов власти при выявлении массовых беспорядков и т.п.

В этих же документах (например, в архивных материалах ГАРФ Ф. 102 (Департамент полиции Министерства внутренних дел)) содержались неопубликованные *статистические сведения* о численности лиц, состоящих под гласным и негласным надзором полиции, в том числе за совершение политических преступлений в рассматриваемый период времени. Благодаря этим данным удалось не только оценить уровень развития политической преступности во второй половине XIX – начале XX вв. в Курской губернии, но и сравнить активность политических преступников Курского края с активностью данной категории преступников иных регионов Российской империи. Помимо прочего, стоит упомянуть Ф. 124 (Уголовные отделения первого департамента Министерства юстиции) ГАРФ, в котором были обнаружены конкретные политические дела, находящиеся «на контроле» у верховной власти в рассматриваемый период времени. Ф. 1410 (Вещественные доказательства по делам Министерства юстиции) ГАРФ был интересен с точки зрения исследования отдельных доказательств, «проходящих» по делам политического характера. Так, например, нами были изучены некоторые запрещённые листовки, брошюры, распространявшиеся в Курской губернии во второй половине XIX – начале XX вв. и изъятые в результате проведения обысков у политических преступников-курян.

Отдельного внимания заслуживают фонды Российского государственного исторического архива – Ф. 1405 (Министерство Юстиции), Ф. 1409 (Собственная его Императорского Величия Канцелярия), Ф. 1410 (Вещественные доказательства по делам министерства Юстиции), Ф. 1284 (Департамент общих дел МВД), Ф. 1286 (Департамент полиции исполнительной МВД) и др. Анализ документов Ф. 1286 (Департамент полиции исполнительной МВД) РГИА дал

возможность выявить количество лиц, подчинённых надзору курской полиции за совершение противозаконных проступков политического свойства в исследуемый период, что позволило оценить уровень развития политической преступности в конкретном регионе.

Также были исследованы документы Государственного архива Курской области – фонды канцелярии Курского губернатора (Ф 1.), Курского окружного суда (Ф. 32), прокурора Курского окружного суда (Ф. 795), товарищей прокурора Курского окружного суда (Ф. 801) и др.

Особо информативными оказались фонды помощников начальника Курского губернского жандармского управления в Курском, Обоянском, Щигровском, Путивльском, Рыльском и Суджанском уездах (Ф. 1663) и Курского губернского жандармского управления (Ф. 1642). Ценным источником информации являются ведомости, доклады, записки и отчёты чинов жандармского управления. Не менее интересны с научной точки зрения циркуляры Департамента полиции МВД о розыске лиц, обвиняемых в выступлениях против царского самодержавия, в которых нередко содержалась информация о политических преступниках Курской губернии. Огромный пласт сведений о курянах, имеющих репутацию «политически неблагонадёжных» лиц, содержится в так называемых наблюдательных делах, которые заводились на подданных, подчинённых негласному или гласному надзору полиции. Отдельного внимания заслуживают материалы о производстве обысков, аресте лиц, обвиняемых в совершении преступлений «против царского самодержавия», в которых содержались подробности жизни и антиобщественной деятельности «потенциальных» и «реальных» политических преступников. Интересна переписка жандармского управления с другими ведомствами региона, поскольку в шаблонных актах, отчётах и докладных записках также представлена статистическая информация.

Помимо неопубликованных статистических сведений, содержащихся в архивных материалах, отдельные данные, использованные при написании диссертационной работы, взяты из официальных изданий. Например, с этой

целью были проанализированы общероссийские ведомости дознаний о государственных преступлениях, производившихся в жандармских управлениях империи, за тот или иной исторический период, а также обзоры важнейших дознаний, производившихся в жандармских управлениях России, по делам о государственных преступлениях. В результате анализа данных материалов удалось не только исследовать активность политических преступников в Курской губернии, но и сравнить развитие политической преступности в отдельно взятой губернии с другими регионами государства.

Отдельно стоит рассмотреть *документы политических партий*, «вдохновлявшие» современников на сопротивление действующей власти. Например, в материалах I съезда Российской социал-демократической партии 1898 г. подробно описывались формы политической борьбы, в частности обосновывалась необходимость политической пропаганды учений научного социализма, распространения среди рабочих «правильного» понимания общественно-экономического развития российского государства. Подчёркивалось, что в непрерывной связи с пропагандой стоит агитация среди рабочих, принятие участия социал-демократов во всех стихийных проявлениях борьбы рабочего класса. Отмечалась необходимость организации политических кружков, «устройства правильных и конспиративных сношений между ними и центральной группой социал-демократов», издания и распространения рабочей литературы, агитационных листовок и прокламаций, подготовки контингента опытных агитаторов¹.

Небезынтересны документы партии социалистов-революционеров – программа, протоколы и решения съездов, конференций, а также некоторые другие материалы партии, освещавшие методы политической борьбы, в том числе метод индивидуального террора².

¹ Первый съезд РСДРП. Сборник документов и материалов, освещающих историю созыва и проведения съезда. // Исторические материалы. – URL: <https://istmat.org/node/50972> (дата обращения: 03.03.2023).

² Партия социалистов-революционеров: документы и материалы (1900-1922 гг.): в 3-х т. / сост., авт. предисловия, введения, комментариев Н. Д. Ерофеев. М.: РОССПЭН, 1996. Т. 1. 1900-1907 гг. 686 с.

Делопроизводственную базу составили, в первую очередь, архивные материалы из федеральных и региональных архивных фондов РГИА, ГАРФ, ГАКО. В исследуемых фондах содержится множество циркуляров, розыскных списков, отчётов, распоряжений, приказов и других документов, позволяющих детально проанализировать историю политической преступности в изучаемый период. Так, например, в отдельных документах Ф. 1642 (Курское губернское жандармское управление) ГАКО подробно описано, сколько дознаний в регионе было осуществлено в тот или иной период, сколько следственных действий по требованию жандармских чинов и лиц прокурорского надзора исполнено за год, а также какие входящие и исходящие бумаги значились в делопроизводстве местных жандармов.

В *материалах центральной и местной периодической печати* также содержатся отрывочные сведения о развитии политической преступности в Курской губернии в исследуемый исторический период. В качестве примера можно выделить следующие дореволюционные периодические издания: «Исторический вестник», «Курские губернские ведомости». Например, в «Курских губернских ведомостях», которые издавались с 1838 г. по 1918 г. с периодичностью три раза в неделю, можно найти интересные заметки о наиболее «громких» политических процессах, происходивших в Курской губернии в рассматриваемый период времени. В связи с этим можно заключить, что «Курские губернские ведомости» – это ценнейший исторический источник, сохранившийся до сегодняшнего дня. Кроме того, следует выделить периодическую печать, выпускаемую оппозиционно настроенными политическими партиями. Так, например, в отдельных архивных фондах удалось обнаружить печатные воззвания, листочки, иную запрещённую литературу, в том числе привезённую политическими преступниками из заграницы (например, Ф. 1 канцелярии Курского губернатора, Ф. 795 прокурора Курского окружного суда, Ф. 1642 Курского губернского жандармского управления ГАКО).

В отдельную группу источников также следует выделить *источники личного происхождения*. В рамках данного диссертационного исследования были

изучены воспоминания полковника П.П. Заварзина, бывшего начальника Кишиневского, Донского, Варшавского и Московского Охранных Отделений, в которых автор знакомит читателей не только с теорией работы охранных отделений в рассматриваемый исторический период, но и практикой борьбы с политической преступностью¹. Данный материал помог наиболее полно погрузиться в тему исследования и всесторонне проанализировать работу жандармерии, которая во второй половине XIX – начале XX вв. занималась противодействием развитию политической преступности.

Таким образом, источники, используемые для написания диссертационной работы, отличаются разнообразием. Они позволяют объективно, критически оценить развитие политической преступности в рассматриваемый период времени.

Научная новизна диссертации определена комплексным подходом к анализу поставленной темы. Впервые в отечественной историографии осуществлена институционализация знаний об истории политической преступности во второй половине XIX – начале XX вв., решена проблема установления логических и исторических связей между разными фактами о политической преступной деятельности.

В работе предпринята попытка отказаться от односторонней оценки деятельности органов власти, осуществляющих надзор за общественно-политической обстановкой в стране в исследуемый период (в первую очередь, жандармерии), принятой советской историографией.

Авторский подход к рассмотрению истории политической преступности не только как объекта изучения, но и автономно функционирующей систем позволил учесть влияние принятых государственной властью мер, противодействующих развитию политической преступности в стране, на рост/спад оппозиционных настроений в обществе, а также реализуемого правительством курса во внутренней и внешней политике как индикатора активности политических преступников.

¹ Заварзин П.П. Жандармы и революционеры. Воспоминания. Париж, 1930. 256 с.

Научный интерес представляет оригинальный исследовательский подход к анализу эффективности сочетания гласных и секретных методов противодействия политической преступности в исторической ретроспективе. Также в работе доказывается, что многие деяния, признаваемые во второй половине XIX – начале XX вв. в России (в соответствии с законодательством) политическими преступлениями, не представляли опасности для общественного спокойствия и государства, а угрожали лишь действующей власти, существующему режиму правления, вследствие чего и были признаны преступными. Уточнена и систематизирована структура политической преступности Российской империи в исследуемый период, раскрыта и охарактеризована система надзора за политической ситуацией в стране, установлена специфика совершения отдельных разновидностей политических преступлений во второй половине XIX – начале XX вв. Составлен «портрет» типичного для рассматриваемого периода политического преступника.

Положения, выносимые на защиту, включают в себя следующие пункты:

1. Понятие «политическое преступление» в отечественной историографии трансформировалось, что было связано с качественным изменением основных тенденций развития института государственности. В дореволюционный период к категории политических преступлений, в связи с сакрализацией верховной власти, отождествлением личности монарха с государством, относили посягательства на государя, членов его семьи, существующий порядок управления страной. Советские учёные понимали под политическими преступлениями общественно опасные деяния, направленные на подрыв экономических и политических основ государства. Современное толкование термина с развитием демократических начал, политического плюрализма научным сообществом определяется по-разному, начиная от совокупности преступлений населения против основ государства и заканчивая общественно опасными деяниями, совершёнными по политическим мотивам.

2. Попытки изменения общественно-политической обстановки в стране, основанные на императивных началах противодействия политической преступности, в отсутствие реальных социально-экономических и политических преобразований не снижали социальную напряжённость, угрожающую безопасности государства, и не смогли нивелировать причины роста политической преступности, вследствие чего население скрыто и открыто оказывало сопротивление действующей власти.

3. Ужесточение наказаний за совершение преступлений политического характера, появление в уголовном законе новых составов политических преступлений в исследуемый период являлось прямым следствием активизации оппозиционно настроенных общественно-политических течений. Но, несмотря на имевшее место совершенствование законодательства, количество политических преступлений не сокращалось.

4. Для Курской губернии как типичной российской провинции, были характерны следующие политические преступления: оскорбление словом или действием императора и членов его семьи; агитационно-пропагандистская деятельность политического характера; членство в запрещённых политических объединениях; участие в антиправительственных выступлениях. Данная структура политических преступлений определена социальным составом населения региона, причем оскорбление государя и членов его семьи являлось характерным преступлением для крестьянского населения, членство в запрещённых политических объединениях, ведение агитационно-пропагандистской деятельности, участие в антиправительственных выступлениях было типичным проявлением политической позиции для студентов и разночинцев. В связи с преобладанием сельского населения над городским в губернии недовольство действующей властью и реализуемым ею курсом чаще выражалось в «пассивной» форме.

5. В Курской губернии в рассматриваемый период, не смотря на рост политической преступности, политические преступления были «малозначительными». В структуре общеуголовной преступности они имели

незначительный удельный вес, радикальные формы выражения протеста не были распространены.

6. Распространение агитационно-пропагандистской деятельности политического характера в Курской губернии во второй половине XIX – начале XX вв. связано с активизацией в регионе оппозиционно настроенных общественно-политических движений. В запрещённой литературе, которая попадала в губернию из-за границы и крупных городов по железной дороге, как правило, поднимались аграрные вопросы, более других волновавшие крестьянство. Политическая пропаганда осуществлялась посредством распространения и (или) чтения запрещённых листовок, книг, воззваний и т.п. В виду малограмотности большей части курского населения значительного подъема протестных выступлений не происходило.

7. Противодействием распространения политической преступности в Курской губернии во второй половине XIX – начале XX вв. занималась местная жандармерия при содействии полиции, губернской администрации, чинов прокурорского надзора. При этом механизмы борьбы не отличались высокой результативностью. Жандармский корпус отличал формализм и бюрократизм в выполнении должностных обязанностей. Имели место недостатки в проведении розыскных и надзорных мероприятий.

8. За совершение преступлений политического характера в Курской губернии во второй половине XIX – начале XX вв. чаще всего назначали наказания, связанные с лишением свободы. Применение к преступникам подобных санкций сопровождалось максимальной изоляцией политически опасных лиц от других заключённых и внешнего мира. В период пребывания осуждённого в исправительных учреждениях властями велся строгий учёт корреспонденции, налагался запрет на письмо, чтение любых журналов и газет. Целью применения данного наказания было не исправление правонарушителя, а «механическое» сдерживание распространения политически «вредных» идей среди населения.

Теоретическая и практическая ценность диссертационной работы.

Содержащиеся в работе выводы, иные материалы могут быть использованы для дальнейших исследований указанной темы, а также при написании смежных работ. Кроме того, фактический материал может быть полезен с практической точки зрения в работе сотрудников правоохранительных органов, различных силовых ведомств. Помимо прочего, материалы диссертации могут быть использованы для создания специальных курсов по рассматриваемой проблеме для преподавания в образовательных организациях (школах, профессиональных образовательных организациях, вузах и др.).

Степень достоверности исследования основывается на привлечении широкого круга исторических источников, научной литературы, а также на использовании разных методологических приемов и подходов к изучению исследуемой проблематики.

Апробация результатов диссертационной работы. Исследование проводилось на базе кафедры истории и социально-культурного сервиса ФГОБУ ВО «Юго-Западный государственный университет» в соответствии с планом научно-исследовательской работы кафедры.

Материалы диссертации были представлены на VII Международной научной конференции, посвященной 800-летию Александра Невского и 300-летию Российской империи (Липецк, 2021), Международной научной конференции «Особенности демографического, медико-социального, этноконфессионального развития российской провинции в XVIII–XXI вв.» (Тамбов, 2021), 3-й Международной научной конференции с включением материалов XI круглого стола «Ценности и нормы правовой культуры в России» (Курск, 2021), 3-й Международной научной конференции молодых ученых «Исторические, философские, методологические проблемы современной науки» (Курск, 2020) и др.

Основные положения, результаты и выводы диссертации отражены в 20 публикациях автора (13 статей в ведущих научных журналах, рекомендованных

ВАК, 1 – в журнале, входящем в ядро РИНЦ, индексированном в международной базе цитирования Web of Science).¹

Личный вклад автора заключается в проведении комплексного исследования истории политической преступности в Российской империи (на примере Курской губернии) в рассматриваемый период. Диссертационное исследование является персональной работой диссертанта, а полученные результаты – особым вкладом автора в науку.

¹ Зарубина К.А. Политические преступления в зеркале отечественного законодательства XV - XVII вв. // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. 2023. Т. 9. № 1. С. 11-17; Её же. Пропагандистская и агитационная деятельность эсеров в Курской губернии в конце XIX – начале XX век, как проявление политической преступности // Омский научный вестник. Серия. Общество. История. Современность. 2022. Т. 7, № 3. С. 34–39; Её же. Система государственных преступлений по Воинскому артикулу 1715 г. // Эволюция государства и права: проблемы и перспективы: сборник научных трудов 4-й Международной научной конференции. Курск, 2022. С. 95–98; Её же. Дела политического характера в судопроизводстве Курского окружного суда во второй половине XIX – начале XX вв. // Известия Воронежского государственного педагогического университета. 2022. № 1 (294). С. 141–144; Петрищева Н.С., Зарубина К.А. Общественно-политические настроения крестьян в Курской губернии во второй половине XIX – начале XX века // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2022. № 1. С. 216–222; Они же. Роль прокуратуры в производстве дознания по делам политического характера во второй половине XIX – начале XX вв. (на примере Курской губернии) // Вопросы истории. 2022. № 6-1. С. 205–212; Зарубина К.А. Контингент политических преступников Курской губернии во второй половине XIX - начале XX века // Преподаватель XXI века. 2022. № 2-2. С. 323–330; Её же. Применение смертной казни к политическим преступникам в России в XIX – начале XX вв. // Известия Воронежского государственного педагогического университета. 2022. № 2 (295). С. 131–135; Её же. Полицейский надзор или методы работы с «политически неблагонадёжными лицами» во второй половине XIX – начале XX вв. (на примере Курской губернии) // Вестник Брянского государственного университета. 2022. № 2. С. 57–62; Её же. Отбывание наказания политическими преступниками в Курской губернии во второй половине XIX – начале XX вв. // Известия Воронежского государственного педагогического университета. 2021. № 4 (293). С. 136–140; Её же. Курское губернское жандармское управление в XIX – начале XX вв. // Вестник Брянского государственного университета. 2021. № 4(50). С. 52–59; Её же. Развитие политической преступности в России во второй половине XIX – начале XX вв. // Особенности демографического, медико-социального, этноконфессионального развития российской провинции в XVIII–XXI вв.: сборник статей участников Международной научной конференции (Тамбов, 30 ноября 2021 года) / под ред. П.П. Щербинина; М – во науки и высш. обр. РФ, ФГБОУ ВО «Тамб. гос. ун-т им. Г.Р. Державина», Тамб. центр гендерных исслед. Тамбов: Изд-во ИП Чеснокова А.В., 2021. С. 25–29; Её же. Система государственных преступлений по Уложению о наказаниях 1845 г. // Материалы VII Международной научной конференции, посвященной 800-летию Александра Невского и 300-летию Российской империи. Липецк, 2021. С. 93–96; Её же. Система наказаний за совершение политических преступлений по Уголовному уложению 1903 года // Проблемы и перспективы развития России: молодёжный взгляд в будущее: сб. тр. конференции. Курск, 2021. С. 32–35; Её же. Политический розыск в Курской губернии во второй половине XIX – начале XX вв. // Известия Воронежского государственного педагогического университета. 2021. № 2 (291). С. 132–135; Её же. Система государственных преступлений в уголовном праве России (XIX – начало XX вв.) // Эволюция государства и права: проблемы и перспективы: сборник научных трудов 3-й Международной научной конференции с включением материалов XI – ого круглого стола «Ценности и нормы правовой культуры в России». Курск, 2021. С. 296–298; Её же. Политическая пропаганда в Курской губернии во второй половине XIX – начале XX вв. // VIA IN TEMPORE. ИСТОРИЯ. ПОЛИТОЛОГИЯ. 2020.Т. 47, № 3. С. 552–558; Её же. Политическая преступность – историко-правовая сущность явления // Юность и знания – гарантия успеха – 2020: сб. науч. трудов 7-й Международной конференции: в 3 т. Курск, 2020. С. 34–37; Её же. Оскорбление императора, или как судили в России в конце XIX – начале XX вв. за ругательства в адрес государя (на материалах Курской губернии) // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2019.Т. 9, № 6. С. 250–256; Её же. Институт политических преступлений по Соборному Уложению 1649 г. // Наука молодых – будущее России: сборник научных статей 4-й Международной научной конференции перспективных разработок молодых ученых: в 8 т. Курск, 2019. С. 102–104.

Структура диссертации определена основными задачами диссертационного исследования. Работа состоит из введения, трёх глав, заключения, списка источников и литературы, а также приложений.

ГЛАВА 1. ЭВОЛЮЦИЯ ВЗГЛЯДОВ НА ПОЛИТИЧЕСКУЮ ПРЕСТУПНОСТЬ И ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ БОРЬБЫ С ЕЕ ПРОЯВЛЕНИЯМИ В РОССИИ

1.1 Отражение сущности понятия «политическое преступление» в отечественной историографии

Политическая преступность постоянно меняет свои формы, трансформируясь из одного вида в другой, в зависимости от воздействия разных групп экономических, социально-политических, информационных, правовых, идеологических и других факторов.

Исторически возникновение политической преступности связано с развитием института государства. В Древнем Риме термином «perduellio» обозначали все государственные преступления: деяния против как самого государства, так и органов власти. Такие преступления в древнеримской республике имели целью восстановить единодержавие, присвоить власть, вмешаться в право и верховенство римского народа. Сюда же относили содействия внешнему врагу в нападении на Древний Рим. Со временем значение понятия политического преступления стало расширяться, к данной группе преступлений начали относить злоупотребления против императора, оскорбление власти, изображений и статуй императора, лживую присягу и т.п.¹ В связи с тем, что во многих странах личность монарха отождествлялась с государством, посягательства на него именовали преступлениями против государственного строя и порядка управления. В широком смысле политические преступления стали объединять все преступные деяния, направленные на нарушение государственных и публичных прав, поэтому из-за особой важности объекта посягательства данные деяния наказывались наиболее жестоко. В разных странах

¹ Большая Энциклопедия. Словарь общедоступных сведений по всем отраслям знаний. Т. 7: Глаз. М.: ДиректМедиа, 2013. С. 23.

за политические преступления предусматривались тяжкие наказания, вплоть до смертной казни.

В России политическая преступность как особо опасное для государства явление известно с древности. По мнению большинства исследователей, на начальных этапах развития государства она проявлялась в насильственной борьбе за великокняжеский престол, поскольку подобное «перераспределение» власти в высших кругах с помощью незаконных, а порой даже варварских методов создавало реальную угрозу для безопасности общества и государства, а значит, априори являлось преступным, хотя юридически общественно опасным не признавалось. Профессор, доктор исторических наук М.Ф. Владимирский-Буданов подчёркивал, что в древний период в российском государстве нередким явлением была государственная измена. Так, в Новгороде в 1194 г. казнили изменников, которые предали «дружину Новгородскую Югре». Этот вид преступлений учёный справедливо называет политическими¹.

Так, политическая преступность в России появилась с момента образования государства. Со временем формы политической преступности модифицировались. Изменение содержания понятия политического преступления происходило в моменты качественного преобразования основных тенденций развития института государственности. Например, если на начальном этапе образования российского государства политическими преступлениями признавались только посягательства на внешнеполитический суверенитет, поскольку верховная власть не имела прочной опоры в обществе, то по мере укрепления центральной власти к указанным деяниям относили преступления, направленные на подрыв основ государственного строя, существующего образа правления, а в период непосредственного отождествления государства с личностью монарха, сакрализации его власти – преступления, совершённые против правителя. Как следствие, расширение понятия верховной власти преобразовывало видовой состав политической преступности.

¹ Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор истории русского права. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2005. С. 379.

Концептуализация понятия «политическое преступление» в научной среде в России началась со второй половины XIX в. До этого периода указанное понятие практически не использовалось, хотя отдельные виды политических преступлений, сущность данного явления, предпосылки развития политической преступности в той или иной форме рассматривались в трудах отечественных учёных. Так, например, известный русский историк XVIII в. В.Н. Татищев в «Истории российской с древнейших времён», описывая процесс смены власти на разных этапах развития российского государства, подчёркивает, что в период смутного времени страна находилась в упадке и разорении. Из-за нарушения территориальной целостности, узурпирования верховной власти, «сила и слава» державы угасли¹. Несмотря на то что в работе нет ни единого упоминания о государственных преступлениях, автор негативно оценивает Смуту, многочисленные выступления, бунты против власти, происходившие в этот период внутри страны (по-другому – политические преступления). Описания подобных исторических явлений мы находим в работах М.М. Щербатова, Н.М. Карамзина, С.М. Соловьёва, В.О. Ключевского и других известных русских историков.

Во второй половине XIX – начале XX вв. в Российской империи появляются первые труды о политической преступности, формируются различные точки зрения на определение сущности этого явления. Научная мысль выходит за рамки законодательных запретов отдельных общественно опасных деяний, признанных политически опасными, и формирует общее представление об основных признаках, особенностях развития политической преступности.

Толкование понятию политического преступления учёные в этот период давали через определение видов преступлений, относящихся к категории политических. Однако исследователи по-разному формировали перечень преступлений, подпадающих под определение понятия «политические». Например, правовед П.П. Пусторослев называл политическими преступлениями

¹ Татищев В.Н. История российская с древнейших времён. М., 1769. Кн. 1, ч. 1. С. 544–545.

именно «бунтовские» действия¹. Профессор Л.С. Белогриц-Котляревский выделял посягательства на государство как на политический механизм и как на порядок управления². Историк и общественный деятель И.А. Малиновский относил к политическим преступлениям лишь непосредственные посягательства на государственный строй³. М.Ф. Владимирский-Буданов дополнял этот перечень преступлениями против судебной власти⁴. Е.Н. Тарновский пользовался уголовно-правовым подходом к определению перечня политических преступлений⁵. Полагаем, наиболее близки к определению сущности преступлений политического характера против государства были такие учёные, как П.П. Пусторослев и И.А. Малиновский. Исследователи полагали, что политические преступления, это, в первую очередь, посягательства на государственный строй, а никак не преступления против судебной власти или порядка управления, поскольку эти преступные деяния имели другой объект, а также иную степень общественной опасности.

В связи с различными научными воззрениями на определение видового состава политических преступлений в дореволюционный период формируется разное восприятие сущности исследуемого явления. Большинство учёных считали политические преступления особо опасными, хотя уточняли, что в разных условиях одни и те же деяния могут оцениваться как посягательства на государственный строй и государства в целом, так и вовсе не являться преступными. Учёный, юрист А.В. Лохвицкий во второй половине XIX в., анализируя основные разновидности преступлений в соответствии с действующим уголовным законодательством, утверждал, что государственные преступления встречаются в «...виде чисто политическом, или в смешанном, когда для достижения политической цели и производится общее преступление

¹ Пусторослев П.П. Государственные преступления относительно Государственной Думы // Вестник права. 1906. № 2. С. 116.

² Белогриц-Котляревский Л.С. Краткий курс уголовного права. Киев: Петр Барский, 1908. С. 240–241.

³ Малиновский И.А. Лекции по истории русского права. Ростов н/Д: Изд-во Товарищества «Единение», 1918. С. 318.

⁴ Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. Ростов н/Д: Феникс, 1995. С. 344–347.

⁵ Тарновский Е.Н. Статистические сведения об осужденных за государственные преступления в 1905–1912 гг. // Журнал Министерства юстиции. 1915. № 10 (Декабрь). С. 37–69.

<...> Хотя факт, наказуемый как великое политическое преступление в одном законодательстве считается маловажным проступком или даже ненаказуемым деянием в другом...»¹. Также А.В. Лохвицкий справедливо подчёркивает, что эти преступления направлены, в первую очередь, против существования, безопасности и целостности государства, и они строго отделены от преступлений против местного управления (по-другому, против посягательств на порядок управления). Учёный называет три вида политических преступлений: преступления против личности государя, бунт и государственную измену, отмечая, что в петровское время эти преступления были более известны, как преступления по «первым двум пунктам», хотя в действующем во второй половине XIX в. в России законодательстве данные термины даже не упоминаются. В древности, по замечанию учёного, все эти три вида преступлений соединялись в одно – преступление против государства, именуемое чаще всего изменой, поскольку в «старой России» понятие государства сливалось с понятием государя. Среди главных особенностей политических преступлений А.В. Лохвицкий называет особый порядок судопроизводства по политическим делам, а также специальные строгие наказания (чаще всего смертная казнь и конфискация имущества). Подчёркивается, что смертная казнь в данный период назначалась чаще именно за политические и карантинные преступления, что свидетельствует об «экстренных»² мерах государства в деле противодействия политической преступности, а значит, и об активизации политических преступников.

Так, учёный одним из первых не только анализирует сформировавшуюся систему политических преступлений в России в рассматриваемый период, даёт определение сущности политической преступности, но и указывает на её главную особенность: в разных исторических периодах или даже в разных государствах в одно и то же время то или иное посягательство на государство может считаться как опасным преступлением, так и вовсе ненаказуемым деянием в связи с реализуемым курсом политики, вследствие чего важно исследовать исторические

¹ Лохвицкий А.В. Курс русского уголовного права // Сочинения А. Лохвицкого. СПб.: Журн. М-ва юстиц., 1867. С. 324.

² Там же. С. 324–354.

условия, в которых был принят тот или иной закон, запрещающий конкретное деяние. Особое значение в этом контексте приобретают мотивы совершения преступления.

Схожей точки зрения придерживаются исследователи Н.К. Муравьев и П.Н. Малянтович. В начале XX вв. учёные подчёркивали, что среди иных видов преступлений по степени и характеру общественной опасности первое место занимают деяния, направленные против государства в целом, «против его существования и неприкосновенности его строя». При этом степень репрессии определяется общими политическими условиями¹.

Так, в научных трудах данного периода достаточно чётко устанавливается зависимость формирования определения понятия политического преступления от конкретных исторических (в первую очередь, политических) условий. Полагаем, что указанная точка зрения точно характеризует состояние политической преступности второй половины XIX – начала XX вв. в России. В этом отношении профессор права и известный публицист XIX в. Ф. Гольцендорф справедливо замечал: «Вполне справедливым судьей над политическим преступлением является история, а не ученые-юристы или выбранные из народа присяжные...»². В связи с этим можно заключить, что уже в конце XIX – начале XX вв. в научном сообществе существовало понимание того, что одно и то же деяние, отождествляемое с политическим преступлением, при разных политических режимах, даже при разных правителях может считаться как опасным для общества и государства, так и нет, а значит, наказуемые законом деяния и вовсе могут быть не преступными.

Однако существовали и альтернативные взгляды на сущность политического преступления. Например, небезынтересно заявление таких отечественных учёных, как Н.Н. Полянский, А.Ю. Рапопорт, И.С. Урысон. В «Законах о политических и общественных преступлениях» 1910 г. исследователи отмечали: «Надлежащая юридическая конструкция государственных

¹ Малянтович П.Н., Муравьев Н.К. Законы о политических и общественных преступлениях. М., 1910. С. 121–122.

² Чирикин В.А. Основные подходы к определению понятия «политическое преступление» в истории правовой мысли // Правовая политика и правовая жизнь. 2019. № 2. С. 109–113.

преступлений возможна лишь в государстве конституционном. Где нет конституции, нет и важнейшего отличительного объекта государственных преступлений. Охрана существующего строя поглощается здесь охраной интересов отдельных лиц <...> не был мыслим ни один иной объект государственных преступлений, кроме самого государя, ибо население и территория являлись предметами его властвования...»¹. Считаем указанную точку зрения не совсем верной, поскольку в любом государстве с формированием самого института государственности, государственного аппарата появляется и политическая преступность в разных формах. Это можно проследить на примере российского государства, где ещё в древности с утверждением княжеской власти нормативно закрепляется система политических преступлений – государственная измена, мятеж, сдача города врагу и т.д. При этом ни о каких конституционных началах в России вплоть до XX в. речь не идёт. А, действительно, демократический конституционный строй формируется в стране только после распада СССР.

В этот же период времени в отечественной науке появляется понятие «политическая юстиция», используемое для обозначения судебных преследований представителей революционного движения. Однако широкого распространения в научной литературе указанный термин не получает, поскольку в изучаемый период в России проводилась довольно жёсткая цензурная политика (неслучайно, некоторые работы в официальных изданиях были опубликованы авторами из соображений обеспечения собственной безопасности под псевдонимами)². Хотя некоторые исследователи всё-таки достаточно предосудительно в своих трудах характеризуют использование уголовной юстиции для реализации верховной властью политических целей³. Например, правовед Б.А. Кистяковский в статье «В защиту права» подчёркивал, что

¹ Малянтович П.Н., Муравьев Н.К. Законы о политических и общественных преступлениях: практический комментарий / сост. при ближайшем участии Н.Н. Полянского, А.Ю. Рапопорта и И.С. Урысона. СПб.: Юрид. кн. склад «Право», 1910. С. 121.

² Зибер Н.И. Суд и государственные преступления // Юридический вестник. 1880. Т. V. С. 323–357.

³ См. напр.: Глинский Б.Б. Революционный период русской истории (1861—1881 гг.) / Б.Б. Глинский // Исторические очерки. СПб, 1913. № 4. С. 1–2.

ограничение независимости суда в результате проведения контрреформ Александра III ярко демонстрировало реализацию в действии механизмов политической юстиции (использования судебной власти для достижения политических целей)¹.

Подводя промежуточный итог, отметим, что в дореволюционный период в России, несмотря на разрозненность взглядов и отсутствие чётко разработанного понятия политического преступления, концептуально исследователи конца XIX – начала XX вв. закрепили основные признаки политической преступности. Учёные отмечают её противоправность, запрещённость законом, наказуемость, причинение общественно опасных последствий государственным устоям и др. Индикатором реакции государства на деятельность политической оппозиции считалась политическая юстиция. Однако виды политических преступлений в это время исследователи выделяли разные: от преступлений против внешней безопасности государства, до посягательств на судебную власть. Полагаем, что подобное «видовое разнообразие» в оценках относимости того или иного противоправного деяния к категории политических преступлений связано с недостаточно емким определением понятия верховной власти в дореволюционной России. В связи с тем, что принцип разделения властей явно не прослеживался и высшая государственная власть могла отождествляться как с законодательной, так и с исполнительной, судебной ветвями власти, некоторые учёные именовали политическими также преступления против порядка управления или суда.

В советский период исследованием политической преступности в исторической ретроспективе преимущественно не занимались, поскольку насильственный вооруженный захват власти в октябре 1917 г. был не чем иным, как политическим преступлением, а большевики, гордо именовавшие себя революционерами, – политическими преступниками². В результате этого из научного и тем более правового лексикона понятия «политическое

¹ Кистяковский Б.А. В защиту права (о задачах нашей интеллигенции) / Б.А. Кистяковский // Власть и право. Из истории русской правовой мысли. Л. 1990. С. 193

² Микшин В.В. Разоблачение В.И. Лениным обывательской морали ликвидаторов // Непролетарские партии России в трёх революциях. М.: Наука, 1989. С. 207–212.

преступление», «политический преступник» были либо вытеснены, либо подменены. Действующее в этот период уголовное законодательство именовало политические преступления государственными (например, Положение о преступлениях государственных (контрреволюционных и особо для Союза ССР опасных преступлениях против порядка управления) от 25 февраля 1927 г.; ст. 57-104 Особенной части Уголовного кодекса РСФСР 1922 г. и ст. 64-88.2 Особенной части Уголовного кодекса РСФСР 1960 г.). Причём к таким преступлениям также относили посягательства на экономические основы государства. Касаемо оценки дореволюционного периода развития российского государства, можно отметить, что в советское время царский режим и всё «буржуазное» критиковалось, а деятельность оппозиционно настроенных общественно-политических партий, кружков, движений, нацеленная на изменение политического режима, напротив, оправдывалась. Интерес к данной теме «подогревался» властью. В результате множество трудов учёных уже на начальных этапах строительства советского государства были посвящены истории политических партий, революционного движения. Данные исследования как раз и рассматривали наиболее опасные формы проявления политической преступности – бунт, выступления, забастовки и т.п., хотя и не называли их преступлениями, в принципе оценивая совершаемые деяния, как политически полезные и необходимые для распространения социализма по всему миру. К ним относятся работы видных партийных и государственных деятелей Г.В. Плеханова, Ю.О. Мартова, Л. Д. Троцкого, В.И. Ленина и др. Не менее яркими работами по данной проблематике можно считать следующие труды: Л.П. Меньщикова «Охрана и революция: к истории тайных политических организаций, существовавших во времена самодержавия»¹, В.И. Орлова «Студенческое движение Московского университета в XIX столетии»², Г.А. Куклина «Итоги революционного движения в России за сорок лет: (1862–1902 гг.): сборник программ, программных статей русских революционных

¹ Меньшиков Л. П. Охрана и революция: к истории тайных политических организаций, существовавших во времена самодержавия / ред., примеч. и послесл. Я. Б. Шумяцкого. М.: Всесоюзное общество политкаторжан и ссыльнопоселенцев, 1925–1932. Ч. 3. 283 с.

² Орлов В. И. Студенческое движение Московского университета в XIX столетии. М.: Изд-во Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев, 1934. 399 с.

партий и групп и кратких очерков по истории русского революционного движения»¹ и некоторые другие². В данных исследованиях учёные признают общественно полезной деятельностью все противоправные деяния, направленные против ранее существовавшего в дореволюционный период политического строя, а также отдельных его представителей. Любая деятельность, не вписывающаяся в рамки принятых программных документов партии, оценивалась, как «вредная». По сути, правовые понятия были подменены на политические. В научных работах звучали призывы о несправедливой оценке деятельности дореволюционных оппозиционных общественно-политических движений. Так, например, в «Истории коммунистической партии Советского Союза: создание большевистской партии, 1883–1903 гг.» П.Н. Поспелова отмечалось, что с целью пресечения стачечной борьбы дореволюционное правительство в данный период с помощью карательных средств пыталось остановить развитие революционной ситуации, а действующая власть квалифицировала как политические любые посягательства на самодержавие³. Российский адвокат, участник революционного движения М.Л. Мандельштам, характеризуя ход революционной борьбы в период правления последних Романовых, отмечал, что в начале XX в. Россия буквально «проснулась ото сна», и если в 1891 г. страна ещё была погружена в «вековую тишину», то в 1905 г. революционный «ледоход» шёл полным ходом. Оценивая деятельность Николая II по предотвращению развития революционной ситуации, автор именуется императора «кукольным деспотом», подчёркивая, что репрессии, осуществляемые в этот период властью, которые ещё недавно были эффективными, перестали действовать. «Они бессильно повисли в воздухе». Открытые формы противоборства существующему режиму правления исследователем характеризуются исключительно в положительном ключе, в то

¹ Куклин Г.А. Итоги революционного движения в России за сорок лет (1862-1902 гг.): сборник программ, программных статей русских революционных партий и групп и кратких очерков по истории русского революционного движения. Женева: Издание Г. А. Куклина, 1903. 685 с.

² См., напр.: Лемке М. Политические процессы в России 1860-х гг. (по архивным документам). Изд. второе. М., Пг.: 1923. 684 с.; Луппов П.Н. Политическая ссылка в Вятский край. М.: Изд-во политкаторжан, 1933. С. 35–39.

³ Поспелов П.Н. История Коммунистической партии Советского Союза: создание большевистской партии, 1883–1903 гг. М.: Институт марксизма-ленинизма, 1967. С. 74.

время, как все действия буржуазного правительства порицаются¹. Негативно советские исследователи оценивали и феномен политической юстиции, именуя её «родимым пятном» капитализма, присущему лишь буржуазному государству, в котором за политические убеждения суды преследуют противников действующего режима правления. Однако тема политической юстиции всё же не имела должного освещения в научной литературе этого периода, поскольку именно в советское время репрессивные механизмы действия уголовной юстиции получили наивысшее развитие².

Хотя справедливости ради необходимо отметить, что отдельные научные работы, изданные в первые годы утверждения советской власти, всё же «трезво» оценивали политическую преступность. Например, в статье «Очерк деятельности Министерства юстиции по борьбе с политическими преступлениями» советский учёный-правовед А.Л. Слухоцкий достаточно подробно рассматривает политические преступления, анализирует действующее в дореволюционный период законодательство о политических преступлениях. Работа практически лишена классово-окраски³. Примечательно, что в исследовании термин «государственное преступление» учёным используется лишь применительно к анализу исторических событий до 1864 г. В период 1864–1917 гг. исследователь понятия «государственное» и «политическое» преступление отождествляет, оправдывая это активизацией общественно-политических движений в России.

В 1970–80-е гг. советские историки предприняли попытку переоценки исторической правоты деятельности небольшевистских партий в России в дореволюционный период. И если ранее работы по данной проблематике практически не издавались, то в это время научный интерес к деятельности буржуазных партий возрос. Например, исследователь Л.М. Спирин в статье «Крушение помещичьих и буржуазных партий в России (начало XX в. – 1920 г.)»

¹ Мандельштам М. Л. 1905 год в политических процессах: Записки защитника / М. Л. Мандельштам; С предисл. и ред. примеч. Н. Ф. Чужака. М. : Всесоюз. о-во полит. каторжан и ссыльно-поселенцев, 1931. С. 38

² Соломон П. Советская юстиция при Сталине [пер.с англ. Л. Максимова], М.: РОССПЭН, 2008. 464 с.

³ Слухоцкий А. Л. Очерк деятельности министерства юстиции по борьбе с политическими преступлениями // Историко-революционный сборник. Т. 3. Государственное изд-во. М., Л., 1926. С. 247–287.

представил подробный анализ антинародной сущности непролетарских партий¹, а учёный В.В. Шелохаев в соавторстве с другими исследователями в ряде публикаций осветил проблемы деятельности основных либеральных меньшевистских объединений дореволюционного и раннего советского периода². Так, если ранее всё «меньшевистское» просто отрицалось и практически не исследовалось, то с приближением крушения Советского Союза данная проблематика стала объектом изучения. Хотя и эти работы несли печать времени и были «загнаны» в достаточно жёсткие идеологические рамки.

Также в рассматриваемый период более интенсивно в научной литературе разрабатывалась проблема борьбы большевистской партии против репрессий буржуазного аппарата самодержавия. К таким работам можно отнести диссертационные исследования А.В. Хохлова «Карательный аппарат царизма в борьбе с революцией 1905–1907 гг.»³, Ю.П. Господарика «Судебные репрессии царского самодержавия против революционного движения в России в 1895–1905 гг.»⁴ и некоторые другие⁵.

Интересно определение перечня политических преступлений в советский период. Например, в работе «Ответственность за государственные преступления» С.В. Дьяков, А.А. Игнатъев, М.П. Карпушин помимо таких «традиционных» посягательств на государство, как государственная измена, шпионаж, террористический акт, массовые беспорядки, к государственным (политическим) преступлениям относят антисоветскую агитацию и пропаганду, вредительство (как государственное преступление, посягающее на экономическую систему

¹ Спирин Л.М. Крушение помещичьих и буржуазных партий в России (начало XX в. – 1920 г.). М., 1977. С. 300–350.

² Волобуев О.В., Леонов М.И., Уткин А.И., Шелохаев В.В. История политических партий периода первой российской революции в новейшей советской литературе // Вопросы истории. 1985. № 7. С. 52–67; Волобуев О.В., Леонов М.И., Уткин А.И., Шелохаев В.В. История политических партий России 1907–1914 гг. в советской историографии // Вопросы истории. 1989. № 4. С. 147–161; Шелохаев В.В. Либеральный лагерь накануне и в годы первой русской революции в освещении советской историографии // Актуальные проблемы советской историографии первой русской революции. М., 1978. С. 236–256.

³ Хохлов А.В. Карательный аппарат царизма в борьбе с революцией 1905 - 1907 гг.: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 1975. 18 с.

⁴ Господарик Ю.П. Судебные репрессии царского самодержавия против революционного движения в России в 1895-1905 гг.: автореф. дис. ... канд. истор. наук. Москва, 1987. 16 с.

⁵ Хайнак Н.П. Уголовно-процессуальные формы борьбы царизма с революционным и демократическим движением в России во второй половине XIX века: автореф. дис. ... кандидата юридических наук. Москва, 1990. 30 с.

СССР), нарушение расового и национального равноправия, бандитизм¹. Учёные оценивали, как общественно опасные посягательства на государственное устройство все деяния, подрывающие не только суверенитет, государственную безопасность, территориальную неприкосновенность и обороноспособность страны, но и экономические и политические основы государства. Полагаем, что это отражало сущность реализуемой в рассматриваемый период политики. Если ранее в дореволюционный период государство отождествлялось только с личностью монарха и верховной властью, то в советское время в связи с установлением тотального контроля со стороны правящей коммунистической партии за развитием всех сфер жизни общества политическими (государственными) преступлениями признавались посягательства на политические и экономические основы государства.

После распада СССР изучение политической преступности, в том числе как исторического явления, активизировалось. Повышению научного интереса к рассматриваемой проблематике способствовала всеобщая демократизация, провозглашение свободы слова и мысли. 1990–2000-е гг. насыщены разнообразными научными исследованиями по изучаемой проблеме. Среди них можно выделить труды М.В. Рослякова², И.В. Киреева³, Э.Ф. Макаревича⁴, В.В. Лунеева⁵, И.Н. Симбирцева⁶ и других⁷.

Для обозначения реакции государства на политических «раздражителей», представляющих угрозу существующему политическому режиму современные учёные стали активно использовать понятие «политической юстиции». В связи с

¹ Дьяков С.В., Игнатьев А.А., Карпушин М. П. Ответственность за государственные преступления. М.: Юрид. лит., 1988. С. 21–118.

² Росляков М.В. Убийство Кирова. политические и уголовные преступления в 1930-х годах. Л., 1991. 125 с.

³ Киреев И.В. Роль института жандармерии в сохранении государственного строя России в XIX веке: дис. ... канд. юрид. наук. М., 1994. 227 с.

⁴ Макаревич Э.Ф. Политический сыск: офицеры и джентльмены: история, судьбы, версии. М.: Алгоритм, 2002. 429 с.

⁵ Лунеев В.В. Политическая преступность в России: прошлое и современность // Общественные науки и современность. 1999. № 5. С. 66–79.

⁶ Симбирцев И.Н. На страже трона: политический сыск при последних Романовых, 1880–1917. М.: Центрполиграф, 2006. 427 с.

⁷ Парфёнов О.В. Становление, развитие и деятельность органов политического сыска в Курском крае: середина XVII – вторая половина XIX вв.: дис. ... канд. истор. наук. Курск, 2005. 172 с.; Салтык Г.А. Секретная агентура для «внутреннего наблюдения». По материалам Курского губернского жандармского управления // Лубянка. 2007. Вып. 5. С. 42–52; Алексеева М.А. Новгородское губернское жандармское управление: 1867–1917 гг.: дис. ... канд. истор. наук. Великий Новгород, 2007. 170 с. и др.

этим стоит упомянуть монографию К.П. Краковского «Политическая юстиция в России во второй половине XIX – начале XX в.»¹ (а также некоторые другие его труды²), работы А.П. Евсеева³, Н.А. Троицкого⁴. Не смотря на то, что большая часть современных исторических и правовых исследований по данной теме касается анализа генезиса политической юстиции в советский период, зарождение данного феномена происходит именно в дореволюционной России. И, как справедливо отмечают некоторые современные учёные, таких стран, в которых не было бы репрессивных органов, не существовало и не существует⁵, в связи с чем особое внимание уделяется формированию и развитию института политической юстиции в России в разные исторические периоды, в том числе в период надвигающейся революции (конец XIX – начало XX вв.). Исследователь К.П. Краковский, например, подчёркивал, что в Российской империи в это время, действовала, так называемая, четвертая модель функционирования суда, характеризующая объём полномочий судов, а также степень их независимости от политической власти. Учёный отмечал, что суд в России после проведения судебной реформы 1864 г. был относительно независимыми и обладал политически значимой юрисдикцией. В связи с этим в случае возникновения противоречий общества с властью (например, при выражении в открытой форме сопротивления действующему политическому режиму) нередко возникали конфликтные ситуации. Судьи выносили неприемлемые для власть предержащих решения. В ответ правительством предпринимались меры по ужесточению ответственности за совершение государственных (политических) преступлений, а дела политического характера передавались на рассмотрение специальным или

¹ Краковский К.П. Политическая юстиция в России во второй половине XIX - начале XX в.: монография / Краковский К.П. Москва: Юрист, 2012. 733 с.

² Краковский К. П. Государственные и политические преступления (к вопросу о понятиях) / К.П. Краковский // Северо-Кавказский юридический вестник, 2009, № 1. С. 27–33; Краковский К.П. Суд и политика (юстиция в условиях авторитарных режимов) / К.П. Краковский // Гражданское общество и правовое государство как факторы модернизации российской правовой системы. Матер. межд. науч.-теор. конф. СПб, 11-12 дек. 2009. Ч. I. СПб, 2009. С. 358–363; Краковский К.П. Метаморфозы «политической юстиции» в России (II половина XIX – начало XX вв.) / К.П. Краковский // Ученые записки юридического факультета РГУ. Сборник научных трудов. Вып. 5. Ростов н/Д.: Изд-во «Проф-Пресс», 2005. С.104–124 и др.

³ См. наприм.: Евсеев А.П. Политическая юстиция: сущность, генезис, эволюция // Вестник СПбГУ. Серия 14. Право. 2020. №1. С. 239-259

⁴ Троицкий Н.А. Адвокатура в России и политические процессы 1866-1904 гг. / Н. А. Троицкий. Тула: Автограф, 2000. 454 с.

⁵ Жуков В.И. Политическая юстиция: социология права и бесправия // Образование и право. 2018. №9. С. 67–76.

военным судам¹. Нередким было введение во многих регионах страны «исключительного положения» (яркий пример – Положение о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия 1881 г.). Историк Н.А. Троицкий, характеризуя наиболее «громкие» политические процессы второй половины XIX – начала XX вв., также справедливо отмечал, что в условиях действия обновлённой судебной системы правящие верхи нередко были шокированы вынесенными приговорами², в связи с чем независимость судов всё больше и больше ограничивалась, а уголовное законодательство ужесточалось.

При этом в постсоветский период в научной литературе встречаются точки зрения, как порицающие использование механизма уголовной юстиции против оппонентов верховной власти, как и оправдывающие. Например, С.В. Джунджужов в диссертационном исследовании «Деятельность карательных органов на Южном Урале в период первой русской революции» отмечал, что среди прокуроров, судей и даже жандармов в дореволюционный период встречались не только «жестokie палачи», но и достаточно интеллигентные и образованные люди, а действие государственного аппарата в деле преследования политической преступности не всегда отличалось беззаконием³. Исследователь М.В. Горяйнов в статье «Офицеры и корпус жандармов Российской империи» также подчёркивает, что сотрудники жандармерии в данный период в России отличались трудолюбием, а офицеры жандармерии, как и нижние чины в это время с высокой степенью сознательности относились к исполнению своего служебного долга⁴. Хотя некоторые современные исследования в попытке отказаться от прежних идеологизированных оценок всё же излишне «романтизируют» деятельность органов государственной власти по борьбе с революционным движением, подобные работы К.П. Краковский справедливо

¹ Краковский К.П. Политическая юстиция в России во второй половине XIX - начале XX в.: монография / Краковский К.П. Москва: Юрист, 2012. С. 5-15; Краковский, К.П. Политическая юстиция: понятие и признаки / К.П. Краковский // История государства и права. 2012. №3. С. 32–34.

² Троицкий Н.А. Адвокатура в России и политические процессы 1866-1904 гг. / Н. А. Троицкий. Тула: Автограф, 2000. С. 244

³ Джунджужов С.В. Деятельность карательных органов на Южном Урале в период первой русской революции / С.В. Джунджужов автореф.дисс.кан.ист.наук. Оренбург, 1998, 25 с.

⁴ Горяйнов М.В. Офицеры и корпус жандармов Российской империи / М.В. Горяйнов // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2016. № 2 (38). С.20-25

именует «манифестами консерватизма», написанными в лучших традициях главного идеолога контрреформ Александра III К.П. Победоносцева¹. Однако, в целом, можно отметить, что после распада СССР были выработаны новые подходы к исследованию системы средств борьбы действующего в дореволюционный период режима правления с революционным движением (именуемой политической юстицией), преодолены идеологические «барьеры», а оценки исторических событий стали более объективными.

В широком смысле под термином «политическая юстиция» современные учёные подразумевают полицейскую практику, законотворчество, судебную процессуальную и иные формы деятельности системы уголовной юстиции, применяемые с целью борьбы с политической оппозицией. При этом современные исследователи подчёркивают, что появление данного феномена в России приходится именно на рубеж XIX – XX вв., что охватывает рамки настоящего диссертационного исследования. Авторы отмечают, что в этот период понятие государственного преступления в законе формулируется расплывчато, происходит расширение уголовно-правовых средств борьбы с политической преступностью (в том числе, привлечение к уголовной ответственности лиц, опасных для действующего политического режима за ранее не наказуемые деяния), судами предъявляются слабые требования к доказательствам вины, появляется множество ведомственных нормативных актов, регулирующих процесс политического преследования, судебно-полицейский аппарат приобретает существенную автономию, функционирует режим секретности работы этого аппарата, используются, как правовые, так и неправовые средства вмешательства в судебный процесс при рассмотрении дел политического характера и т.п. Всё это в совокупности относят к признакам политической юстиции – сложной системы правовых и политических отношений, процессуальных форм и институтов по реализации в судебной сфере определенных политических установок верховной власти.

¹ Краковский К.П. Политическая юстиция в России во 2-й половине XIX - начале XX в.: историко-правовое исследование: автореф. дис. ... доктора юридических наук / К.П. Краковский, Москва, 2013. 57 с.

С целью изучения преступлений, совершаемых в политической сфере, в современной правовой науке также выделилось новое направление – политическая криминология. Одна из первых работ, посвящённых преступности политики, принадлежит профессору Д.А. Шестакову¹. Однако, несмотря на активизацию научной деятельности по исследуемой проблематике, единое понимание «политического преступления», в том числе в исторической ретроспективе, до настоящего времени научным сообществом не сформировано.

Часть исследователей считает, что политическая преступность представляет собой совокупность преступлений как населения против государства, так и государства в лице представителей высшей власти против населения (например, учёный Д.А. Шестаков²). В связи с этим ясно, что не только граждане способны посягать на установленный порядок управления государством, но и само государство может стать субъектом преступного посягательства, например, развязывать войны или осуществлять массовые репрессии против своего народа.

Другая часть учёных отождествляет политическую преступность исключительно с посягательствами на государственное устройство. Полагаем, что указанная точка зрения применимо к исследованию истории развития политической преступности является более удачной, поскольку оценки деятельности действующей в тот или иной исторический период власти с точки зрения «доброжелательности» к своему народу достаточно субъективны, поэтому целесообразнее принять за основу «официальный» курс реализуемой государством политики, в котором достаточно чётко определены «категории» государственных (политических) преступлений³.

Определяя перечень преступлений, относящихся к политическим, современные исследователи учитывают разные факторы: от направленности преступного деяния, до мотивов, целей совершения преступления. В связи с этим

¹ Шестаков Д.А. Преступность политики (размышления кримиолога): монография. СПб.: Издательский Дом «Алеф-Пресс», 2013. 224 с.

² Шестаков Д.А. Понятие, предмет, система и перспективы криминологии // Криминология. Общая часть: учебник / под ред. В.В. Орехова. СПб., 1992. С. 9.

³ Зарубина К.А. Контингент политических преступников Курской губернии во второй половине XIX–начале XX века // Преподаватель XXI века. 2022. № 2-2. С. 323–330.

в постсоветский период сформировались разные подходы к определению сущности политической преступности. Так, в настоящее время выделяют уголовно-правовой, криминологический, мотивационный, комплексный и некоторые другие подходы.

В соответствии с уголовно-правовым подходом политическая преступность фактически отождествляется с государственной преступностью, выделяемой по объекту преступного посягательства. Например, в современной России к таким преступлениям относят преступления против основ конституционного строя (хотя понятие государственного или политического преступления в действующем законодательстве РФ не употребляется), а во второй половине XIX – начале XX вв. к политическим преступлениям относили посягательства на государства «снаружи», «изнутри» и преступления против личности императора и членов его семьи. Данный подход, в первую очередь, опирается на официально принятый курс реализации государственной политики в тот или иной исторический период.

Согласно криминологическому подходу политическая преступность определяется как общественно опасная борьба оппозиционных или правящих элит за верховную власть, её удержание неправомерными способами; преступления, совершенные с целью насильственного захвата власти вооружённым способом. В данном случае определяется, как правило, единственный объект преступного посягательства – верховная власть.

Сторонники мотивационного подхода считают, что любые общественно опасные деяния можно отнести к политическим, если они совершены по политическим мотивам или для достижения особых целей политического характера, даже если это противоправное посягательство – убийство. Однако в данном случае бывает затруднительно определить истинные устремления лица, совершающего преступление, поскольку мотив является элементом, принадлежащим к субъективной стороне, а значит, к сложно обнаруживаемой и сложно доказуемой.

Оценочный подход определяет такое явление, как политическая преступность через совокупность различных противоправных деяний, процессов

или явлений, если с позиции жертвы, преступника, государства и общества можно придать общественно опасному деянию политическое значение. Придерживаясь данной точки зрения, к политическим преступлениям следует относить незаконные уголовные преследования по политическим мотивам, которые маскируются под обвинение лиц в иных противоправных действиях. Однако обнаружить и тем более изучить обстоятельства совершения таких преступлений более чем проблематично, так как органы государственной власти обычно хорошо скрывают истинные мотивы уголовных преследований¹.

Современные учёные выделяют и некоторые другие подходы к определению понятия «политическая преступность»². Полагаем, что каждый из них имеет место быть, однако, если рассматривать формирование и распространение политической преступности в ретроспективе, необходимо комплексно исследовать данное явление с учётом конкретных исторических условий, а также государственной политики, направленной на противодействие развитию этого опасного социального явления.

Применяя совокупность рассматриваемых подходов к определению сущности политической преступности, можно заключить, что в рамках настоящего диссертационного исследования под политическим преступлением необходимо понимать запрещённое законом деяние, представляющее опасность для существующего государственного строя и порядка управления и трактуемое верховной властью как деяние, совершенное по политическим мотивам. Индикатором уголовной политики государства в политической сфере можно считать механизмы политической юстиции.

Рассматривая вопрос о соотношении понятий «политического» и «государственного» преступления применительно ко второй половине XIX – началу XX вв., стоит отметить, что термин «политическое преступление» практически не употребляется в российском законодательстве, исключение

¹ Зорин А.В. Криминология политической преступности как частная криминологическая теория // Всероссийский криминологический журнал. 2012. № 1. С. 88–93.

² Чирикин В.А. Основные подходы к определению понятия «политическое преступление» в истории правовой мысли // Правовая политика и правовая жизнь. 2019. № 2. С. 109–113.

составляют законы, формирующие традицию невыдачи другому государству политических преступников (например, Высочайше ратифицированная конвенция о взаимной выдаче преступников, заключённая между Россией и Италией 14 мая 1871 г.¹). Однако, несмотря на официально принятую законодательную доктрину, данные понятия необходимо отождествлять. На правильность выбранного приёма указывает ряд фактов.

Во-первых, в различных ведомственных документах во второй половине XIX – начале XX вв. одно и то же деяние называли то государственным, то политическим преступлением, а преступников – одновременно и политическими, и государственными. Ярким подтверждением служит дело государственной крестьянки Курской губернии некой Пузановой, обвиняемой в оскорблении императора. В соответствии с действующим законодательством – это «классический» пример государственного преступления, поскольку оскорбление государя и членов его семьи во второй половине XIX – начале XX вв. было запрещено законом (ст. 268 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. (ст. 246 – в издании 1885 г.), ст. 103 Уголовного уложения 1903 г.). При этом в материалах дела обвиняемой используется как термин «государственное преступление», так и понятие «политическое преступление»². Другой пример – использование в применяемых правилах о выдаче паспортов жителям Царства Польского, отправляющимся в Российскую империю, понятия «политическое преступление» в перечислении ограничений на выдачу паспортов лицам, отданным под надзор полиции³.

Во-вторых, виновных преступников, отбывающих наказание за совершение преступлений против государства в местах лишения свободы, чаще всего именовали не просто заключёнными, а политическими заключёнными, арестантами⁴ или политическими ссыльными¹. При этом использование данной

¹ Высочайше ратифицированная конвенция о взаимной выдаче преступников, заключённая между Россией и Италией от 14 мая 1871 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. 1874. Т. 46. С. 574–576. Ст. 49600.

² Государственный архив Курской области (далее – ГАКО.) Ф. 795. Оп. 1. Д. 25. Л. 92.

³ Постановления, относящиеся к действиям губернских правлений и уездных начальников. Ведомство внутренних дел. Варшава, 1867. Т. 1, ч. 2. С. 26.

⁴ ГАКО. Ф. 795. Оп. 1. Д. 25. Л. 68.

терминологии исходило, в первую очередь, от самих сотрудников правоохранительных органов, представителей органов государственной власти. Нередко в официальных документах политических заключённых также прямо именовали политическими преступниками².

В-третьих, политическими называли себя сами преступники. К примеру, в 1904 г. в Курской губернии, по показаниям свидетелей, некто Николай Кельч во время своего задержания по подозрению в совершении государственного преступления заявил следующее: «Всё равно я политический преступник, меня знает Московская сыскная полиция, кто я Кельч»³.

И, наконец, понятие политического преступления при обозначении посягательств на государство использовали исследователи-современники. Так, например, известный русский геополитик и публицист XIX в., один из основателей цивилизационного подхода к исследованию исторических процессов, Н.Я. Данилевский в своём историко-философском сочинении «Россия и Европа» называет убийство, совершённое из политических убеждений, политическим преступлением⁴, а русский историк XIX – начала XX вв. В.А. Бильбасов в статье «Шлиссельбургская нелепа», опубликованной в пятом номере «Исторического вестника» в 1888 г., также именуется политическим преступлением попытку организации В.Я. Мировичем в XVIII в. неудачного дворцового переворота⁵.

Подводя итог, необходимо отметить, что государственных преступников именовали политическими в рассматриваемый период как представители власти, сотрудники правоохранительных органов⁶, так и сами преступники, совершающие посягательства на государство, современники данных исторических событий. Поэтому отождествление указанных понятий, несмотря на официально принятую законодательную доктрину, в том числе в рамках данного диссертационного исследования, вполне оправдано.

¹ Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 1409. Оп. 3. Д. 8197. Л. 75, 81.

² РГИА. Ф. 1409. Оп. 3. Д. 8396. Л. 258, 262.

³ ГАКО. Ф. 1642. Оп. 1. Д. 227. Л. 45–47.

⁴ Данилевский Н.Я. Россия и Европа. СПб.: Издание товарищества «Общественная польза», 1871. С. 46.

⁵ Бильбасов В. А. Шлиссельбургская нелепа // Исторический вестник. 1888. Т. 32, № 5. С. 301.

⁶ ГАКО. Ф. 1642. Оп. 1 Д. 790. Л. 67.

Полагаем, что главная причина замены традиционного термина «государственное преступление» на «политическое» и взаимозаменяемость указанных понятий – резкий рост в России во второй половине XIX – начале XX вв. общественно-политических движений. В подтверждение укажем, что позднее отдельные учёные в своих исследованиях стали «переименовывать» «государственных» преступников в «политических» именно со второй половины XIX в. Так, известный советский исследователь А.Л. Слухоцкий использует по отношению к особо опасным посягательствам на государство до 1864 г. термин «государственные преступления», а по отношению к тем же деяниям, совершаемым после 1864 г. (вплоть до 1917 г.) – понятие «политические преступления»¹. Указанного подхода придерживались и некоторые другие советские² и современные³ учёные. По справедливому замечанию правоведа К.П. Краковского, в дореволюционный период термин «политическое преступление» – это актуализация термина «государственное преступление», а политические преступники – это не только традиционные русские бунтовщики и изменники, но и «убеждённые» борцы за справедливость, свободу и всеобщее благо⁴.

Таким образом, понятие «политическое преступление» на разных этапах развития российского государства имело разное содержание. На это оказывали влияние не только различные экономические, культурные и социально-политические факторы, но и, в первую очередь, официально принятая действующей властью политическая доктрина. Если в дореволюционный период политическими преступлениями признавались посягательства на внутреннюю и внешнюю безопасность страны и личность монарха, отождествляемую с государством, то в советский период преступлениями политического характера научным сообществом именовались общественно опасные деяния, совершаемые

¹ Слухоцкий А.Л. Очерк деятельности Министерства юстиции по борьбе с политическими преступлениями // Историко-революционный сборник. 1926. Т. 3. С. 247–286.

² Полянский Н.Н. Царские военные суды в борьбе с революцией 1905–1907 гг. М.: МГУ, 1958. 240 с.
Гернет М.Н. История царской тюрьмы: 1870–1900: в 5 т. М.: Госюриздат, 1961. Т. 3. 430 с.

³ Петренко Н.И. Правовое регулирование отбывания наказания в государственных тюрьмах Российской империи // Марийский юридический вестник. 2012. № 9. С. 5–21; Зорин А.В. Политическая преступность как историко-правовое явление // Общество и право. 2011. № 5 (37). С. 195–202.

⁴ Краковский К. П. Государственные и политические преступления (к вопросу о понятиях) // Северо-Кавказский юридический вестник. 2009. № 1. С. 27–33.

не только против политических, но и экономических основ социалистического строя, поскольку именно в это время правящей партией одинаково охранялись как политические, так и экономические устои. В современности наблюдается многообразие трактовок определения понятию политического преступления, что обусловлено демократизацией всех сфер жизни общества. В рамках настоящего диссертационного исследования под политическим преступлением необходимо понимать запрещённое законом деяние, представляющее опасность для существующего государственного строя и порядка управления и трактуемое верховной властью как деяние, совершенное по политическим мотивам. При этом термины «политическое» и «государственное» преступления применимо ко второй половине XIX – началу XX вв. необходимо отождествлять. Для обозначения реакции государства на деятельность представителей политической оппозиции, представляющей угрозу действующему режиму правления, начиная с дореволюционного период используется понятие «политическая юстиция».

1.2 Специфика государственной политики второй половины XIX – начала XX вв. в сфере противодействия политической преступности

Государственная политика в России во второй половине XIX – начале XX вв. в сфере противодействия политической преступности реализовывалась на императивных началах. Полицейская практика, законотворчество, судебнопроцессуальная и иные формы деятельности системы уголовной юстиции, применяемые с целью борьбы с политической оппозицией, именуется термином «политическая юстиция». При этом основным инструментом сдерживания распространения политической преступности был выбран закон. Метод запрета получил широкое распространение в действующем в данный период законодательстве.

Первым уголовным кодексом в России по праву считается Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г., которое заменило третий раздел Т. XV кн. 1 Свода законов Российской империи.

Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. (далее – Уложение 1845 г.) имело общую и особенную часть. Государственным преступлениям был посвящён третий раздел данного нормативного правового акта¹.

На первом месте стояли преступления против веры, далее – государственные преступления, что подчёркивало превалирование духовной власти над светской. Архаичные формулировки Свода законов Российской империи в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. были изменены, однако юридическое влияние предшествующих нормативных правовых актов (Свода законов Российской империи, Военского Артикула Петра I, Соборного Уложения 1649 г.) было заметно.

Впервые были разграничены преступления против личности государя и членов его семьи и против государства. Примечательно, что именно в Уложении 1845 г. законодатель отменил давность для ряда преступлений, в том числе и для государственных, подчеркнув важность борьбы с такими опасными деяниями².

Государственные преступления структурно делились на три группы:

- посягательства на императора и членов императорского дома;
- бунт против верховной власти;
- государственная измена и преступления против народного (международного) права (преступления против внешней безопасности государства).

К преступлениям против императора и членов его семьи относили следующие деяния: преступления против жизни, здоровья, чести и свободы, верховной власти государя, наследника престола, супруги императора и иных членов императорской семьи, попытку свергнуть государя с престола, лишить его верховной власти или ограничить её (раздел III, глава I, ст. 263–266); составление и распространение сочинений или изображений с целью возбудить неуважение к

¹ Непомнящая Т.В. Назначение уголовного наказания: теория, практика, перспективы. СПб.: Изд-во Р. Асланова. «Юридический центр пресс», 2006. С. 326.

² Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи: XVIII – начало XX вв. СПб.: Изд-во «Дмитрий Буланин», 2003. Т. 2. С. 28.

личным качествам государя, порядку управления его государством (раздел III, глава I, ст. 267); произнесение дерзких оскорбительных слов против государя, умышленное повреждение, искажение или истребление выставленных в публичном или присутственном месте изображений императора или непрепятствование, недоносительство осуществления данных действий (раздел III, глава I, ст. 268–270)¹.

К преступлениям против верховной власти правительство относило: бунт (раздел III, глава II, ст. 271–272); составление и распространение опасных в политическом отношении сочинений или изображений (раздел III, глава II, ст. 273–274).

Преступления против внешней безопасности государства – государственная измена (раздел III, глава II, ст. 275–277); выдача государственной тайны иностранным державам, сведений о вооружённых укреплениях, тайная переписка с подданными враждебных России государств, нападение в мирное время на иностранное государство, повлекшее разрыв дипломатических отношений с дружественными державами, оскорбление иностранного посла, дипломатического агента или посланника с целью оказать неуважение к правительству другой страны (раздел III, глава II, ст. 278–282).²

Некоторые исследователи относят к политическим преступлениям и деяния, включённые в IV раздел Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. («О преступлениях и проступках против порядка управления»), считая их не менее опасными³. Однако эти составы преступлений не были направлены на нарушение государственного устройства, образа правления, поэтому причислять их к «категории» политических преступлений не совсем целесообразно.

За политические преступления (по Уложению 1845 г.) назначали смертную казнь, лишали всех прав состояния и преимуществ, наказывали плетью с

¹ Лохвицкий А.В. Курс русского уголовного права // Сочинения А. Лохвицкого. СПб.: Журн. М-ва юст., 1867. С. 325.

² Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года // Музей истории российских реформ имени П.А. Столыпина. URL: <http://музейреформ.рф/node/13654> (дата обращения: 14.07.2020).

³ Воробьев А.С. Институт государственных преступлений в период действия Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г.: проблематика определения его рамок и содержания // Актуальные проблемы российского права. 2017. №8 (81). С. 11–15.

наложением клейма, ссылали на каторгу, в крепость, на завод, арестовывали, а также заключали в смирительные дома. Кроме того, виновных отдавали под надзор полиции на срок до 3 лет¹. Наиболее часто встречающееся наказание по данным составам преступлений – смертная казнь, что свидетельствует об особой важности защиты института верховной власти.

Сравнительный анализ норм Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г., с ранее действующими законами, в первую очередь с нормами Свода законов Российской империи и Воинского артикула 1715 г., позволяет выделить, что в данном нормативном правовом акте появились новые составы политических преступлений против императора и его семьи: произнесение дерзких оскорбительных слов против императора и членов императорского дома, выставление в публичном или ином присутственном месте различных оскорбляющих изображений императора (в том числе недонесение об этом деянии); составление и распространение изображений или сочинений, возбуждающих неуважение к личным качествам императора, его манере управления страной, верховной власти, участие в составлении или распространении этих изображений или сочинений, преступный умысел на указанные действия.

Очевидно, что особа императора в данный период считалась совершенно неприкосновенной. И если ранее наказывали лишь за реальное посягательство на жизнь, здоровье, свободу, честь государя и членов его семьи, а также за преступный умысел на совершение данных преступлений, то с 1845 г. преступным и уголовно наказуемым считалось даже произнесение дерзких оскорбительных слов против императора, его двора, выставление напоказ оскорбляющих государя изображений и т.п. Это указывает на то, что в данный период времени подобные прецеденты существовали, и лучшим методом борьбы с распространением оппозиционных политических идей было признано введение уголовной ответственности за незначительные проступки.

¹ Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. // Музей исторических реформ имени П.А. Столыпина. URL: <http://museumreforms.ru/node/13654> (дата обращения: 09.10.2019).

При этом, как уже упоминалось ранее, заметно влияние законодательства XVIII в. и даже XVII в. Например, формулировка ст. 268 (об оскорблении императора и членов его семьи) Уложения 1845 г. похожа на ст. 20 Воинского Артикула 1715 г. (оскорбление его Величества особы), хотя в Своде законов Российской империи данная норма отсутствовала. Статья 263 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. (о посягательствах на жизнь, здоровье, честь, свободу, верховную власть государя, применение насильственных действий в отношении императора) имеет общее содержание с 19 ст. Воинского Артикула 1715 г. (вооружение войска или «поднятие» оружия против его Величества, умысел на совершение данного преступления).¹ Некоторые нормы Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. схожи с нормами Соборного Уложения 1649 г., яркое тому подтверждение – статьи второй главы «О государственной чести, и как его государское здоровье оберегать» Соборного Уложения 1649 г. и первой главы «О преступлениях против священной особы государя императора и членов императорского дома» Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г.²

Новеллой Уложения 1845 г. считается уточнение признаков государственных преступлений. Например, в данном нормативном правовом акте более детализировано понятие бунта (ст. 271). Так, если ранее бунтом считали свержение правительства во всём государстве или в какой-либо его части, насильственное изменение порядка правления, наследования престола, то с 1845 г. к указанному определению добавляется формулировка «восстание скопом или заговором против императора»

Особое внимание в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. стали уделять составлению и распространению опасных в политическом

¹ Артикул воинский 1715 г. URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/articul.htm> (дата обращения: 13.12.2020); Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года // Музей истории российских реформ имени П.А. Столыпина. URL: <http://музейреформ.рф/node/13654> (дата обращения: 14.07.2020).

² Ефименко И.А. Составы политических преступлений в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г // Общество и право. 2010. № 4 (31). С. 55–60; Соборное уложение 1649 года. Л.: Изд-во «Наука» Ленинградское отделение, 1987. С. 20–22; Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года // Музей истории российских реформ имени П.А. Столыпина. URL: <http://музейреформ.рф/node/13654> (дата обращения: 14.07.2020).

отношении печатных или письменных воззваний, сочинений, объявлений, изображений. При этом равная ответственность устанавливалась как за письменную, так и за устную политическую пропаганду. И это с учётом того, что за печатными изданиями с начала XIX в. строго следили цензоры, а с 1828 г. Третье отделение СЕИВК контролировало выпуск газет, журналов, иных печатных изданий на территории всего российского государства.

В связи с тем, что новый нормативный правовой акт был принят в относительно мирное время, понятие государственной измены как политического преступления недостаточно детализировано. Однако и в данном направлении прослеживалась определённая модернизация норм закона. Например, с 1845 г. стали привлекать к уголовной ответственности за совершение действий, которые могли бы привести к осложнению и разрыву дипломатических отношений с иностранным государством. Также политическим преступлением признавалось содействие неприятелю в мирное время.

Однако в этот период не только Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. содержало нормы, регулирующие общественные отношения по поводу совершения политически опасных деяний.

Широкое распространение в государстве общественно-политических движений в 1850–1860-е гг. инициировало публикацию 27 марта 1867 г. Высочайше утверждённого мнения Государственного Совета «О противозаконных сообществах» (так называемого закона о противозаконных сообществах)¹. Это не являлось новеллой второй половины XIX в., истории российского законодательства известны нормативные акты, запрещающие создание тайных организаций. В частности, в Устав благочиния 1782 г. были включены положения, запрещающие «учинять сходбища и скоп», Указ Александра I от 1 августа 1822 г. налагал запрет на создание в стране тайных обществ «под какими бы ни было наименованиями», в том числе масонских лож².

¹ Высочайше утверждённое мнение Государственного Совета «О противозаконных сообществах» от 27 марта 1867 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. 1871. Т. 42. С. 329–330. Ст. 44402.

² Высочайше именной, данный Управляющему министерством Внутренних дел, Графу Кочубею «О уничтожении Масонских лож и всяких тайных обществ» от 1 августа 1822 г. // Полное собрание законов Российской империи.

Вместе с тем закон о противозаконных сообществах 1867 г. запрещал деятельность на территории Российской империи всех тайных объединений. Эти сообщества законодатель разделял на три группы:

- тайные организации, вне зависимости от цели их создания;
- сходбища, собрания, сборища, кружки и т.п., имеющие вредную цель существования;
- объединения, которые прикрывают вредную для общественной нравственности и государственного благоустройства деятельность, ранее разрешённую¹.

Уголовная ответственность дифференцировалась в зависимости от функций участников в существовавшем сообществе, а также от характера выполняемых ими действий². Также законом преследовалось в какой бы то ни было форме умышленное содействие целям преступного сообщества.

В дополнение 4 июня 1874 г. опубликовано Высочайше утверждённое мнение Государственного Совета «О наказаниях за составление противозаконных сообществ и участие в оных», в котором были конкретизированы цели деятельности противозаконных сообществ. Новым законом устанавливались следующие цели создания данных объединений: возбуждение неповиновения властям, вражды между отдельными группами населения, подстрекательство к стачкам, разрушение основ общественной жизни³. Отмечалось усиление ответственности для участников противозаконного сообщества, если они принимали меры, направленные на сокрытие их деятельности, призывали население к осуществлению насильственных действий, подстрекали других к содействию целям противозаконного сообщества. За недонесение о

Собрание первое. 1830. Т. 38. С. 579–580. Ст. 29151; Археографический ежегодник за 1978 год. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1979. С. 74.

¹ Матюшов А.М. Законодательство Российской империи об уголовной ответственности за организацию террористического общества или участие в нём // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 407. С. 192–195.

² Гугасари Е.С. Ответственность за преступления террористического характера по уголовному законодательству Российской империи XIX в // Вестник Томск. гос. ун-та. Право. 2013. № 3 (9). С. 9–13.

³ Высочайше утверждённое мнение Государственного Совета «О наказаниях за составление противозаконных сообществ и участие в оных» от 4 июня 1874 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. 1876. Т. 49. С. 852–853. Ст. 52606.

существовании противозаконного сообщества грозил арест на срок от 7 дней до 3 месяцев¹.

Современные исследователи справедливо отмечают жестокость наказаний, предусмотренных за нарушение указанных норм, а некоторые учёные и вовсе называют законы 1867 и 1874 гг. «драконовскими»². Полагаем, особое внимание власти к политической преступности связано с интенсивным распространением в стране в представленный период крайне оппозиционных политических настроений.

Убийство Александра II в результате осуществления 1 марта 1881 г. террористического акта членами народовольческой организации вынудило Александра III пересмотреть курс реализуемой в стране внутренней политики, вследствие чего были проведены консервативные реформы, в том числе направленные на сдерживание распространения политической преступности. 29 апреля 1881 г. утвержден Манифест «О незыблемости самодержавия», в котором содержался призыв к служению императору и государству всех подданных, утверждению нравственности и веры, водворению правды и порядка в действия учреждений страны, а главное – «...к искоренению гнусной крамолы, позорящей землю русскую»³.

14 августа 1881 г. императором утверждено «Положение о мерах к охранению государственной безопасности и общественного спокойствия» (далее – Положение). В соответствии с нормами данного документа министр внутренних дел назначался главным «смотрителем» за государственным порядком и общественным спокойствием в стране, его «предложения» утверждал либо император, либо Комитет министров.

¹ Матюшов А.М. Законодательство Российской империи об уголовной ответственности за организацию террористического акта или участие в нём // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 407. С. 192–195.

² Степанский А.Д. История общественных организаций дореволюционной России. М.: Московский гос. историко-архивный ин-т, 1979. С. 19; Степанский А.Д., Ерошкин Н. П. Самодержавие и общественные организации России на рубеже XIX–XX вв. СПб., 1980. С. 5.

³ Государство российское: власть и общество. С древнейших времен до наших дней. Сборник документов / под ред. Ю.С. Кукушкина. М.: Изд-во Москов. ун-та, 1996. С. 233–235.

При необходимости та или иная местность могла объявляться в положении чрезвычайной либо усиленной охраны. Право первоначального объявления положения усиленной охраны предоставлялось министру внутренних дел или генерал-губернатору с утверждением МВД. Положение чрезвычайной охраны вводилось с утверждения Комитета министров по представлению министра внутренних дел. В данных местностях начальники могли виновных за нарушение общественного порядка заключать под арест сроком до 3 месяцев, взыскивать с виновных денежный штраф в размере 500 рублей. Генерал-губернаторы, губернаторы, начальники в таких местностях также могли разрешать административным порядком дела о нарушениях обязательных или изданных постановлений, запрещать общественные, народные и даже частные (!) собрания, закрывать отдельные торговые и промышленные заведения и многое другое. Особым порядком разрешалась передача дел на рассмотрение военного суда.

Местному начальству предоставлялось право задерживать лиц, «внушающих подозрение в совершении государственных преступлений или в прикосновенности к ним, принадлежности к противозаконным обществам»¹. Причём о любом задержании и освобождении от него полиция и жандармы обязаны были сообщать лицам прокурорского надзора, местному градоначальнику или губернатору, по письменному разрешению которых предварительный арест мог быть продлён на срок до 1 месяца. Примечательно, что согласно п. «в» ст. 18 Положения дела о государственных преступлениях надлежало в судебном порядке рассматривать «при закрытых дверях».

Положением 1881 г. вводились особые правила об административной высылке частных лиц в какую-либо местность с возложением обязательства «безотлучно» пребывать в указанном месте в течение назначенного срока. «Политически неблагонадежных» лиц могли высылать в отдалённые губернии европейской части России². Так называемых «вредных» лиц, по соглашению с

¹ Высочайше утверждённое Положение о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия от 14 августа 1881 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. СПб., 1885. Т. 1. С. 261–266. Ст. 550.

² РГИА. Ф. 1405. Оп. 535. Д. 85. Л. 1–32.

главным начальником III отделения СЕИВК, замеченных в преступной пропаганде, а также признанных особенно опасными для общественного спокойствия, необходимо было высылать в Восточную Сибирь для проживания там под надзором полиции. Менее опасные в политическом отношении лица высылались в Архангельскую, Олонецкую, Волгоградскую и Вятскую губернии. Преступники из южных местностей России должны были быть направлены в распоряжение Орловского губернатора для помещения в Мценскую тюрьму, откуда они должны были последовать по назначению по дальнейшему распоряжению Министерства внутренних дел. Об этом было сообщено соответствующим губернаторам¹.

В местностях, не объявленных в исключительном положении, за государственной безопасностью и общественным порядком следила местная полиция, губернские жандармские управления, которые могли подвергать лиц, подозреваемых в совершении государственных преступлений, прикосновенности к ним, принадлежности к запрещенным сообществам, предварительному аресту на срок до 7 дней. Также полиция, жандармы были вправе беспрепятственно производить у этих лиц выемку вещей и обыск².

Существенные коррективы в регулирование вопроса привлечения к уголовной ответственности внесло четвертое издание Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1885 г. (далее – Уложение 1885 г.). Однако на необходимость переработки действующего законодательства, в том числе в целях противодействия политической преступности, современники указывали ещё с 1860-х гг.³, поскольку именно этот период по праву можно считать временем «разгула» оппозиции, расцвета общественно-политических движений в России.

¹ РГИА. Ф. 1286. Оп. 40. Д. 358. Л. 1–6.

² Положение о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия 1881 г. // Музей исторических реформ имени П.А. Столыпина. URL: <http://museumreforms.ru/load-document/nojs/13672> (дата обращения: 03.03.2020).

³ Воробьев А.С. Институт государственных преступлений в период действия Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г.: проблематика определения его рамок и содержания // Актуальные проблемы российского права. 2017. № 8 (81). С. 11–16.

Деяния политического характера рассматривались в третьем разделе (главы 1 и 2) Уложения 1885 г. Система государственных преступлений имела следующий вид:

- преступления против священной особы государя и членов императорского дома (ст. 241–248);
- бунт против верховной власти (ст. 249–252);
- государственная измена, преступления против народного (международного) права – преступления против внешней безопасности государства (ст. 253–261).

К преступным деяниям против священной особы государя и членов императорского дома относили: различные «злоумышления и действия» против жизни, здоровья, чести императора, иных членов императорского дома, умысел ниспровергнуть императора, лишиться верховной власти, свободы, ограничить его власть, «учинить императору какое-либо насилие» (раздел 3, гл. 1, ст. 241); предложение иному лицу принять участие в выше обозначенных преступных деяниях, составление с этой целью сообщества или заговора, вступление в данное сообщество, заговор, приготовление или покушение на совершение данного преступления (раздел 3, гл. 1, ст. 24–244); насилие против часовых или караула, охраняющих императора, членов его дома (раздел 3, гл. 1, ст. 244.1); составление и распространение печатных или письменных сочинений или изображений, возбуждающих ненависть к личным качествам императора, его управлению, неуважение к верховной власти (раздел 3, гл. 1, ст. 245); произнесение дерзких оскорбительных слов против императора, наследника престола, супруги государя, иных членов императорского дома, искажение или истребление с умыслом выставленных в публичном или присутственном месте портретов, статуй, бюстов, иных изображений государя, членов императорского дома (в том числе оскорбление поступками и словами заочно, без прямого намерения проявить

неуважение к императору), недонесение об указанных действиях (раздел 3, гл. 1, ст. 246–248)¹.

Следующая группа преступлений, посягающих на государственный строй, – бунт против верховной власти (раздел 3, гл. 2). К этой «категории» общественно опасных посягательств относили: умысел свержения правительства в государстве или в какой-либо его части, изменение порядка наследования престола, образа правления (раздел 3, гл. 2, ст. 249); составление опасного в политическом отношении заговора, участие в составлении заговора или в действиях «оного» (раздел 3, гл. 2, ст. 249); сбор, хранение или раздача оружия и другие приготовления к бунту (раздел 3, гл. 2, ст. 249); составление и распространение печатных и письменных объявлений, сочинений, воззваний, изображений, произнесение публичных речей (например, чтение рабочим книг преступного содержания) с целью «возбудить» явное неповиновение верховной власти, бунт (раздел 3, гл. 2, ст. 251); хранение, составление и распространение печатных и письменных сочинений, произнесение публичных речей без явного и прямого возбуждения к восстанию против власти, но подвергающие сомнению неприкосновенность прав верховной власти, порицающие установленный образ правления, порядок престолонаследования, в том числе в среде военнослужащих (раздел 3, гл. 2, ст. 252, 252.1).

Третья группа политических преступлений – это государственная измена и преступления против народного (международного) права. К ним относили: государственную измену (раздел 3, гл. 2, ст. 253–255); участие в бунте или заговоре против верховной власти (раздел 3, гл. 2, ст. 255); «открытие» государственной тайны иностранцам, «планов российских крепостей или иных укрепленных мест, портов, гаваней, арсеналов, публикацию данных планов без дозволения правительства» (раздел 3, гл. 2, ст. 256); тайную переписку с правительствами других иностранных государств (раздел 3, гл. 2, ст. 257–258); нападение в мирное время «открытой силою» на иностранцев, другие

¹ Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1885 г. / издано Н.С. Таганцевым. Изд. седьмое, пересмотр. и доп. СПб., 1892. С. 207–209.

государства, повлекшие в результате разрыв дипломатических отношений российского государства с иностранной державой (раздел 3, гл. 2, ст. 259–260); оскорбление иностранного посла, дипломатического агента или посланника с намерением оказания неуважения к соответствующему иностранному правительству (раздел 3, гл. 2, ст. 261)¹.

За выше обозначенные преступные деяния, как правило, лишали всех прав состояния и приговаривали к смертной казни. Также назначали следующие наказания: ссылку на каторжные работы, на поселение в отдаленные места Сибири; лишение некоторых особых прав и преимуществ; арест; заключение в крепость, тюрьму, исправительные арестантские отделения; определение под надзор полиции; конфискацию всего родового и благоприобретенного имущества.

Сравнительный анализ Уложения о наказаниях уголовных и исправительных в редакции 1845 г. и 1885 г. позволяет выделить следующие изменения.

В конце XIX в. появились новые составы политических преступлений: насилие против часовых или караула, охраняющих императора, членов его дома; распространение опасных в политическом отношении воззваний, объявлений, сочинений, изображений, а также публичное произнесение «вредных» речей в среде военнослужащих. Кроме того, в 1885 г. посредством определения признаков преступления и наказания уточняются некоторые составы общественно опасных деяний, которые ранее уже были определены как преступные в уголовном законе (например, ст. 267–270, 272 Уложения 1845 г.). Система наказаний в рассматриваемом нормативном правовом акте детально разработана.

Вопрос противодействия распространения политической преступности получил дальнейшее законодательное регулирование в Уголовном уложении 1903 г. (далее – Уложение 1903 г.) Данный нормативный правовой акт принят в условиях накала общественно-политической обстановки, в связи с чем система политических преступлений более конкретизирована. Обращает на себя внимание тот факт, что в полном объеме в законную силу нормы Уголовного уложения 1903

¹ Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1885 г. С. 209–212.

г. вступили не сразу, однако главы о преступлениях политического характера стали действовать на территории всего российского государства одними из первых (уже с 1904 г.), что также подчёркивает обеспокоенность верховной власти вопросом противодействия интенсивно распространяющейся в начале XX в. в России политической преступности.

В «иерархии» общественно опасных деяний государственные преступления по-прежнему занимали второе место после нарушений, «ограждающих веру постановлений». Политическим преступлениям были посвящены главы III–V (ст. 99–137). По утверждению некоторых историков и правоведов, именно в Уголовном уложении 1903 г. законодателю удалось объединить все составы государственных преступлений, что не получалось у авторов Уложений о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. и 1885 г.¹

В новом законодательном акте система государственных преступлений была представлена преступными деяниями против Священной Особы Императора и членов Императорского Дома, бунтом против верховной власти; государственной изменой; смутой.

Преступным деянием против Священной Особы Императора и членов Императорского Дома, бунтом против верховной власти называли: посягательства на жизнь, здоровье, свободу и неприкосновенность императора, членов его семьи (императрицы и наследника), низвержение царствующего императора с престола, лишение его верховной власти, ограничение властных прав, насильственное посягательство на изменение в государстве или в какой-либо его части порядка престолонаследования или образа правления либо участие в сообществе, «составленного» для совершения данного преступления, организация такого сообщества (глава 3 ст. 99–102, 105–106); оскорбление императора или членов его семьи (императрицы и наследника престола), угрозу данным лицам, надругательство над их изображениями, распространение или публичное выставление сочинений или изображений с целью оскорбления, возбуждения неуважения к особе императора, императрице и наследника престола,

¹ Развитие русского права во второй половине XIX–начале XX века. М.: Наука, 1997. С. 190.

размножение, хранение или провоз из-за границы таких «опасных» сочинений или изображений (глава 3, ст. 103–104); оскорбление памяти усопших «Царствовавших Деда, Родителя или Предшественника Царствующего Императора», учинённое публично, распространение, публичное выставление произведений печати, письма или изображений с целью оскорбления данных особ (глава 3, ст. 107)¹.

Следующая группа преступления – государственная измена. Она была представлена следующими составами: содействие неприятелю в осуществлении враждебных действий против России, участие в сообществе, созданном для осуществления измены (глава 4, ст. 108, 118–119); вступление российского подданного в заведомо неприятельское войско или «невыбытие» из него (глава 4, ст. 109, 119); побуждение иностранного правительства к враждебным действиям против России или к прекращению военного союза с ней, уклонению от вступления в такой союз, обещание до объявления войны содействия неприятелю (глава 4, ст. 110, 119); приготовление к выдаче и выдача государственной тайны (глава 4, ст. 111–112); проникновение в военное сооружение или иное укреплённое место, предназначенное для защиты (глава 4, ст. 113); умышленное изготовление негодных средств нападения или защиты от неприятеля, а равно и умышленная поставка для армии и флота, госпиталей заведомо вредных или заведомо негодных для употребления продовольствия (глава 4, ст. 114–115); заключение уполномоченным должностным лицом с заведомо вредными целями для России договора с иностранным государством или проведение с этой целью переговоров с иностранным правительством (глава 4, ст. 116); сокрытие, повреждение, захват или подлог документа, заведомо служащего доказательством прав России по отношению к иностранному государству, а равно перемещение или повреждение пограничного знака или искажение линии государственной

¹ Уголовное уложение, высочайше утвержденное 22 марта 1903 г. СПб.: Издание сенатской типографии, 1903. С. 21–23.

границы с целью передачи части российского государства иностранной державе (глава 4, ст. 117)¹.

Ещё одна группа политических преступлений – смута – трансформированные составы преступлений против государства и народного (международного) права. К ним законодатель относил, в первую очередь, преступную пропаганду и деятельность незаконных сообществ. Выделялись следующие виды преступлений: «неоставление» публичного «скопища» после предупреждения полиции, вооружённых сил о необходимости прекращения «сбора», а также подстрекательство иных лиц к «неоставлению скопища» (глава 5, ст. 120); составление «скопища», участие или подстрекательство к участию «скопища», собравшегося для выражения политически опасных воззрений (глава 5, ст. 121–123); участие в противозаконном сообществе, составление противозаконного сообщества, допущение собрания такого сообщества в принадлежащих лицу помещениях или местах, находящихся в его управлении, доноительство о деятельности подобных объединений (глава 5, ст. 124–127); публичное произнесение речи или чтение сочинения, выставление или распространение сочинения или изображения с целью оказания «дерзостного» неуважения верховной власти, порицания установленного законодательством образа правления, порядка престолонаследования, в иных политически опасных целях (глава 5, ст. 128–129, 132); непубличное распространение учений или суждений, побуждающих к совершению бунта, «изменнического деяния», иного государственного преступления, ниспровержению существующего общественного строя, противодействию или неповиновению закону, распоряжению власти (глава 5, ст. 130); непубличное распространение учений или суждений среди войска, возбуждающих к нарушению воинскими чинами обязанностей военной службы (глава 5, ст. 131); умышленное размножение, хранение или провоз из-за границы опасных в политическом отношении сочинений или изображений (глава 5, ст. 132); публичное восхваление

¹ Уголовное уложение, высочайше утвержденное 22 марта 1903 г. СПб.: Издание сенатской типографии, 1903. С. 23–26.

государственного преступления (глава 5, ст. 133); самозванство (выдача себя за члена императорского дома, лицо, действующее по особому поручению или уполномочию императора), распространение заведомо ложных слухов об изменении порядка престолонаследия, образа правления, кончине императора или наследника престола либо их отрешении от престола (глава 5, ст. 134); осуществление преступных деяний в пределах российского государства, направленных на ниспровержение правительства в дружественной к России стране, существующего образа правления в нём, участие в сообществе, преследующем данные цели, осуществление подготовительных мероприятий (глава 5, ст. 135); публичное надругательство над государственными символами (глава 5, ст. 136); нарушение обнародованных правил о нейтралитете (глава 5, ст. 137).¹

Проведенный сравнительный анализ норм Уголовного уложения 1903 г. с нормами Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1885 г. и ранее принятых нормативных правовых актов позволяет выделить ряд особенностей в развитии правового регулирования института привлечения к ответственности политических преступников.

В первую очередь, отметим, что юридическая техника создания Уголовного уложения 1903 г. отличалась от предшествующих уголовных нормативных правовых актов. Несмотря на то что привычная триада разделения государственных преступлений на посягательства против личности императора и членов его семьи, внутренней и внешней безопасности государства была сохранена, в названиях глав и структуре изложения материала заметны изменения². Законодатель в Уголовном уложении 1903 г. не выделяет в отдельную группу государственные преступления. Так, если в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. и 1885 г. данные составы были

¹ Уголовное уложение, высочайше утвержденное 22 марта 1903 г. СПб.: Издание сенатской типографии, 1903. С. 26–31.

² Романовская В. Б., Рогов С. Л. Политические преступления по уголовному Уложению 1903 года // Вестник ННГУ. 2007. № 3. С. 183–187; Щербаков А.В. Российское уголовное законодательство о преступлениях против порядка управления: становление и развитие // Проблемы экономики и юридической практики. 2009. № 2. С. 124–129.

объединены в общий раздел «О преступлениях государственных», то в Уголовном уложении 1903 г. указанные деяния структурно не выделены вообще, понятие «государственного преступления» в наименовании глав не используется. В этой связи возникает вопрос: то ли законодатель просто не акцентировал на этом внимание, ввиду использования новых приёмов юридической техники, то ли к этому виду преступности можно было отнести нетипичные три группы опасных деяний (преступления против особы императора, членов его семьи, императорского дома; бунт; государственную измену), но и иные составы.

Отметим, что в действующем в начале XX в. законодательстве фактически отсутствуют понятия «политический каторжанин» или «политический ссыльный». По мнению современных исследователей, это не случайно, поскольку государство изначально пыталось ставить своих политических противников в один ряд с уголовными преступниками¹, «маскируя» тем самым борьбу с политической оппозицией противодействием общеуголовной преступности. Предположим, что именно с этим связан отказ от использования в Уголовном уложении 1903 г. понятия «государственное преступление». При этом пятая глава данного нормативного правового акта, где закреплены составы преступлений политического характера, носит злободневное название «О смуте», полагаем, тем самым законодатель ещё раз подчеркивает рост напряжения общественно-политической ситуации в России в начале XX в.

Новеллой Уголовного уложения 1903 г. становится частое использование норм отсылочного характера, позволяющее охватить более широкий круг общественных отношений, не усложняя язык закона. Например, ст. 102, устанавливающая наказание за участие в опасном в политическом отношении сообществе отсылает правоприменителя к ст. 99–100 данного нормативного правового акта для уточнения цели создания противозаконного сообщества, а ст. 106 устанавливает разные меры уголовной ответственности для преступников, обвинённых в преступлениях, описанных в диспозиции ст. 103. Также обращает на

¹ Иванов А.А. Уголовное законодательство конца XIX века, как основа применения политической ссылки в Сибирь // Известия Иркутской государственной экономической академии: электронный научный журнал. 2011. № 6. С. 81.

себя внимание отнесение к категории политических преступлений большего числа противоправных деяний. Так, например, в данном нормативном правовом акте заметно расширяется группа преступлений, причисляемых к посягательствам на верховную власть, государственной измене, смуте, появляются такие составы преступлений, как оскорбление памяти усопших «Царствовавших Деда, Родителя или Предшественника Царствующего Императора»; умышленное изготовление негодных средств нападения или защиты от неприятеля, а равно и умышленная поставка для армии и флота, госпиталей заведомо вредных или заведомо негодных для употребления продовольствия; сокрытие, повреждение, захват или подлог документа, заведомо служащего доказательством прав России по отношению к иностранному государству, а равно перемещение или повреждение пограничного знака или искажение линии государственной границы с целью передачи части российского государства другому иностранному государству; непубличное распространение учений или суждений, побуждающих к совершению бунта, «изменнического деяния», иного государственного преступления, ниспровержению существующего общественного строя, противодействию или неповиновению закону, распоряжению власти; непубличное распространение учений или суждений среди войска, возбуждающих к нарушению воинскими чинами обязанностей военной службы; публичное восхваление государственного преступления; самозванство (выдача себя за члена императорского дома, лицо, действующее по особому поручению или уполномочию императора); распространение заведомо ложных слухов об изменении порядка престолонаследия, образа правления, кончине императора или наследника престола либо их отрешении от престола; осуществление преступных деяний в пределах российского государства, направленных на ниспровержение правительства в дружественной к России стране, существующего образа правления в нём, участие в сообществе, преследующих данные цели, осуществление приговорительных мероприятий; публичное надругательство над государственными символами; нарушение обнародованных правил о

нейтралитете. Это свидетельствует о распространённости данных деяний в российском обществе в начале XX в. и росте политической преступности.

Появляется много квалифицирующих признаков преступной деятельности, указывающих на способ и цели совершения государственного преступления, использование в преступной деятельности специальных средств (например, взрывчатых веществ, оружия – ст. 123 Уголовного уложения 1903 г.), что указывает на более высокую степень общественной опасности совершаемых в рассматриваемый период противоправных деяний.

Особое внимание в Уголовном уложении 1903 г. уделялось публичным собраниям, участиям в сообществах, запрещённых законом. Полагаем, так верховная власть старалась обезопасить себя от проникновения опасных в политическом отношении идей в широкие массы населения. Указанные составы описывались более чем детально, к отягчающим признакам относили использование оружия, применение насилия по отношению к населению, похищение или повреждение чужого имущества, вторжение в чужое обитаемое помещение, здание, покушение на данные деяния в ходе таких выступлений, насильственное противодействие вооружённым силам, призванным для «рассеяния скопища», и др. Наказывали не только за непосредственное участие в собрании публичного скопища, запрещённого уголовным законодательством сообщества, совершение иных «активных» действий, но и за приготовление к преступлению, предоставление помещений, иных мест для собрания таких объединений.

Система наказаний за совершение преступлений политического характера в Уголовном уложении 1903 г. детализирована. Мера государственного принуждения зависела от характера и степени общественной опасности совершаемого деяния, цели и мотива преступления, завершения или незавершения реализации преступного умысла. Для отдельных составов преступлений к отягчающим обстоятельствам относили, например, оказание насильственного сопротивления вооружённым силам участниками «скопища» (ст. 123 Уголовного уложения 1903 г.), к смягчающим обстоятельствам – оскорбление

памяти предшественников императора, «учинённое по неразумию, невежеству или в состоянии опьянения» (ст. 107 Уголовного уложения 1903 г.). В целом наказания за преступления политического характера ужесточались, что подтверждают данные современных сравнительно-правовых исследований¹.

По справедливому утверждению учёного Г. В. Арсеньевой, «законодателю удалось в уложении разработать достаточно разветвленную систему преступлений против государства, отвечающую политическому развитию России начала XX вв.»². Однако принятие подобных законодательных решений было не чем иным, как усилением репрессивной политики со стороны государства по отношению к лицам, тем или иным образом угрожающим своей противоправной деятельностью действующей власти.

При этом императивные меры сдерживания политической преступности не привели к ожидаемым результатам. Успокоения общества не последовало. Кризисные явления в условиях сложной духовной и социально-политической атмосферы наблюдались во всех сферах жизни общества, а конфронтационность между обществом и властью вылилась в системный общенациональный кризис³, который в свою очередь привёл к крушению основ государственности и утверждению новой формы правления, государственного устройства и политического режима.

Таким образом, проанализировав основные научные подходы к определению сущности понятия политического преступления, можно отметить, что дефиниция данного понятия давалась научным сообществом в зависимости от курса реализуемой в тот или иной исторический период государственной политики. Если после образования российского государства политическим преступлением считалось только посягательство на внешнюю безопасность страны, то с укреплением центральной власти, её сакрализацией в

¹ Бородина М.И. Отечественное законодательство о закреплении государственной измены и шпионажа, как преступлений против государства в период до 1917 г // Вестник ТГУ. 2014. № 5 (133). С. 101–109.

² Арсеньева Г.В. Система государственных преступлений по Уголовному уложению 1903 г. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2012. № 9 (23). С. 26–28.

³ Кураев А.Н. Взаимоотношения политических партий и массовых организаций в период революции 1905–1907 гг.: дис. ... док-ра истор. наук / Кураев А.Н. М., 2001. 376 с.

дореволюционный период к категории политических преступлений относили посягательства на личность государя, членов его семьи. Применимо ко во второй половине XIX – начале XX вв. понятие политического или государственного преступления можно определить, как запрещённое законом деяние, представляющее опасность для существующего строя и порядка управления государством и трактуемое верховной властью как деяние, совершенное по политическим мотивам. В советское время под политическим преступлением научным сообществом подразумевались общественно опасные деяния против основ экономической, политической жизни страны. В современности отмечаются разные подходы к определению сущности политической преступности. Законотворчество, полицейская практика, судебно-процессуальная и иные формы деятельности системы уголовной юстиции по борьбе с политической оппозицией обозначается термином «политическая юстиция». Эволюция действующего во второй половине XIX – начале XX вв. законодательства отражает процессуальные и материальные аспекты противодействия политической преступности, демонстрирует репрессивный характер реализуемой в данном направлении государственной политики. В моменты активизации деятельности оппозиционно-настроенных общественно-политических движений наблюдалось ужесточение уголовной ответственности за совершение преступлений политического свойства, несоизмеримое с тяжестью совершаемых деяний, расширение содержания понятия политического преступления. В результате трансформацию отечественного уголовного законодательства можно рассматривать как индикатор развития политической преступности, угрожающей основам безопасности государства.

ГЛАВА 2. ДИНАМИКА РАСПРОСТРАНЕНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПРЕСТУПНОСТИ В РОССИЙСКОЙ ПРОВИНЦИИ

2.1 Основные причины и особенности совершения преступлений политического характера на территории Курской губернии в 1855–1905 гг.

Курская губерния во второй половине XIX – начале XX вв. представляла собой типичную российскую провинцию, что определялось, в первую очередь, социальным составом населения. По данным Всероссийской переписи, в 1897 г. в регионе проживало 2 млн 371 тыс. человек, из них лишь 222 тыс. – в городах. В целом по стране тоже отмечалось преобладание сельского населения над городским. Так, в 1897 г. в Российской империи проживало около 125 млн человек, из них горожан (без Привислинских губерний и Средней Азии) – 13 млн 735 тыс. человек. Вследствие этого можно заключить, что крестьянство в Курском регионе, как и в целом по России составляло более 75% населения¹. Это не могло не отражаться на социальном портрете преступников. Согласно имеющимся сведениям в конце XIX в. в Курской губернии численность осуждённых крестьян в общих судах составляла 87%, в мировых – 90%². Чаще всего данные лица образования не имели, за границей не были³. При этом среди политических преступников рассматриваемого периода также преобладало «темное крестьянство» (об этом свидетельствуют многочисленные архивные материалы).

Основной проблемой, волнующей данную социальную группу населения, в первую очередь, оставался нерешённый аграрный вопрос. В Департамент полиции МВД регулярно поступали сообщения от местных жандармов о том, что в крестьянской среде Курской губернии после утверждения на престоле

¹ Тройницкий Н. А. Первая Всеобщая перепись населения Российской Империи 1897 г. СПб., 1905. Т. 1. С. 12–27; Бурдина Е. Н. Политические настроения и социальное поведение крестьянской бедноты Западной Сибири в первые годы советской власти // Известия АлтГУ. 2018. № 2 (100). С. 32–40.

² Шепелева М. П. Характеристика уголовных преступников Курской губернии в конце XI– начале XX вв. : гендерные различия и сословная специфика // Ученые записки: электронный научный журнал Курского государственного университета. 2011. № 3 (19). С. 170–175.

³ ГАКО. Ф. 1642. Оп. 1. Д. 149. Л. 472.

Александра II были распространены убеждения, «будто бы немедленно после священного коронования их Императорского Величества последует повеление о разделе помещичьей земли между крестьянами»¹. Крестьяне сочиняли целые депеши, декларирующие возможность скорого разделения земли между «мужиками». Большинство таких воззваний имели революционный характер². В содержании распространяемой по региону запрещённой литературы часто встречались фразы: «жить стало невыносимо», «деревня разорена», «благоволеют только крупные капиталисты», «всеобщее разорение», «страшное преступление министра», «куда идут казенные денежки», «правительственные воры», «злодейский заговор против крестьян» и т.п.³

Проблемным вопросом для сельских обывателей также были неподъёмные суммы податей. В 1892 г. в с. Мелихино Щигровского уезда Курской губернии в местном трактирном заведении крестьянка П.К. Щеховцова после ссоры из-за увеличения платы за аренду земли произнесла «дерзкие оскорбительные слова против Особы Государя Императора и Государыни Императрицы». Крестьянка попросила своего брата Н.К. Щеховцова смолоть ей муку, на что тот ответил отказом. Затем между ними возникла перепалка, и брат Пелагеи Константиновны спросил у сестры: «А кто же будет платить подати за эту землю?». На что крестьянка ответила, что «так дело не пойдёт», платить она не будет и пусть «пропадут пропадом Царь, Царица и мука». За это П.К. Щеховцову по ст. 246 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1885 г. приговорили к аресту при местном волостном правлении на 10 дней⁴. Также с призывом не платить подати в 1901–1902 гг. выступал уроженец Макшинской волости Дмитриевского уезда Курской губернии М.С. Гордеев. В беседе со своим знакомым крестьянин заключил: «Не мы подати назначали, не нам и платить»⁵. Интересно распространение слухов касательно возможности бежавшим помещичьим крестьянам поселиться вблизи Одессы и Чёрного моря. По

¹ ГАКО. Ф. 1642. Оп. 1. Д. 7. Л. 24.

² ГАКО. Ф. 1642. Оп. 1. Д. 143. Л. 17–18; ГАКО. Ф. 1642. Оп. 1. Д. 160. Л. 110.

³ ГАКО. Ф. 1642. Оп. 1. Д. 160. Л. 12, 32, 44–45, 47, 75, 110.

⁴ ГАКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 3830. Л. 1–3.

⁵ ГАРФ. Ф. 124. Оп. 10. Д. 425. Л. 1–11.

сообщению льговского и суджанского земских исправников, во второй половине XIX в. в Курской губернии были распространены слухи о возможности крестьян, сбежавших от помещиков, безнаказанно поселиться в данных регионах. В результате чего более 30 человек одновременно бежали от курских помещиков, забрав с собой своё имущество. «При приезде туда начальника находящиеся в работе беглые тотчас в лодках отправлялись в море, а потому все беглые там свободно могли укрываться». Так, крестьяне отправлялись за долгожданной свободой к берегам южного моря. По данному факту проводилась проверка¹. В 1903 г. на имя крестьянина Дмитриевского уезда Курской губернии пришло письмо следующего содержания: «...Старые люди верили, что, по единому мнению, царскому слову правда мужитская заблестит, как солнце. Но давно уже крестьяне не верят царскому слову. Умер царь Александр II, не сказавши этого слова <...> Тринадцать лет царствовал царь Александр III. Ждали крестьяне, что он скажет это слово, но он умер не сказавши. Седьмой год пошёл, как вступил на престол царь Николай, но слова нет <...> Царь не ваш, царь дворянский и купеческий и не от царя нам дожидаться передела помещичьей земли. Царь тогда лишь вас послушается и отдаст вам помещичьи поля, луга и лесные уголья, когда вы это громко потребуете. До вас, верно, дошёл уже слух, как в столицах и больших городах ваши же братья – фабричные рабочие требуют от царя и от царского правительства облегчения в работе. Требуйте же и вы вместе с ними облегчения себе, требуйте, чтобы землёй владел тот, кто её пашет, а не тот, кто лишь умеет сосать рабочую кровь и блаженствовать на украденные у народа деньги...»².

С напряжением политической ситуации в начале XX в. крестьяне начинают размышлять о форме правления государства. Так, в 1904 г. в Обоянском уезде Курской губернии некто И.Т. Реполов, по словам односельчанина, «выразился против государя императора и наследника матюкам, а также ссылаясь на какие-то бумаги, говорил, что землю отбирал господь и поделил поровну, и в скором

¹ РГИА. Ф. 1286. Оп. 14. Д. 980. Л. 3–10.

² ГАКО. Ф. 1642. Оп. 1. Д. 143. Л. 17–18.

времени в России будет республика без царя», а земля снова останется в распоряжении крестьян¹.

Из данных примеров видно, что проблема материального благосостояния, обеспечения нормального существования для себя и членов своей семьи, а также неразрешённый земельный вопрос больше других волновали данную социальную группу населения, а с развитием революционной ситуации к злободневным вопросам добавилась и проблема обеспечения народного представительства в высших органах государственной власти. В результате нерешённости данных проблем в регионе распространялась политическая преступность. В дальнейшем это нашло отражение в открытой борьбе с верховной властью. Уже в начале XX вв. в Курской губернии прошли крестьянские бунты², о чём свидетельствуют многочисленные архивные документы³. Однако для этой социальной группы изначально было характерно совершение менее опасных преступлений, например, оскорбления верховной власти.

Если рассматривать рабочую среду Курской губернии в исследуемый период времени, то следует отметить, что эта социальная группа была малочисленной, в связи с ориентацией экономики региона на сельское хозяйство. Так, например, в соответствии с имеющимися статистическими данными в 1897 г. в Курской губернии численность рабочих составляла 22 693 душ⁴, при том что общая численность населения региона, по данным Всероссийской переписи, составляла более 2 млн человек. Вследствие этого политическая преступная деятельность в рабочей среде распространялась менее активно.

При этом, рассматривая характер этой деятельности, можно отметить, что преимущественно политическая преступность рабочих в регионе была представлена политической пропагандой, участием рабочих в выступлениях политического характера. Так, например, в начале XX в. в губернии распространялось воззвание петербургских рабочих курским: «Товарищи! Дадим

¹ ГАКО. Ф. 1642. Оп. 1. Д. 212. Л. 262.

² Степанова Е. И. К вопросу о становлении полицейской стражи Курской губернии // Ученые записки: электронный научный журнал Курского государственного университета. 2010. № 3 (15). С. 68–74.

³ ГАРФ. Ф. 102. О. 44. Д. 221. Ч. 22. Л. 4.

⁴ Обзор Курской губернии ... [по годам]. Курск: Типо-лит. губ. Правления, 1898. С. 24.

же знать нашему деспоту и тирану, Николаю второму, что русский рабочий не пешка, не скот, а человек. Кажется, довольно бы было с нашего тирана и того, что около 5 тысяч наших братьев погибло ему в угоду в день коронации на Ходынском поле, но не так-то на деле. Товарищи, и теперь в Петербурге наш деспот снова расправился над нами рабочими 6 и 7 мая. Он приказал их бить и истреблять только за то, что мы люди. Неужели, товарищи, мы простим это? Кровь убитых братьев зовет нас ко мщению. Ко мщению, товарищи, ко мщению...»¹. 13 февраля 1900 г. в столовой Краматорского металлургического завода Изюмского уезда собрались следующие лица (среди них были и куряне): сторож завода Василий Андреевич Семёнов, рабочие Антон Ефимович Филинский, Захар Захаров Боснак и Фёдор Иванович Лашин. Семёнов вынул из кармана памятную книжку, в которой был небольшой вырезанный из какой-то книги портрет погибшего государя Александра II, прикрепил его к груди. А.Е. Филинский сказал, что портрет государя «освободителя» нужно почитать, так как он много сделал хорошего в своё царствование. На это В.А. Семёнов выразился нецензурной бранью. Услышав это, один из рабочих сказал: «За что ты ругаешь государя, он теперь покойник». Но В.А. Семёнов повторил ту же брань и прибавил: «Я этому царю служил 4 года, а он мне не принёс никакой помощи, за эти 4 года я мог заработать 400 рублей»². В августе 1903 г. на сахарном заводе в д. Любимовка Суджанского уезда Курской губернии среди рабочих появились в обращении противозаконные печатные издания под названием «Правда о бедствиях простого народа». Сочинение, как было установлено правоохранительными органами, резко критиковало все начинания и действия правительственных властей, с целью «поселить в населении недоверие и ненависть к самодержавной власти государя». В брошюре содержался призыв сплотиться и заменить существующую форму правления народным представительством, которое сможет устранить народные бедствия и притеснения низших классов со стороны правительственных учреждений. В результате обыска

¹ ГАКО. Ф. 1642. Оп. 1. Д. 136. Л. 110.

² ГАКО. Ф. 1642. Оп. 1. Д. 35. Л. 19–22.

у рабочего Петра Гусенкова и проживавшего с ним вместе сына Ивана Гусенкова были найдены и отобраны множество брошюр, рукописей, стихов, заметок и писем политического содержания. Несколько идентичных брошюр отобрано у других рабочих завода¹. Перед началом первой русской революции возросло число депортируемых «отхожих рабочих из местных крестьян, как участников забастовок в Москве, на Донбассе, в Одессе...»².

Как видим, к насущным проблемам рабочих относилось улучшение условий их труда. При этом выдвигались и требования политического характера. Несмотря на малочисленность данной социальной группы, формы борьбы курских рабочих против действующей власти отличались большим разнообразием, они активнее вовлекались в агитационно-пропагандистскую деятельность, участвовали в антиправительственных выступлениях в крупных городах России. Однако массовое неповиновение действующей власти охватило предприятия губернии лишь с началом первой русской революции. Именно в этот период возникают рабочие союзы, стачечные комитеты и иные запрещённые политически опасные организации, деятельность которых признавалась преступной³.

При этом не только представители местного крестьянства и рабочих были вовлечены в политическую борьбу. Наиболее оппозиционно настроенной к действующей власти было студенчество, среди которого было немало представителей дворянства и мещанства региона. Из студенчества «выходило» множество потенциально опасных для государства политических преступников. Так, например, в 1899 г. из 155 лиц, подчинённых надзору полиции за «политическую неблагонадёжность» в регионе, больше половины (83 человека) – студенты⁴. При этом гласному и негласному надзору подчиняли не всех заподозренных лиц. По разъяснению Министерства внутренних дел признавалось

¹ ГАКО. Ф. 795. Оп. 1. Д. 46. Л. 1–55; ГАКО. Ф. 1663. Оп. 1. Д. 2. Л. 6–49.

² Курцев А. Н. Миграционные процессы репрессивного характера в российском населении в 1861–1917 гг. На примере Центрально-Черноземного региона // Ученые записки: электронный научный журнал Курского государственного университета. 2011. № 3 (19). С. 87–102.

³ Салтык Г.А. Политический сыск в Курской губернии в начале XX вв. // История, теория, практика российского права. 2019. № 12. С. 77; Зарубина К.А. Контингент политических преступников Курской губернии во второй половине XIX–начале XX века // Преподаватель XXI века. 2022. № 2-2. С. 323–330.

⁴ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 98. Д. 1. Ч. 41. Л. А. Л. 8.

возможным для сокращения «излишней переписки» не подчинять негласному надзору воспитанников, исключаемых из различных учебных заведений за «неодобрительное поведение или за невзнос платы за слушание лекций» (циркуляр Департамента полиции МВД № 1395 от 1894 г.)¹.

Для студентов ввиду нестабильности ценностных ориентаций было характерно совершение уже более опасных политических преступлений – членство в запрещённых общественно-политических объединениях, участие в политических выступлениях, составление и распространение запрещённой литературы. Так, например, по сообщению прокурора Харьковской судебной палаты прокурору Курского окружного суда, в связи с делом о кружке, организовавшемся среди студентов Императорского университета Св. Владимира с целью распространения преступных изданий, замечено, что среди его участников был курянин, некто дворянин Константин Павлович, который был заключён под стражу, а после подчинён гласному надзору полиции на три года по месту жительства². В начале XX в. уроженец с. Угоны Льговского уезда Курской губернии (родился в 1884 г.) М.И. Рождественский (партийный псевдоним «Михаил»), обучающийся Харьковского университета, также занимался революционной пропагандой среди молодежи Льгова, Бахмута, Харькова, Курска³.

Особо интересны дела по надзору за обучающимися, которые участвовали в антиправительственных выступлениях. Так, в студенческих выступлениях в конце XIX в. в г. Санкт-Петербурге принимали участие мещанин из г. Обояни Н.Г. Богатырёв, ранее обучавшийся в Курском реальном училище, Санкт-Петербургском техническом университете,⁴ С.Д. Берестнёв, студент Харьковского ветеринарного университета, уроженец Курской губернии (проживал в г. Курске на ул. Садовой, был выслан из г. Харькова в г. Курск, а затем в г. Котельник

¹ ГАКО. Ф. 1642. Оп. 2. Д. 17. Л. 2.

² ГАКО. Ф. 795. О.1. Д. 23. Л. 26.

³ Салтык Г. А. Судьбы неонародников Курского края конца XIX – начала XX века: неизвестные страницы // Ученые записки: электронный научный журнал Курского государственного университета. 2020. № 4 (56). С. 81–87.

⁴ ГАКО. Ф. 1642. О.1. Д. 29. Л. 1.

Вятской губернии)¹, А.А. Бондарев, ранее проживавший в Суджанском уезде Курской губернии². В 1899 г. студент Харьковского технологического университета В.М. Генцель, за наиболее «живое участие» в беспорядках, был исключён из числа студентов, отправлен в Львовский уезд Курской губернии. После этого переехал на постоянное место жительства в г. Курск³.

Нередко студенты-куряне участвовали в беспорядках, организуемых в г. Москве. Московский обер-полицмейстер 22 мая 1899 г. отправил в КГЖУ сообщение следующего содержания: «Ректор Императорского Московского университета указал, что студент названного университета К.Б. Бурго, уволившийся во время последних студенческих беспорядков, происходивших в городе Москве, из числа студентов, включён Инспекторским Совещанием в список лиц, кои обратному приёму в Московский университет не подлежат. Вследствие сего, на основании циркуляра Министра Внутренних Дел от 7 февраля 1883 г. за № 255, названный Бурго был удалён в двадцатых числах марта месяца из Москвы в Львовский уезд, куда он отправился с пропуском, выданным Московским охранным отделением за № 3404. Об изложенном Отделение имеет честь сообщить Курскому губернскому жандармскому управлению, для сведения и зависящих распоряжений»⁴. В этот же период времени в антиправительственных беспорядках в г. Москве также участвовали студент Императорского Московского университета физико-математического факультета А.Н. Волокинский (в марте 1899 г. отправлен на место жительства в г. Курск, к своей бабушке),⁵ студент Московского университета Я.С. Челбицкий (уволен из числа студентов, отправлен в с. Покровское Курской губернии) и некоторые другие⁶.

Так, куряне-студенты активно принимали участие в политических выступлениях в столичных городах. До поступления в университет, согласно

¹ ГАКО. Ф. 1642. О. 1. Д. 37. Л. 1–9.

² ГАКО. Ф. 1642. О. 1. Д. 38. Л. 1–10.

³ ГАКО. Ф. 1642. О. 1. Д. 43. Л. 2–26.

⁴ ГАКО. Ф. 1642. О. 1. Д. 39. Л. 1.

⁵ ГАКО. Ф. 1642. О. 1. Д. 41. Л. 1.

⁶ ГАКО. Ф. 1642. О. 1. Д. 42. Л. 1–9.

проанализированным архивным данным, они обучались в Корочанской, Харьковской, Курской классических гимназиях, Харьковском, Курском реальных училищах, среди высших учебных заведений особо выделялись Харьковский технологический университет, Харьковский ветеринарный университет, Императорский Московский университет, Санкт-Петербургский технологический и горный университеты.

Для того чтобы пресечь распространение в студенческой среде антиправительственных идей, власть тщательно следила не только за самими студентами, но и за педагогическим составом, обучавшим студентов в рассматриваемый период. При назначении того или иного лица на учительскую должность в обязательном порядке проверяли кандидата на «политическую благонадежность». Например, в 1892 г. курскому губернатору инспектор народных училищ Курской губернии первого участка докладывал: «Ваше сиятельство, делаю распоряжение о доставлении мне сведений о политической благонадежности и нравственных качествах: жены учителя Алевтины Васильевны Осоцкой, окончившей курс в епархиальном женском училище, Анастасии Павловны Хорошиловой и дочери губернского секретаря Варвары Алексеевны Булгаковой, желающих занять места учительниц в начальных народных училищах, вверенного мне участка. Осоцкая имеет жительство в городе Курске, на Миленинской улице, в доме Александровского образцового училища, Хорошилова – в курском епархиальном женском училище, на Дворянской улице, Булгакова – в городе Курске, на Бородином поле, в доме своей матери Булгаковой». В дальнейшем отмечалось, что в делах курского губернского управления никаких «неблагоприятных сведений» о данных лицах не содержится¹. В случае если лицо было заподозрено в «политической неблагонадёжности», ему отказывали в назначении на должность педагога².

Иногда социальное происхождение политического преступника устанавливать не удавалось. Например, в 1889 г. в двух уездах Курской губернии

¹ ГАКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 3807. Л. 1–5.

² ГАКО. Ф. 1642. Оп. 1. Д. 212. Л. 278–279.

неизвестною личностью, по приметам бродягой, странником были подброшены «...исписанные частым почерком заметки и рукописи, заключающие по своему характеру революционные тенденции...», с добавлением текстов Священного писания. В связи с этим из МВД в Белгородский уезд был направлен предупреждающий циркуляр, для того чтобы отдельный корпус жандармов обратил на данный факт особое внимание. В случае установления личности, обнаружения преступника, виновного предписывалось задержать¹.

Совершение политических преступлений другими социальными группами населения носило единичный характер. Так, политические преступления в рассматриваемый период времени совершали представители высшего «класса», чиновники², почётные граждане, духовенство³. Например, в 1890 г. под негласным надзором курской полиции состояли сын рыльского священника А.А. Калистратов и его жена акушерка О.Г. Калистратова (Ройзь), которые были ранее сосланы в Томск за совершение государственного преступления на три года, ввиду окончания гласного надзора их дело перенаправили в КГЖУ. Лица подчинены негласному надзору сроком на три года⁴.

По гендерному признаку среди политических преступников, как и среди рядовых правонарушителей, в рассматриваемый период преобладали мужчины⁵. Однако иногда «политически неблагонадёжными» лицами, преступницами признавались и женщины. Представительниц женского пола часто привлекали для распространения политически опасной литературы, поскольку их реже подозревали жандармы, полиция в осуществлении подобного рода общественно опасной деятельности. Например, в 1888 г. по обвинению в совершении политического преступления закончилось судопроизводство в отношении дворянки Валентины Михайловны Левишной. У неё был произведен обыск, поскольку девушка недавно вернулась из заграницы в свое имение в с. Шустово

¹ГАКО. Ф. 1642. Оп. 1. Д. 12. Л. 15.

²ГАКО. Ф. 1642. Оп. 1. Д. 777. Л. 28–29, 109, 121.

³ГАКО. Ф. 795. Оп. 1. Д. 41. Л. 1–5; ГАКО. Ф. 795. Оп. 1. Д. 50. Л. 105, 116; ГАКО. Ф. 1642. Оп. 1. Д. 180. Л. 1 и др.

⁴ГАКО. Ф. 1642. Оп. 1. Д. 13. Л. 1; ГАКО. Ф. 1642. Оп. 1. Д. 14. Л. 1–4; ГАКО. Ф. 1642. Оп. 1. Д. 26. Л. 36.

⁵Шепелева М.П. Уголовная преступность в российской провинции на примере Курской губернии (1861–1917 гг.) // Известия АлтГУ. 2010. № 4-1. С. 270–272.

Льговского уезда Курской губернии. При обыске у неё были обнаружены 23 книги, 1 газета и 1 печатное воззвание революционного преступного содержания, которые были вывезены ею из заграницы¹. Также за хранение нелегальной литературы в г. Курске к дознанию была привлечена дворянка Н.С. Павлович. При обыске дома у женщины в рояле были найдены запрещённые 1 брошюра и 2 книги: сочинение К. Маркса «Наёмный труд и капитал» Женевской вольной русской типографии, рукописная книга без заглавия об истории русского революционного движения, «летучий» листок «Группа народовольцев»². Также в это же время в хранении нелегальной литературы была уличена акушерка-массажистка из г. Курска М.Е. Солодилова (у неё дома во время обыска была найдена брошюра «Эрфуртская программа» и другая запрещённая литература). Курянка приговорена к аресту сроком на 2 недели и подчинению надзору полиции на 1 год³. В июле 1898 г. начальник Курской тюрьмы докладывал прокурору Курского окружного суда: «Имею честь донести Вашему Высокоородию, что сего числа при постановлении Отделения Корпуса жандармов Штаб-Ротмистра Чурилова поступили в Курскую тюрьму и заключены в оной под стражу дворянка Мария Николаевна Пузанова и состоящий под гласным надзором полиции мещанин Антонин Михайлов Кокорин, обвиняемые в политическом преступлении»⁴. В 1903 г. по делу о распространении нелегальных изданий обвинялась Александра Аполлоновна Жилинская, 25-летняя девушка, уроженка г. Севастополя, домашняя учительница, по сообщениям полиции, служащая в Курской губернской земской управе и в редакции запрещенной газеты. В отношении обвиняемой при обнаружении признаков преступления была принята такая мера пресечения, как содержание под стражей⁵.

В связи с вышеизложенным можно выделить следующую особенность содержания политической преступности Курской губернии: доля представителей различных сословий среди политических преступников в целом соответствует

¹ ГАКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 3143. Л. 1–13.

² ГАРФ. Ф. 124. Оп. 6. Д. 295. Л. 1–16.

³ ГАРФ. Ф. 124. Оп. 6. Д. 311. Л. 9–10.

⁴ ГАКО. Ф. 795. Оп. 1. Д. 25. Л. 67.

⁵ ГАКО. Ф. 801. Оп. 1. Д. 44. Л. 8.

удельному весу в составе населения региона отдельных социальных групп. Типичный политический преступник Курской губернии второй половины XIX – начала XX вв. – это мужчина, представитель крестьянства или студенчества.

При этом социальная принадлежность прямым образом влияла на формы сопротивления действующей власти. Так, наиболее распространённым политическим преступлением среди образованного, но малочисленного студенчества было участие в запрещённых общественно-политических объединениях, выступлениях политического характера, составлении и распространении политически опасной литературы. Для крестьянства характерны более «пассивные» формы проявления политической преступности – оскорбление императора и членов его семьи.

На развитие политической преступности в Курской губернии также влияло активное проведение агитационно-пропагандистской работы среди населения представителями оппозиционно настроенных общественно-политических движений. Этому способствовала территориальная близость губернии от столичных городов. В связи с тем, что железнодорожное сообщение с Москвой и Санкт-Петербургом было хорошо налажено, по имеющимся путям сообщения в регион «приезжала» запрещённая литература политического характера. Так, например, в 1902 г. из поступающих в Департамент полиции МВД сведений усматривалось, что распространение среди сельского населения революционных изданий осуществлялось следующим образом: «В районе появлялись неизвестные молодые люди, которые, проезжая в железнодорожных поездах и в экипажах или верхом по проселочным дорогам, а равно, проходя пешком по селам и деревням, разбрасывали из вагонов и экипажей имеющиеся у них книжки и брошюры революционного содержания или раздавали таковые встречным крестьянам, рекомендуя читать их и передавать для чтения другим. Нередко эти издания тайно подбрасывали во дворы и постройки крестьянских усадеб, на ярмарках и базарах в крестьянские телеги, а затем они распространялись самим населением в отдалённых и наиболее глухих местностях...»¹.

¹ ГАКО. Ф. 1642. Оп. 1. Д. 135. Л. 176–177.

В начале XX в. на территории региона интенсивно распространялись листовки Российской социал-демократической рабочей партии «Уроки войны», где утверждалось, что развязывание военных действий на Дальнем Востоке является инициативой российского правительства и вступление России в данную войну «простому народу» не нужно. В «Уроках войны» громогласно учреждалось: «Когда началась война с Японией, царское правительство уверяло, что виноваты в войне японцы. Это ложь. Конечно, Япония вела войну в интересах своих господствующих, капиталистических классов, которым необходимо обеспечить за собою главные рынки для сбыта своих товаров – Китай и Корею... Однако все видели, как попытки превратить у нас войну в национальное дело окончились неудачей. <...> У нас война нужна только царскому правительству...»¹. Запрещённая литература «приезжала» в губернию из крупных городов и читались в крестьянской среде. Имелись случаи публичного прочтения революционных воззваний в присутствии сельских старост². Нередко опасные листовки распространяли и среди рабочих³. Следствием ведения подобной агитационно-пропагандистской работы наблюдалось появление упаднических настроений среди населения. Например, куряне достаточно резко высказывались против действующих порядков набора в армию⁴, войны с Японией⁵. Так, некто сельский писарь Тихон Мороз в апреле 1904 г. в присутствии местных жителей рассуждал: «Что они там делают петербургские лодыри, мы идем на войну и нас бьют, они сидят. Послали на войну Кирюшу, да Бориску, да Куропаткина, что они там могут сделать»⁶. В мае 1904 г. крестьянка Новооскольского уезда Курской губернии Дарья Ивановна в разговоре с односельчанами рассуждала: «Зачем наш царь объявил войну? Из-за города, лучше бы отдал без войны, поотнимал только наших мужиков»⁷. В конце 1904 г. господину товарищу прокурора Курского окружного суда по Фатежскому участку уездный исправник докладывал, что

¹ ГАКО. Ф. 795. Оп. 1. Д. 55. Л. 44.

² ГАКО. Ф. 1642. Оп. 1. Д. 143. Л. 6–29; ГАРФ. Ф. 124. Оп. 10. Д. 427. Л. 1–12.

³ ГАРФ. Ф. 124. Оп. 10. Д. 747. Л. 1–15; ГАКО. Ф. 1642. Оп. 1. Д. 142. Л. 5–19.

⁴ ГАКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 3492. Л. 1–4.

⁵ ГАКО. Ф. 801. Оп. 1. Д. 97. Л. 9; ГАКО. Ф. 1642. Оп. 1. Д. 227. Л. 225–278; ГАКО. Ф. 795. Оп. 1. Д. 60. Л. 59 и др.

⁶ ГАКО. Ф. 1642. Оп. 1. Д. 227. Л. 225–278.

⁷ Там же. Л. 225–237.

крестьяне деревни Большой Агарковой высказывались, что «государь император напрасно ведет войну с Японией, тогда как война эта кроме смерти 100 000 солдат ещё стоит очень дорого, что все эти убытки государь в конце концов разложит на плечи брата крестьянина и без того обремененного налогами, что крестьянам уже придётся содержать семью убитых на войне и, кроме того, что Порт-Артур русским не нужен...»¹.

Подводя итог вышесказанному, отметим, что проведению политической пропаганды представителями оппозиционно настроенных политических движений (в первую очередь, через распространение запрещённой литературы политического характера) способствовало расположение Курской губернии на пересечении многих железнодорожных путей сообщения, иных транспортных путей, близость региона к столичным городам и загранице. Хотя это не всегда способствовало активизации народных масс и, в первую очередь, малограмотного крестьянства и рабочих, не разбирающихся в государственных преобразованиях, целях реализации отдельных мероприятий, как во внутренней, так и во внешней политике.

Характеризуя структуру политической преступности Курской губернии, необходимо обратиться к анализу общей структуры преступности в Российской империи.

В общей системе общеуголовной преступности России во второй половине XIX – начале XX вв. государственные (политические) преступления имели небольшой удельный вес². При этом в исследуемый период наблюдался рост политической преступности. Так, например, если в 1884–1890 гг. среднее ежегодное число лиц, привлечённых к дознанию по государственным преступлениям, составляло 538, то в 1901–1903 гг. – уже 2599³.

Исследуя наиболее распространённые виды политических преступлений, отметим, что в России в рассматриваемый период, по сведениям известного

¹ ГАКО. Ф. 795. Оп. 1. Д. 60. Л. 59.

² Обзор Курской губернии за 1895 год. Курск, 1896. С. 23.

³ Тарновский Е.Н. Статистические сведения об осужденных за государственные преступления в 1905–1912 гг. // Журнал Министерства юстиции. 1915. № 10 (Декабрь). С. 37–69.

судебного статистика Е.Н. Тарновского, около 29% политических преступников обвинялись в участии в революционном сообществе, примерно 27% – в участии в антиправительственных демонстрациях, составлении и распространении запрещённой литературы, остальные – в оскорблении императора (около 12%), участии в противозаконном сообществе (примерно 19%), хранении противоправительственных изданий (около 11%), распространении политических слухов, выдаче военных тайн, государственной измене и иных политических преступлениях (около 2%)¹. Так, в основном политическая преступность была представлена «активными» формами сопротивления действующей власти «изнутри» (участие в антиправительственных выступлениях, политическая пропаганда и членство в запрещённых объединениях).

В Курской губернии во второй половине XIX – начале XX вв. политическая преступность в структуре преступности также имела незначительный удельный вес. Об этом свидетельствуют следующие факты. Например, в 1898 г. на первом участке Тимского уезда Курской губернии было возбуждено 2 уголовных дела о совершении государственных (политических) преступлений. Всего же за этот период времени было возбуждено около 100 уголовных дел². Как видим, это не более 2%. Указанная тенденция наблюдалась и в других уездах губернии.

Об относительно низкой распространённости политической преступности также свидетельствуют следующие архивные данные. В 1855 г. за противозаконные проступки политического свойства, «политическую неблагонадёжность» надзору курской полиции было подчинено 13 человек (всего под надзором состояли – 249)³, в 1865 г. – 6 (всего – 253)⁴, в 1872 г. – 12 (всего – 564)⁵, в 1879 г. – 34 (всего – 792)⁶. Как видим, число лиц, обвиняемых в совершении противозаконных поступков политического свойства, «политической неблагонадёжности», в целом увеличилось, при этом их удельный вес в общем

¹ Тарновский Е. Н. Статистические сведения о лицах, обвиняющихся в преступлениях государственных // Журнал Министерства юстиции. 1906. № 4. С. 50–99.

² ГАКО. Ф. 795. Оп. 1. Д. 29. Л. 49.

³ РГИА. Ф. 1286. Оп. 16. Д. 387е. Л. 40–109.

⁴ РГИА. Ф. 1286. Оп. 50. Д. 131. Л. 1–56.

⁵ РГИА. Ф. 1286. Оп. 33. Д. 1551. Л. 1–83.

⁶ РГИА. Ф. 1286. Оп. 50. Д. 137. Л. 1–101.

числе преступников, подчинённых надзору полиции, оставался незначительным. Особо стоит подчеркнуть, что в других (не столичных) губерниях европейской части Российской империи политическая преступность имела примерно такой же уровень развития. Например, если в Курской губернии в 1865 г. число таких «поднадзорных» составляло 6 человек (всего – 253)¹, в Воронежской губернии – 116 человек (всего – 256)², в Тамбовской губернии – 55 (всего – 214 человек)³. В 1879 г. число данных лиц в Курском регионе составляло 34 из 792 человек⁴, в Воронежской губернии – 27 из 42⁵, а в Тамбовской – более 150 из 366 человек⁶. При этом число дознаний, производившихся в жандармских управлениях по государственным преступлениям в 1881 г., составляло по Воронежской губернии – 15, Орловской губернии – 8, Курской губернии – 37, Тамбовской губернии – 22⁷, в 1889 г. по Воронежской губернии – 0, Орловской губернии – 13, Курской губернии – 13, Тамбовской губернии – 0⁸, в 1888 г. по Воронежской губернии – 0, Орловской губернии – 0, Курской губернии – 9, Тамбовской губернии – 0⁹. В 1892–1893 гг. по Воронежской губернии – 20, Орловской губернии – 29, Курской губернии – 0, Тамбовской губернии – 36¹⁰. В 1895 г. по Воронежской губернии – 7, Орловской губернии – 6, Курской губернии – 0, Тамбовской губернии – 16.

Из представленных статистических сведений видно, что число дознаний, производившихся в жандармских управлениях по государственным преступлениям, как и число лиц, состоящих под надзором полиции за совершение преступлений политического свойства, в исследуемых губерниях европейской

¹ РГИА. Ф. 1286. Оп. 50. Д. 131. Л. 1–56.

² РГИА. Ф. 1286. Оп. 50. Д. 52. Л. 1–108.

³ РГИА. Ф. 1286. Оп. 50. Д. 317. Л. 1–57.

⁴ РГИА. Ф. 1286. Оп. 50. Д. 137. Л. 1–101.

⁵ РГИА. Ф. 1286. Оп. 50. Д. 56. Л. 1–14.

⁶ РГИА. Ф. 1286. Оп. 50. Д. 323. Л. 1–137.

⁷ Ведомость дознаниям о государственных преступлениях, производившихся в жандармских управлениях империи за время... [Вып. 1]: с 1 июля по 1 октября 1881 года / [Деп. полиции]. [Б. и.]. С. 9–11, 17–19, 28–29, 44–46.

Ведомость дознаниям о государственных преступлениях, производившихся в жандармских управлениях империи за время... [Вып. 2]: с 1 октября 1881 по 1 января 1882 года / [Деп. полиции]. [Б. и.]. С. 4, 8–9.

⁸ Ведомость дознаниям, производившимся в жандармских управлениях по государственным преступлениям за время... [Вып. 14]: с 1 января 1889 года по 1 января 1890 года / [Деп. полиции]. [Б. и., 1890]. С. 9–10, 20.

⁹ Обзор важнейших дознаний, производившихся в жандармских управлениях империи, по делам о государственных преступлениях... [Вып. 13]: с 1 января 1888 г. по 1 января 1889 г. / [Деп. полиции]. [Б. и., 1889]. С. 12.

¹⁰ Ведомость дознаниям, производившимся жандармскими управлениями по государственным преступлениям за... [Вып. 17]: 1892 и 1893 годы / [Деп. полиции]. [Б. и., 1893]. С. 6, 46, 62.

части России с учётом разной численности населения примерно оставалось на одном уровне.

При этом в изучаемых хронологических рамках, так же как и в России, в Курском регионе наблюдался рост политической преступности. Так, если в середине XIX в. число лиц, состоящих под негласным надзором полиции за осуществление политически опасной деятельности, насчитывало единицы, десятки, то уже в конце XIX – начале XX вв. число «поднадзорных» переходило за сотню (только в 1899 г. число лиц, состоящих под надзором полиции, составило 155 человек)¹. В начале XX в. общественно-политическая ситуация в губернии, по замечаниям современников, стала особо накаляться².

Совершаемые в регионе политические преступления, как правило, не были столь опасны. Об этом свидетельствует тот факт, что в судебном порядке дела политического характера разрешались редко ввиду их незначительности. Например, в 1901 г. в месячных ведомостях о работе товарища прокурора Курского окружного суда 1-го участка отмечалось, что в феврале в судебную палату (Харьковскую) был отправлен 1 обвинительный акт, 3 обвинительных акта с заключениями, составлено обвинительных актов, подлежащих рассмотрению судебной палаты о 6 лицах, обвиняемых в совершении политических преступлений. В марте составлено 6 обвинительных актов, передано дел о 4 лицах, в апреле – 2 акта и несколько дел о 4 лицах, в мае – 7 и 15, июне – 4 и 1, июле – 4 и 1 и т.д. В общей сложности в Харьковскую судебную палату в 1901 г. отправлено более 40 обвинительных актов (как с заключениями, так и без), составлено обвинительных актов, подлежащих рассмотрению судебной палаты, более чем о 30 лицах. Однако вынесение обвинительных приговоров было редкостью³.

Кроме того, согласно имеющимся данным, в 1895 г. в Курской губернии не было обвиняемых по наиболее опасным государственным преступлениям (для примера, по Санкт-Петербургскому губернскому жандармскому управлению – 2

¹ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 98. Д. 1. Ч. 41. Л. А. Л. 8.

² ГАРФ. Ф. 102. Оп. 103. Д. 1. Ч. 50. Л. Б. Л. 1–2.

³ ГАКО. Ф. 795. Оп. 1. Д. 37. Л. 1–25.

человека, по Московскому губернскому жандармскому правлению – 4 человека, по Киевскому губернскому жандармскому управлению – 8 человек, по Казанскому губернскому жандармскому управлению – 5 человек, по Саратовскому губернскому жандармскому управлению – 8 человек, по Воронежскому губернскому жандармскому управлению – 2 человека и т.д.)¹.

Это позволяет нам сделать вывод о том, что помимо незначительной распространённости в Курской губернии политической преступности, она ещё отличалась низкой общественной опасностью. В регионе чаще всего встречались «пассивные» формы проявления политической преступности, а «активные» имели эпизодический характер, они не были столь опасны, поскольку структура политических преступлений в Курской губернии, согласно статистическим данным, в исследуемый период отличалась от общероссийской. Так, в Курском регионе не были распространены антиправительственные демонстрации, выдача военных тайн, государственная измена и некоторые иные формы «активного» сопротивления власти². Вместо этого особую распространённость получили иные виды политических преступлений. Хотя можно отметить единичные эпизоды действительно серьёзных преступлений политического характера, например, террористический акт, устроенный эсерами в Курском Знаменском монастыре в марте 1898 г.³

Особо стоит подчеркнуть, что распространённость видов политических преступлений, как уже отмечалось ранее, была связана напрямую с социальным составом губернии. В первую очередь, необходимо отметить, что большая часть населения проживала в сельской местности, большинство политических преступников принадлежало именно к крестьянству. Другой более активной в политическом отношении, но менее многочисленной социальной группой населения было образованное студенчество.

¹ Обзоры важнейших дознаний, производившихся в жандармских управлениях империи по государственным преступлениям за время... [Вып. 19-20]: за 1895 и 1896 гг. / [Деп. полиции]. С. 4, 27, 36, 89–92.

² Тарновский Е. Н. Статистические сведения о лицах, обвиняющихся в преступлениях государственных // Журнал Министерства юстиции. 1906. № 4. С. 50–99.

³ ГАРФ. Ф. 124. Оп. 10. Д. 272. Л. 1.

Таким образом, основными причинами распространения политической преступности в регионе можно считать неудовлетворенность реализуемым верховной властью курсом во внутренней и внешней политике. При этом разные социальные группы населения волновали различные проблемы: если крестьянство проявляло политическую активность, в первую очередь, в связи с нерешённым аграрным вопросом, низким уровнем жизни, то рабочих интересовали условия труда, а также, как и студенчество, – необходимость обеспечения представительства населения в высших органах государственной власти (политические вопросы). Структура политической преступности губернии во второй половине XIX – начале XX вв. была обусловлена социальным составом населения. Анализ исторических условий развития политической преступности как опасного социального явления второй половины XIX – начала XX вв. позволил обнаружить как региональные особенности движения указанного явления, так и общероссийские тенденции развития. В Курском крае, как и в целом по стране, в структуре общеуголовной преступности политические преступления имели незначительный удельный вес, наблюдался рост числа преступлений политического свойства на протяжении всего исследуемого периода. К региональным особенностям необходимо отнести недостаточное широкое распространение радикальных форм выражения протеста действующей власти, а также малозначительность преступлений политического характера, совершаемых курянами.

2.2 Наиболее распространённые политические преступления второй половины XIX – начала XX вв.: региональные особенности

В Курской губернии во второй половине XIX – начале XX вв. были распространены следующие составы общественно опасных деяний политического характера:

– оскорбления словом или действием императора и членов его семьи;

– составление и распространение письменных или печатных изображений или сочинений с целью возбуждения неуважения к личным качествам государя или к существующему порядку управления его государством, верховной власти;

– участие в общественно опасных объединениях и выступлениях политического характера.

Как видим, в этом перечне можно выделить как «пассивные» формы проявления политической преступности, связанные с косвенным выражением неповиновения действующей власти (оскорбление императора и членов его семьи), так и «активные» формы, имеющие целью возбуждение неуважения к государю, существующему образу правления, верховной власти, а также изменение основ государственного устройства. К последним относится участие курян в общественно опасных объединениях и выступлениях политического характера, а также проведение политической пропаганды среди населения.

Одна из самых распространённых в Курской губернии форма «пассивного» сопротивления действующей власти – это оскорбление словом или действием личности государя, членов его семьи, поскольку именно данные лица отождествлялись в рассматриваемый период с верховной властью. Например, 28 февраля 1899 г. учитель Шестопаловского училища Курской губернии оскорбил крестьянина Щигровского уезда Н.С. Калитьевского, при этом произнёс «оскорбительные для священной особы государя императора слова», в связи с этим 21 марта 1900 г. было возбуждено уголовное дело¹. В 1901 г. за оскорбление императора осуждались К.Ф. Дагаева, А.А. Семёнова, М.А. Лукина, А.А. Болдуша (по прозвищу Шеянов), Т.В. Хицун и другие².

Чаще всего государя и членов его семьи оскорбляли крестьяне³. В официальных документах употреблялось несколько наименований «обидных» для императора и его семьи «слов». Так, подобные «слова» называли «преступными

¹ ГАКО. Ф. 1642. Оп. 1. Д. 122. Л. 50–100.

² ГАКО. Ф. 1642. Оп. 1. Д. 145. Л. 72–109.

³ ГАРФ. Ф. 124. Оп. 15. Д. 63. Л. 1–10; ГАРФ. Ф. 124. Оп. 15. Д. 90. Л. 1–11; ГАРФ. Ф. 124. Оп. 15. Д. 91. Л. 1–11; ГАРФ. Ф. 124. Оп. 15. Д. 148. Л. 1–13; ГАРФ. Ф. 124. Оп. 15. Д. 165. Л. 1–11; ГАРФ. Ф. 124. Оп. 15. Д. 451. Л. 1–9; ГАРФ. Ф. 124. Оп. 15. Д. 532. Л. 1–8; ГАРФ. Ф. 124. Оп. 15. Д. 581. Л. 1–7; ГАРФ. Ф. 124. Оп. 15. Д. 657. Л. 1–8; ГАРФ. Ф. 124. Оп. 16. Д. 13. Л. 1–12; ГАКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 3589. Л. 1–6 и др.

речами»¹, «преступными² и неприличными³ выражениями», ругательствами⁴, бранью⁵. Излюбленным выражением, употребляемым в отношении личности государя, было известное «мать вашу» или «мать твою»⁶. Распространённым оскорблением в этот период стало сравнение государя с «чёртом»⁷, «мошенником»⁸. Иногда указанные ругательства соединяли в своей речи⁹, выражались, по утверждению свидетелей, «площадной руганью»¹⁰. Вместе с оскорблением часто звучали угрозы причинения смерти¹¹. При этом «бранные слова» произносились не только в отношении императора и членов его семьи, но и служащих различных учреждений во время исполнения их прямых должностных обязанностей¹², поскольку население Курской губернии в связи с малограмотностью не отличало верховную власть от местной.

Примечательно, что политическим преступлением считалось не только оскорбление действующего императора, членов его семьи, императорского дома, но и усопших правителей. Так, в 1896 г. преступлением политического характера было признано произнесение бранных слов потомственным почётным гражданином Курской губернии Михаилом Хорошивцевым в отношении покойного на тот момент императора Александра II и «действующего» Николая II. Однако в связи с тем, что донесение некоего крестьянина Льговского уезда Курской губернии И.А. Прудникова оказалось ложным, по представлению прокурора Харьковской судебной палаты, производство по делу было

¹ ГАКО. Ф. 1 Оп. 1. Д. 3608. Л. 1–8; ГАКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 3624. Л. 1–6.

² ГАКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 3960. Л. 1.

³ ГАКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 4046. Л. 1.

⁴ ГАКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 3988. Л. 1.

⁵ ГАКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 4009. Л. 1–2.

⁶ ГАКО. Ф. 1642. Оп. 1. Д. 145. Л. 117; ГАКО. Ф. 1642. Оп. 1. Д. 225. Л. 1–19; ГАКО. Ф. 795. Оп. 1. Д. 23. Л. 36, 38, 118, 131; ГАКО. Ф. 795. Оп. 1. Д. 25. Л. 46, 177; ГАКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 3617. Л. 1–14 и др.

⁷ ГАКО. Ф. 1642. Оп. 1. Д. 145. Л. 193, 209.

ГАКО. Ф. 795. Оп. 1. Д. 25. Л. 38, 45.

⁸ ГАКО. Ф. 795. Оп. 1. Д. 55. Л. 1.

⁹ ГАКО. Ф. 795. Оп. 1. Д. 54. Л. 6–7.

¹⁰ ГАКО. Ф. 1642. Оп. 1. Д. 227. Л. 67; ГАКО. Ф. 1663. Оп. 1. Д. 3. Л. 1.

¹¹ ГАКО. Ф. 1642. Оп. 1. Д. 145. Л. 96; ГАКО. Ф. 795. Оп. 1. Д. 23. Л. 30; ГАКО. Ф. 1642. Оп. 1. Д. 145. Л. 57.

¹² ГАКО. Ф. 795. Оп. 1. Д. 23. Л. 23; ГАКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 3830. Л. 1–3; ГАРФ. Ф. 124. Оп. 10. Д. 425. Л. 1–11; ГАКО. Ф. 1642. Оп. 1. Д. 149. Л. 298–300 и др.

прекращено¹. Позднее в Курской губернии также фиксировались эпизоды оскорбления покойного императора².

Государственным преступлением также признавалось оскорбление членов императорской семьи. Например, в 1892 г. было возбуждено уголовное дело по оскорблению наследника престола крестьянином Т.М. Малышевым, проживавшим в с. Проходом Корочанского уезда Курской губернии. По словам местного смотрителя хлебного магазина, обвиняемый стоял вместе с другими крестьянами в очереди за хлебом. В это же время в местной церкви раздался звон и на вопрос, по какому случаю звонят, какой-то крестьянин из толпы ответил, что отслужена служба о благополучии его Величества наследника престола, поскольку на жизнь наследника покушались, и Бог спас его. Находившийся рядом крестьянин Т.М. Малышев произнёс матерные слова против особы его Величества, добавив, что наследнику «так и надо, пусть не ездит по чужим земствам»³. В 1904 г. крестьянин с. Мячковка Грайворонского уезда Курской губернии И.К. Жильцов был обвинён по ч. 3 ст. 103 Уголовного уложения 1903 г. в заочном оскорблении наследника российского престола⁴. Кроме того, в Курской губернии были зафиксированы случаи оскорбления императрицы, что было признано преступлением. Так, в 1904 г., по сообщению Дмитриевского уездного исправника, в с. Хомутовке Курской губернии крестьянин того же села О. Г. Музалеев произнёс ругательные слова, относящиеся к Их Императорскому Величеству государю императору Николаю Александровичу, а также к государыне императрице Александре Федоровне (по поводу рождения в императорской семье наследника престола) в присутствии своих односельчан: «Им делать нечего, только рожают»⁵. И при этом крестьянин выругался матерными словами. О произошедшем было донесено курскому губернатору, прокурору Курского окружного суда и сообщено начальнику КГЖУ⁶.

¹ ГАКО. Ф. 795. Оп. 1. Д. 23. Л. 65.

² ГАКО. Ф. 1642. Оп. 1. Д. 35. Л. 19–22; ГАКО. Ф. 1642. Оп. 1. Д. 227. Л. 11–12; ГАРФ. Ф. 124. Оп. 6. Д. 341. Л. 1–17.

³ ГАКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 3589. Л. 1–6.

⁴ ГАКО. Ф. 795. Оп. 1. Д. 56. Л. 1–7.

⁵ ГАКО. Ф. 1642. Оп. 1. Д. 227. Л. 572.

⁶ ГАКО. Ф. 801. Оп. 1. Д. 97. Л. 2.

Интересно дело А.П. Жирова о распространении слухов о покушении на императора Николая II. Как сообщали государственные служащие, житель г. Курска, мещанин А.П. Жиров в 1895 г. спрашивал несколько раз у своих знакомых: «Вы ничего не слышали? Было покушение на жизнь государя императора, но всё обошлось благополучно». Произнесение указанных слов властью было расценено как преступное деяние¹.

В соответствии с уголовным законодательством политическим преступлением также считалось произнесение дерзких слов в отношении изображений государя. Так, в феврале 1902 г., по сообщению местного пристава, состоящий под негласным надзором полиции крестьянин с. Обуховки Спагостиской волости Курской губернии Т.П. Колесников, будучи в нетрезвом виде, на базаре достал из кармана серебряные рублёвые монеты и бросил их на землю. Крестьянка, проходившая мимо, подобрала деньги и отдала Т.П. Колесникову, заметив, что на них изображён государь, поэтому нельзя их просто так бросать. На что, ругаясь «осквернительными» словами, Т.П. Колесников ответил: «Если бы были со мной мои товарищи, разбил бы тебе всю челюсть»².

Примечательно, что оскорбить императора можно было не только словом. Например, в августе 1898 г. в Курской губернии вдова титулярного советника Мария Николаевна Попова была задержана в пьяном виде и до вытрезвления оставлена в волостном правлении, где была помещена в присутственной комнате. Там М.Н. Попова, воспользовавшись случаем, когда все вышли из комнаты, схватила свечу, поднесла её к портрету Его Императорского Величества государя Николая Александровича, висевшего в комнате, и прожгла его. Данные действия были расценены волостным правлением как преступные. Об этом в дальнейшем было донесено Курскому губернатору и прокурору Харьковской судебной палаты, а переписка препровождена начальнику КГЖУ³.

В зависимости от конкретных обстоятельств рассматриваемых дел осуждённому могли назначить более мягкое или более жесткое наказание. Так,

¹ ГАРФ. Ф. 124. Оп. 4. Д. 284. Л. 1–7.

² ГАКО. Ф. 1642. Оп. 1. Д. 149. Л. 85–86.

³ ГАКО. Ф. 795. Оп. 1. Д. 25. Л. 117.

если политический преступник был пьян¹ или оскорбление императора происходило как бы попутно, невзначай², наказание назначали менее жёсткое. Такое преступление считалось менее опасным. Отягчающим обстоятельством считалось произнесение оскорблений в отношении императора в стенах государственных учреждений³.

Сами преступники давали порой интересные пояснения по обстоятельствам совершения преступления. Например, некто из крестьян Фатежского уезда Курской губернии заявлял в своём прошении: «В прошлом 1904 году за оскорбление будто бы мною высочайшей особы, я местным управлением привлечен к ответственности и отдан под гласный надзор полиции и нахожусь больше года под обозначенным надзором, но так как я человек престарелый, причём выпивший порядочно вино, быв ночью в пьяном виде и произнеся непотребные слова, признаю себя виновным через выпивку по старости много моих лет...»⁴.

Однако бытовая брань, в которой в негативном свете выставлялась верховная власть, не всегда имела действительно политические мотивы. Так, пристав 3-го стана Корочанского уезда Курской губернии в 1901 г. направлял прокурору Харьковской судебной палаты уведомление о том, что крестьянин И.С. Кривчаков на самом деле не оскорблял Царя, ввиду того, что его «дерзкие слова» были адресованы не к государю, а к его собственной жене⁵. Харьковский прокурор часто давал по таким поводам разъяснение: в данных словах признаков преступления нет. Среди подобных инцидентов большую часть составляли прецеденты «бессмысленной пьяной ругани по адресу высочайших особ, в которых за пьяной выходкой невозможно уловить ни малейшего намека на какую-нибудь политическую мысль»⁶. В данном случае при определении относимости и неотносимости деяния к категории политического преступления

¹ ГАКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 3467. Л. 1–2; ГАКО. Ф. 1642. Оп. 1. Д. 122. Л. 34–36, 40; ГАКО. Ф. 1642. Оп. 1. Д. 145. Л. 51, 89–91.

² ГАКО. Ф. 1642. Оп. 1. Д. 122. Л. 50–100; ГАКО. Ф. 1642. Оп. 1. Д. 145. Л. 72–109.

³ ГАКО. Ф. 795. Оп. 1. Д. 23. Л. 17.

⁴ ГАКО. Ф. 795. Оп. 1. Д. 50. Л. 118.

⁵ ГАКО. Ф. 1642. Оп. 1. Д. 145. Л. 35.

⁶ Коновалова Н. А. Об изучении проблемы оскорбления крестьянами особы государя императора в начале XX века // Вестник ОмГУ. 2014. № 1 (71). С. 42–47.

принимались во внимание обстоятельства сказанного, а также мотивы¹. В связи с этим нередко казавшиеся, на первый взгляд, политически опасными преступления не признавались таковыми. Это подтверждает выдвинутый тезис и том, что преступления политического характера, совершаемые в Курской губернии, особенно если речь идёт об оскорблениях императора и членов его семьи, не были опасны для общества и государства.

К более «активным» видам политических преступлений относится участие курян в запрещённых общественно-политических объединениях, выступлениях политического характера, составление и распространение сочинений и изображений с целью возбуждения неуважения к личным качествам государя или к существующему порядку управления государством, верховной власти, возбуждения к бунту. Отметим, что именно эта группа общественно опасных деяний более всех иных подходит под определение понятия политического преступления, поскольку именно такая деятельность осуществлялась с ярко выраженным политическим мотивом, направленным на изменение основ государственного строя, существующего образа правления, а иногда свержение императора.

В Курской губернии во второй половине XIX – начале XX вв. особо опасные преступления из данной группы совершались не так часто. В архивных материалах встречаются лишь единичные случаи привлечения к уголовной ответственности политических преступников по совокупности статей. Так, в 1900 г. к уголовной ответственности по ч. 2 ст. 250 (составление и участие в антиправительственном сообществе) Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1885 г. (с изменениями и дополнениями), а также ст. 251 (составление и распространение политически опасной литературы, изображений), ст. 252 (составление (участие в составлении), хранение и распространение печатных или письменных сочинений, произнесение публично речей без прямого и явного возбуждения к восстанию против верховной власти, но усиливающих, оспаривающих или подвергающих сомнению неприкосновенность прав

¹ ГАКО. Ф. 1642. Оп. 1. Д. 181. Л. 1–10.

верховой власти, образ правления, порядок престолонаследования)¹ и ст. 318 (принадлежность к сообществу, имеющему целью противодействие распоряжениям правительства, возбуждение исполнения установленных распоряжений властей, разрушение основ общественной жизни) привлекались бывший студент Университета Св. Владимира А.М. Кокорин, курский дворянин Л.В. Кишкин². Так, дворянина Л.В. Кишкина в 1900 г. обвиняли сразу по нескольким составам преступления – ч. 2 ст. 250, 251, 252, 318³ Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1885 г. (с изменениями и дополнениями).

Интересно дело арестанта курянина М.М. Овсянникова, купеческого сына, который обвинялся в хранении в тюремной камере революционных стихов. В рапорте караульного офицера отмечено: «4 ноября в 4 часа дня 1871 г. мной в присутствии надзирателя Михайленко был произведён осмотр в камере № 1 политического преступника М.М. Овсянникова, в слабо державшимся печном кафеле была найдена записка на почтовой бумаге преступного содержания и дерзкого выражения против Священной Особы Государя. Смотрителем тюремного замка, в котором Овсянников был заключён, найден клочок бумаги с какими-то знаками и буквами. Об означенной записке и клочке бумаги передано смотрителю тюремного замка для представления начальству»⁴. М.М. Овсянникову на момент совершения преступления исполнилось 19 лет, он окончил 4 класса Курского реального училища (выбыл по собственному желанию), отбывал наказание в виде лишения свободы за совершение государственного преступления (какого именно не уточняется). После обнаружения революционных стихов М.М. Овсянникова перевели в другую камеру, обвинили в преступлении, предусмотренном ст. 245 Уложения о

¹ ГАКО. Ф. 1642. Оп. 1. Д. 140. Л. 20; ГАКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 3143. Л. 1–49.

² ГАКО. Ф. 1642. Оп. 1. Д. 124. Л. 17–19.

³ ГАКО. Ф. 1642. Оп. 1. Д. 21. Л. 146.

⁴Зарубина К.А. Отбывание наказания политическими преступниками в Курской губернии во второй половине XIX – начале XX вв. // Известия Воронежского государственного педагогического университета. 2021. № 4 (293). С. 136–140; ГАКО. Ф. 1642. Оп. 1. Д. 5. Л. 2–16.

наказаниях уголовных и исправительных 1885 г. (с изменениями и дополнениями), осудили на больший срок¹.

Политическим преступлением признавались и выкрики антигосударственных призывов во время манифестаций мирного характера. Например, 1 августа 1904 г. в г. Путивле Курской губернии во время народных гуляний по случаю благополучного «разрешения от беременности Государыни императрицы сыном наследником престола, Цесаревичем и великим князем Алексеем Николаевичем» бывший ученик Курского землемерного училища, уже отбывший наказание за совершение политического преступления (какого именно не уточняется), сын курского купца Павел Ефремов вместо народных криков «Ура» выкрикнул «Долой самодержавие», а состоящий по политическому делу под гласным надзором некто Яков Воронин – «Долой царя» и «Да, здравствует республика!». Это услышали рядом стоящие мещане Павел Васильевич Гильченко и Николай Михайлович Дремов. По данному факту возбуждено уголовное дело².

Участившиеся случаи выступлений политического характера в начале XX вв. свидетельствовали о накале общественно-политической ситуации. В 1903 г. Министерство Юстиции сообщало прокурорам судебных палат, что в разных местностях страны, в том числе и в Курской губернии, отмечены погромы и манифестации, массовые беспорядки, возникшие на почве экономической политики, противоправительственных сообщений³. В 1904–1905 гг. ситуация не улучшилась, а накал недовольств возрос. В соответствии с запиской начальника Курского отделения московского жандармского и полицейского управления железных дорог, поданной на имя начальника КГЖУ, в 1904 г. в Курске некоторое время даже действовал политический кружок. По заявлениям местного торговца, мещанина Андрея Владимировича Голосового, в г. Старый Оскол в этот же период времени функционировало сообщество лиц, поставивших себе целью

¹ ГАКО. Ф. 1642. Оп. 1. Д. 5. Л. 2–16.

² ГАКО. Ф. 1663. Оп. 1. Д. 9. Л. 2.

³ ГАКО. Ф. 795. Оп. 1. Д. 44. Л. 31.

«убить новорожденного Наследника Цесаревича»¹. По сообщению прокурора Харьковской судебной палаты прокурору Курского окружного суда, в связи с делом о политическом кружке, организовавшемся среди студентов Императорского университета Св. Владимира, замечено, что среди его участников был курянин². Люди всё чаще позволяли себе высказывать оппозиционные идеи и выражать сопротивление действующей власти в открытой форме³.

На развитие революционной ситуации в губернии в начале XX вв. указывало то, что на случай возникновения беспорядков в г. Курске и губернии была разработана инструкция, препровожденная в 1904 г. начальником гарнизона г. Курска начальнику КГЖУ. В этой инструкции предписывалось, что «на случай возникновения беспорядков в г. Курске и его предместьях, город с окрестностями необходимо делить на два участка, подчинив всю южную часть командиру 203-го Грайворонского резервного полка, а остальную часть города – командиру 204-го Обоянского резервного полка». При возникновении беспорядков считалось необходимым немедленно выслать по 4 пехотных дозора в составе не менее 6 человек каждый 204-му Обоянскому резервному полку в 1-й и 2-й полицейский участки, а 203-му Грайворонскому резервному полку в 3-й и 4-й полицейские участки. Кроме того, следовало немедленно занять казённые и общественные здания, предпринять иные необходимые меры в зависимости от развития ситуации⁴. Обращение к помощи вооружённых сил применялось на практике⁵.

Также среди наиболее распространённых политических преступлений, совершаемых в «активной» форме, как в России, так и в Курской губернии во второй половине XIX – начале XX вв. выделялись преступления пропагандистской направленности. В частности, в 1901–1903 гг. в России к дознанию за участие в антиправительственных демонстрациях, составление и распространение противоправительственных изданий было привлечено примерно

¹ ГАКО. Ф. 1642. Оп. 1. Д. 212. Л. 237–239, 280.

² ГАКО. Ф. 795. Оп. 1. Д. 23. Л. 26.

³ Там же. Л. 91.

⁴ ГАКО. Ф. 1642. Оп. 1. Д. 212. Л. 9–13.

⁵ Беленцов С.И. Ученическое движение в России (вторая половина XIX – начало XX века). СПб.: Нестор-История, 2013. С. 93.

27% политических преступников, за хранение запрещённых изданий – около 11%¹. В Курской губернии тоже отмечается распространение данных видов политических преступлений. Так, в 1902 г., согласно имеющимся архивным данным по наблюдательной и розыскной части Курского губернского жандармского управления, «проходило» 11 из 26 дел о составлении, распространении политически опасной литературы (брошюр, листовок, воззваний, книг и т.п.)². О распространённости данного преступления свидетельствуют многочисленные архивные материалы³.

Пропагандой в Курском крае в основном занимались представители различных оппозиционно настроенных общественно-политических объединений, а также лица, которые «по их поручению» вели активную деятельность по хранению, составлению и распространению запрещённой литературы⁴. В связи с этим считаем необходимым выделить политические движения, представители которых чаще иных занимались составлением и распространением политически опасных листовок, воззваний, книг и т.п.

В первую очередь, отметим членов неонароднического движения (движения эсеров), поскольку агитационно-пропагандистская работа, оцениваемая властью как преступная деятельность, использовалась представителями именно этого общественно-политического движения как средство политической борьбы⁵. Практическая деятельность местных объединений, появившихся на территории губернии ещё в конце XIX в., заключалась в организации агитационно-пропагандистской работы среди крестьян, служащих, рабочих, учителей. Особое внимание уделяли пропаганде в сельской среде, поскольку именно крестьянство эсеры считали своей «опорой» и главным «объектом» информационного

¹ Тарновский Е. Н. Статистические сведения о лицах, обвиняющихся в преступлениях государственных // Журнал министерства юстиции. 1906. № 4. С. 50–99.

² ГАКО Ф. 1642. О. 1. Д. 160–193.

³ ГАРФ Ф. 102. Оп. 78. Д. 11. Ч. 23. Л. 1–3; ГАРФ Ф. 102. Оп. 84. Д. 57. Ч. 1. Л. 1–3; ГАРФ. Ф. 102. Оп. 230. Д. 360. Ч. 7. Л. 1–44 и др.

⁴ ГАКО. Ф. 1642. Оп. 2. Д. 14. Л. 22.

⁵ Квасов О.Н. Террористический компонент социально-политических процессов в Курской губернии начала XX века // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. 2011. № 19 (114). С. 165–172.

воздействия¹. По заявлению прокурора Курского окружного суда, в 1903 г. в губернии активно вела политическую пропаганду «группа социалистов-революционеров», о которой в вышестоящие инстанции необходимо было периодически предоставлять сведения². В 1904 г. в КГЖУ было заведено дело по обвинению крестьян Фатежского уезда А. Анпилогова и В. Фатеева в принадлежности к партии эсеров и хранении нелегальной литературы. Данные лица порицали образ царского правления и утверждали, что «...с 1 января 1906 года царя не будет, поскольку провозглашается в это время полная конституция, в соответствии с которой на место царя изберут правителя сроком на три года, тогда не будет ни полиции, ни земского начальства, тюрьмы все разрушат, а арестантов выпустят, в ссылку на каторгу не будут посылать...»³.

Также следует рассмотреть деятельность курских социал-демократов, поскольку они распространяли запрещённые листовки среди местного населения. К примеру, в одном из присутственных мест в 1902 г. были найдены экземпляры воззвания такого содержания: «Российская социал-демократическая партия. Весть о целом ряде уличных демонстраций в Петербурге, Москве, Киеве, Харькове, Екатеринославле, Тифлисе и других городах облетела всю Россию. Тщетно правительство силится искоренить и замолчать факты. Тщетно грозные стремления задернет революционная буря, силится подвести оно под 29 ст. Устава о наложении наказаний мировыми судьями, как нарушение общественного спокойствия, общественной тишины и порядка...»⁴. В 1902 г. была найдена другая листовка, которая содержала переписку тайных студенческих объединений: «Письма о харьковских и екатеринославских демонстрациях, полученные ещё до Рождества, мы не могли выслать по обстоятельствам, от нас не зависящих. Теперь же мы надеемся дать подробный отчет обо всех событиях, просим из них до Рождества и после, печатные присылаемые нам же письма. Харьков. 29 ноября. Прочитав сообщение об истории забастовки. И нет, вы,

¹ Салтык Г.А. Социально-экономическое и политическое развитие Курского края в начале XX века // Старый Курск. URL: <http://old-kursk.ru/book/kk/kk014.html> (дата обращения: 30.07.2020).

² ГАКО. Ф. 801. Оп. 1. Д. 44. Л. 17.

³ ГАКО. Ф. 1642. Оп. 1. Д. 219. Л. 1–15.

⁴ ГАКО. Ф. 1642. Оп. 1. Д. 160. Л. 2–3.

вероятно, сообразили, что тут произойдут беспорядки. И какие... пишу под наплывом целой волны впечатлений. Как только получилась телеграмма Ванновского, в студенчестве поднялось сильное возбуждение и негодование. В Вет. Институте сейчас же произошла общая сходка, которая продолжилась на следующий день. Решена была активная забастовка и демонстрация...Союзный совет единенных землячеств и организаций. 29 января 1902 г.»¹. В 1902 г. за хранение социал-демократической литературы было возбуждено дознание в отношении курянина П.Д. Данилова². В 1903 г., по сведениям Курского окружного суда, крестьянин И. Власов распространял прокламацию «Царский манифест» Российской социал-демократической партии³. В этом же году за хранение листовки партии социал-демократов «К русскому народу» во Львовском уезде к дознанию был привлечён крестьянин М. Яковлев (подчинён надзору полиции)⁴.

О росте политической активности социал-демократов свидетельствует тот факт, что распространение политически опасной литературы со временем «ставилось на поток». Так, например, в 1904 г. в г. Курске был обвинён мещанин Витебской губернии, некий Б.С. Хазанов, поскольку во время обыска на участке в присутствии представителей правоохранительных органов у названного лица из кармана пиджака, жилета и брюк было изъято 9 прокламаций Российской социал-демократической рабочей партии под названием «Ко всем запасным рядам», одна брошюра «Солдатский подвиг», другая – «Сердечный циркуляр», экземпляр воззвания «Гора», брошюра на еврейском языке, три письма и какой-то американский адрес. Хазанов заявлял, что прокламации, брошюры и воззвания найдены им будто бы на Московской улице. Однако ученик Чернышов показал, что он шёл по той же Московской улице вместе со своим товарищем Василием Степановым и видел, как названный Хазанов раздавал проходящим солдатам и малолетним листки и один из них дал ему. Впоследствии Хазанов был задержан и

¹ ГАКО. Ф. 1642. Оп. 1. Д. 160. Л. 9–10.

² ГАРФ. Ф. 124. Оп. 11. Д. 183. Л. 1–5.

³ ГАКО. Ф. 801. Оп. 1. Д. 44. Л. 7.

⁴ ГАРФ. Ф. 124. Оп. 10. Д. 422. Л. 1–15.

доставлен приставу второй части управления г. Курска. Ввиду обнаружения признаков преступления в отношении данного лица немедленно началось дознание¹.

Обнаруживались и противозаконные сообщества, ведущие агитационно-пропагандистскую деятельность без «партийной принадлежности». Так, в 1889 г. некто Тимофеев Михаил Акимович, сын отставного штабс-капитана, уроженец Курской губернии, был выслан из Тобольской губернии, где находился по приговору временного военного окружного суда, в г. Курск, по обвинению в принадлежности к противозаконному сообществу, «стремившегося к ниспровержению власти, занимающемуся пропагандой революционных идей против существующих в империи государственного и общественного порядка». М.А. Тимофеев был подчинён гласному надзору полиции на 3 года (с 15 февраля 1889 г.)².

С 1905 г. курское Общество содействия начальному образованию стало активно заниматься не просветительской деятельностью, а политической. При этом ещё в Политическом обзоре по Курской губернии за 1899 г. было замечено, что члены этого общества «вызывают сомнения в политической благонадёжности»³. В кратком обзоре функционирования общества за 1905 г. сообщалось: «...Общество содействия принялось за дело обсуждения и выяснения всех наблевших сторон общественной и государственной жизни России...». В связи с этим данная организация была закрыта⁴. Члены иных опасных в политическом отношении организаций попадали под наблюдение местной полиции, жандармерии, прокуратуры.

Среди «распространителей» особо опасной литературы в Курской губернии в рассматриваемый период встречались и лица, не принадлежащие к каким-либо общественно-политическим объединениям. Так, в 1863 г. в «малороссийской

¹ ГАКО. Ф. 795. Оп. 1. Д. 55. Л. 42–43.

² ГАКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 3444. Л. 4–5.

³ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 98. Д. 1. Ч. 41. Л. А. Л. 7–8.

⁴ Косихина И.Г. Общественно-культурные организации в губернском городе конца XIX–начала XX вв. (на примере Курска) // Культура городов Российской империи на рубеже XIX – XX веков (Материалы международного colloквиума, СПб., 14–17 июня 2004 г.). СПб.: Изд-во «Европейский Дом, 2009. С. 401–413.

пропаганде» был обвинён кандидат Харьковского университета Андрей Шиманов. Следует отметить, что за такую пропаганду преступник был выслан на жительство в Курскую губернию с учреждением за ним «строгого полицейского надзора и наблюдения», в том числе контроля за его перепиской. В связи с этим А. Шиманов даже был вынужден отправлять свои письма незапечатанными через местное начальство. Из-за «политической неблагонадежности» А. Шиманова не допустили «к редакции неофициальной части “Курских губернских ведомостей”, а также к занятиям в статистическом комитете»¹.

Пропагандой занимались и достаточно опытные политические преступники без определённой партийной принадлежности. Так, эмигрант П. Фёдоров, родившийся в 1855 г. в Саратовской губернии, православного вероисповедания, ранее привлекавшийся к дознанию по обвинению в преступной пропаганде среди рабочих Грушевских шахт в области войска Донского (успел заблаговременно скрыться) и «вращавшийся в харьковских революционных кружках», известный под кличками «рабочий Петро» и «Слесарь Николай», занимался пропагандой в мастерских Курско-Харьковской железной дороги в конце XIX в. После был задержан в Новоузенском уезде Самарской губернии с подложным паспортом на имя мещанина Н.Д. Фёдорова и по приговору Саратовского окружного суда был выслан за бродяжничество в Восточную Сибирь, куда прибыл в 1881 г. и выдворен в Петропавловскую волость Киренского округа, откуда вскоре скрылся. Впоследствии был задержан в г. Иркутске под именем казака П. Лукина вместе с бежавшими из Иркутского тюремного замка пересыльными государственными преступниками – Софией Богомолец и Елизаветой Ковальской. По приговору Иркутского губернского суда в 1882 г. П. Фёдоров был осуждён к лишению всех прав состояния, а также к ссылке на поселение в Якутскую область, бежал повторно в том же году, прибыл в Париж, после переехал в Швейцарию, в 1889 г. в Румынию, Болгарию, где и проживал по имеющимся сведениям. За появлением в пределах Российской империи П. Фёдорова следил Департамент полиции².

¹ ГАКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 380. Л. 1–34.

² ГАКО. Ф. 1642. Оп. 2. Д. 12. Л. 13–14; ГАКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 3498. Л. 1–10.

Нередко к распространению литовок, воззваний, книг преступного содержания привлекали женщин, как правило, их использовали для переправки запрещённой литературы, поскольку представительницы женского пола меньше всего привлекали внимание сотрудников правоохранительных органов.

Подводя итог вышесказанному, можно отметить, что агитационно-пропагандистскую политическую деятельность в данный период вели как представители различных общественно-политических движений, так и «беспартийные» лица. Хотя агитационно-пропагандистская работа политических партий всё же отличалась более высоким уровнем организованности.

Отдельного рассмотрения заслуживает проблема распространения в губернии различных форм прокламаций. Правоохранительные органы находили во время обысков у граждан брошюры в обложках, напечатанные обычным печатным шрифтом, рукописные тетрадки, записные книжки небольшого формата¹. Иногда политически опасные утверждения обнаруживались даже в обычных письмах². Обычно листки с революционными идеями запечатывали в небольшие конверты и разносили по городу. Обнаружить их можно было в разных местах³. Листовки оставляли на дорогах, ж/д путях сообщения (в связи с этим на поездах сотрудники жандармерии также вели розыскную деятельность⁴). Иногда листовки распространяли в иных местах массового скопления людей, например, около церквей⁵.

Помимо «привычных» мест распространения политически опасной литературы встречались и достаточно «необычные». Например, в начале 1905 г., по разъяснению Курского уездного исправника, прокламации преступного содержания распространяли надзирательницы психиатрической больницы при д. Сапогово. Причём особо интенсивно этим занималась бывшая учительница О.М. Коцюбинская, самовольно прибывшая из Чернигова и состоящая под особым

¹ ГАКО. Ф. 1663. Оп. 1. Д. 2. Л. 1–2.

² ГАКО. Ф. 1663. Оп. 1. Д. 2. Л. 84.

³ ГАКО. Ф. 1642. Оп. 1. Д. 136. Л. 13.

⁴ ГАКО. Ф. 1642. Оп. 1. Д. 160. Л. 125, 130; ГАКО. Ф. 1642. Оп. 1. Д. 149. Л. 31; ГАКО. Ф. 1642. Оп. 1. Д. 149. Л. 155, 198 и др.

⁵ ГАКО. Ф. 1663. Оп. 1. Д. 8. Л. 19.

надзором полиции (с 1899 г. занимала должность надзирательницы больницы). Активно распространяли прокламации преступного содержания и среди военных. Так, в рассматриваемый период времени, по сообщению прокурора Курского окружного суда, опасная литература «ходила» среди нижних чинов Курского военного гарнизона¹.

Содержание революционных воззваний действительно было политически опасным, преступным. Приведем отрывок из одного такого письма: «Министры спели, будто народ во всём доволен и во всём виновата легкомысленная молодежь из студенчества. Это ложь, на которую так щедры министры. Обманом держится их подлость, казнокрадство и обманом же и силой они хотят зажать рот раздражённого народа. Арестами, тюрьмой и нагайкой хотят они продлить своё господство. Но поздно, им придется уступить свое место избранникам народа, они всячески стараются, пока их не прогнали, прожить всласть на народный труд, стремятся наворовать денег и закупить возможно больше земель и поместий. Не верьте же сказкам министров о Петербургском бунте. Этот бунт не дело студентов, а самого столичного народа. Бунтовали не одни студенты, незачем было бы окружать войсками фабрики и заводы, а это всякий подтвердит, кто был в эти дни в городе. Всякие из тамошних жителей, кто, конечно, не сидел у себя в комнате за семью замками, подтвердит, что не только сотни студентов шумели на улицах, а многочисленные толпы фабричных и ремесленников. На студентов и обучающихся там девушек незачем было бы посылать войска... Истрадавшийся, обнищавший народ громко заявит свои права на лучшую жизнь и силой возьмёт то, что ему не дают...»². Кроме эмоционального содержания, прокламации преступного содержания имели достаточно «яркие» названия: «Русские люди», «О прирезках земли мужикам», «Русские социалисты», «Правда о бедствиях простого народа» и другие³.

Интересно сообщение третьего отделения СЕИВК в 1878 г. о выезде в с. Томаровку Белгородского уезда Курской губернии корректора Санкт-

¹ ГАКО. Ф. 1663. Оп. 1. Д. 5. Л. 4–31.

² ГАКО. Ф. 1642. Оп. 1. Д. 136. Л. 42.

³ ГАКО. Ф. 1663. Оп. 1. Д. 2. Л. 1–2; ГАКО. Ф. 1663. Оп. 1. Д. 1. Л. 265, 326, 361.

Петербургской типографии Соколова со своим учеником Гетмановым с целью противоправительственной пропаганды, туда же, по сообщению жандармов, собиралась выехать их знакомая студентка О. Мацнева, однако в Курской губернии указанных лиц обнаружено не было. Хотя, по слухам, они «будто бы отправили с отцом в с. Томаровку имевшийся у них склад запрещённых книг»¹.

Власть крайне негативно относилась к подобным инцидентам. При обнаружении политически опасной литературы в свободном обращении сразу заводили дело. Рыльский уездный исправник писал Курскому губернатору в 1892 г. о возможности возвращения на свое постоянное место жительства бывшего политического преступника крестьянина Колосникова: «При этом долгом считаю доложить Вашему Сиятельству, что селение с. Обуховки, куда Колосников ходатайствует о возвращении, состоит из необразованного чёрного люда, то легко может быть Колосников, испорченной нравственности, воспользовавшись невежеством крестьян, будет продолжать распространять между населения вредную литературу...»².

При этом сообщалось в Департаменте полиции МВД: «Запрещённые книжки и брошюры охотно читаются сельским населением и по прочтении передаются без всякого злого умысла от одного лица к другому, причём даже наблюдались случаи публичного чтения таких изданий целой толпе крестьян. По ознакомлении крестьян с содержанием означенной литературы, среди них возникают толки о предстоящем разделе помещичьей земли и более или менее натянутые отношения с местными землевладельцами, и лишь по прошествии значительного промежутка времени уездная полиция, встревоженная сведениями о происходящем среди крестьян брожении, прибывает на место, где узнаёт, что проходившие или проезжавшие неизвестные молодые люди раздавали встречным крестьянам книжки. Означенные книжки и брошюры отбираются, конечно, далеко не все. А по делу об обнаружении их среди крестьян производится дознание, оказывающиеся, обыкновенно, безрезультатным, так как виновные в

¹ ГАКО. Ф. 1642. Оп. 2. Д. 8. Л. 16–18.

² ГАКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 4010. Л. 4–6.

распространении революционных воззваний остаются необнаруженными и, вероятно, переносят лишь свою деятельность в другую местность. Из выше изложенного не трудно усмотреть, что в борьбу с такого рода пропагандой административными расследованиями и отбираниями революционных изданий нельзя достигнуть успеха, и что все усилия администрации по борьбе со злом, должны быть направлены прежде на обнаружение и задержание агитаторов и распространителей таких изданий, а также на предупреждение их преступной деятельности...». Однако для достижения этой цели сил местной жандармерии и полиции, ввиду их сравнительной малочисленности и обширности районов наблюдения, было недостаточно, вследствие принимались меры «к разумлению самих крестьян»¹, чтобы они собственными средствами задерживали и предоставляли в распоряжение власти агитаторов и содействовали этим полиции и жандармам. Департамент полиции МВД обязал в целях предотвращения беспорядков всех уездных исправников, а равно земских начальников или мировых посредников объехать все волости и вверенные им уезды, участки, на сходах лично разъяснить крестьянам о необходимости безусловного задержания лиц, появляющихся в сельских местностях и распространяющих подпольную литературу, внушая при этом крестьянам, что они будут строго отвечать, если впоследствии окажется, что лица проходили через данную местность и раздавали книжки, но не были задержаны.

Следует отметить, что проведение подобной разъяснительной работы среди населения не было безрезультативным. Так, например, в 1902 г. в Колоденской волости Курской губернии некий крестьянин, обнаружив на путевой стороне записки, приняв их за «бумагу для папиросок», отнёс к себе на рабочее место, положил их на полку и забыл. Однако артельный староста А.М. Маркин, увидев данные листы, сказал, что их необходимо отнести дорожному мастеру, после чего они были переданы в полицию².

¹ ГАКО. Ф. 1642. Оп. 1. Д. 135. Л. 176–177.

² ГАКО. Ф. 1642. Оп. 1. Д. 160. Л. 44–45.

С начала XX в. преступлением с отягчающими обстоятельствами было признано хранение и распространение листовок, политически опасной литературы, «прибывшей» из-за границы. Вероятнее всего, данный запрет был введён в уголовный закон в связи с участвовавшими случаями совершения подобного рода действий. Причём такое «пропагандистское сотрудничество» с представителями различных общественно-политических движений, объединений отмечалось в рассматриваемый период и в Курской губернии.

В сообщении МВД Курскому губернатору от 1895 г. обнаруживались предостережения о развитии политической преступности в стране. Также в нём указывалось, что в министерство поступают сведения о продолжающейся усиленной рассылки из-за границы печатных революционных листовок и брошюр, поскольку некоторые из «политически неблагонадёжных» лиц осознавали несбыточность своих преступных «вожделений, и стремились произвести брожение и смуту в общественных слоях и поддержать своих колеблющихся единомышленников в противоправительственном направлении и в этих видах»¹.

В Курской губернии также имелись случаи получения революционных листовок в этот период времени из-за границы². Так, в 1901 г., по сообщению епископа Курского и Белгородского, крестьянин с. Кульбак Рыльского уезда С.Ф. Колесниченко секретно получал письма из Англии с брошюрами политического содержания. По показаниям свидетелей, найденное у него издание «Свободное слово» было направлено «на ниспровержение всего существующего порядка, как церковного, так и гражданского». Лицо подозревали в «сочувствии социализму толстовского типа». Крестьянин, по утверждению епископа, был сектантом. Указанную литературу С.Ф. Колесниченко читал в избе крестьянина С.М. Верхоглядова в присутствии разных лиц. По сообщениям свидетелей, крестьянин О.Г. Иляшенко также приносил какие-то запрещённые книги. У данных лиц был произведён обыск, изъяты следующие предметы: конверт с заграничным адресом,

¹ ГАКО. Ф. 1642. Оп. 2. Д. 17. Л. 19.

² ГАКО. Ф. 1642. Оп. 1. Д. 141. Л. 1–9.

листки с записанными адресами. На время дознания С.М. Верхоглядова заключили под стражу в Рыльскую тюрьму¹. В 1902 г. в хранении и распространении революционных воззваний, полученных из-за границы, обвинялся крестьянин д. Ольговки Льговского уезда Д. Бычков. На крестьянина было заведено уголовное дело². В том же 1902 г. на имя крестьянина Дмитриевского уезда Курской губернии Т.В. Бирюкова из-за границы (из Парижа) также поступали «преступные листки». Однако в поведении Т.В. Бирюкова ничего предосудительного не замечалось, среди населения крестьянин не проводил никакую агитацию, «да и само население относилось к нему с доверием, так как Бирюков соблюдает праздники и все дни работает». 12-й номер «Народного листка», адресованный на имя Т.В. Бирюкова, был изъят³.

В 1904 г. в Курской губернии, по сообщениям Суджанского уездного исправника, «политически неблагонадёжные» лица также распространяли листовки «заграничного революционного содержания», а именно сочинения А.И. Герцена. До исправника дошел слух, что фельдшер приёмного покоя, находящийся при Суджанской городской земской больнице, Скрыпников случайно проболтался в одном месте о том, как сторож земского аптекарского склада Яценко и подсобные рабочие, посланные 2 марта 1902 г. провизором в аптеку, в одном из пустых ящичков от медикаментов, находящихся в числе прочих во дворе земской больницы, около сарая, в котором помещаются аптекарские принадлежности, нашли книги и брошюры революционного содержания, которые передали провизору, а он, в свою очередь, в дальнейшем попросил сжечь их в топке печки. По сообщениям другого свидетеля, в квартире фельдшера и живущего с ним служащего, при амбулаторном помещении больницы, был обнаружен сверток с какими-то книжками, где находилось заграничное издание газеты «Освобождение», листовки политического содержания. В связи с чем в отношении фельдшера было возбуждено уголовное дело, а найденные

¹ ГАКО. Ф. 1642. Оп. 1. Д. 141. Л. 1–9.

² ГАКО. Ф. 1642. Оп. 1. Д. 166. Л. 1–16.

³ ГАКО. Ф. 1642. Оп. 1. Д. 162. Л. 1–16.

«заграничные издания» переданы помощнику начальника КГЖУ по Суджанскому уезду¹.

Для того чтобы исключить получение из-за границы политически опасной литературы, подозрительные посылки местные власти всегда проверяли. Так, например, в декабре 1892 г. в г. Курске была проверена посылка, присланная «при отношении Вержболовской таможни» на имя Г. Лейхсепринга. Однако ничего предосудительного там найдено не было. В посылке находились 30 номеров ежемесячной иностранной охотничьей газеты за 1891–1892 гг. Газеты вернули владельцу². При этом стоит отметить, что список иностранных книг, «запрещённых и позволенных с некоторыми исключениями», регулярно направлялся как в Курскую губернию, так и в другие регионы страны для ознакомления и организации соответствующей работы на местах³.

Однако нередко меры предосторожности были лишними, поскольку достаточно часто политически опасная литература попадала в руки неграмотных крестьян, которые относили брошюры, книги, прокламации старостам, государственным служащим, военным и полицейским. Иногда политически опасные листовки находили дети. Так, в начале 1905 г. в д. Гниловке Курской губернии крестьянская девочка увидела на дороге какой-то предмет, завернутый в газетный свёрток, подняла его и отдала взрослым. Как оказалось, это были два революционных воззвания⁴.

В начале XX в. по Курской губернии ещё более интенсивно стали распространяться прокламации, воззвания. Причём масштабы этого «распространения» ближе к революции становились более впечатляющими. В качестве вещественного доказательства в 1899 г. полицией в Курской губернии была изъята брошюра под названием «Что такое государственный преступник, революционер и социалист». В ней члены социал-демократической партии отмечают, что в трудящемся рабочем народе, особенно среди крестьян, часто

¹ ГАКО. Ф. 1663. Оп. 1. Д. 6. Л. 1–9, 33–34.

² ГАКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 3804. Л. 1–6.

³ РГИА. Ф. 1284. Оп. 35. Д. 3. Л. 1–123.

⁴ ГАКО. Ф. 1663. Оп. 1. Д. 8. Л. 5–6.

думают, что каждый социалист и государственный преступник хотел бы убить царя самого или кого-либо из больших чиновников, приближённых к царю, и что именно за это социалистов и считают преступниками, сажают в тюрьмы, ссылают или даже вешают. При этом, как отмечено в брошюре, можно было быть государственным преступником-революционером, не будучи социалистом, “и всякий, кто не согласен с нынешними государственными порядками и думает, как бы их изменить, есть уже преступник против государства в мыслях”. Когда он начинает проповедовать необходимость и возможность изменения этих порядков, то в России он считается преступником на деле, и его уже могут наказать»¹.

В таких местностях Курской губернии, как Старооскольский, Щигровский, Белгородский и некоторые другие уезды, перед революцией было зафиксировано распространение листовки «Русские люди»², в Дмитриевском и Льговском уездах – воззвания «Братья-крестьяне»³. В январе 1904 г. В.Р. Шудренко, житель г. Белгорода, хранил и распространял прокламации революционного содержания. Ещё в ноябре 1903 г., по показаниям свидетелей, В.Р. Шудренко заходил в различные публичные места и во время разговора предлагал прочесть книжки социалистического толка. Также обвиняемый говорил собеседникам о том, что он имеет такую книжку, за которую его могли бы связать, но он такую хорошо прячет⁴. В октябре 1904 г. в Фатежском уезде староста села Александр Иванович Крылов вручил полицейскому надзирателю 60 экземпляров печатных прокламаций, найденных им на улице. По сообщениям свидетелей, эти прокламации преступного содержания интенсивно стали распространяться именно в последнее время⁵. По данным фактам возбуждались уголовные дела, проводились дознания.

Об особо опасном положении в Курской губернии в начале XX вв., в связи с активным распространением политической преступности, говорит обращение

¹ РГИА. Ф. 1410. Оп. 3. Д. 976. Л. 2; Ф. 1410. Оп. 3. Д. 977. Л. 2.

² ГАРФ. Ф. 124. Оп. 10. Д. 424. Л. 1–12; ГАРФ. Ф. 124. Оп. 10. Д. 426. Л. 1–15; ГАРФ. Ф. 124. Оп. 11. Д. 1118. Л. 1–11; ГАРФ. Ф. 124. Оп. 11. Д. 1119. Л. 1–14; ГАРФ. Ф. 124. Оп. 11. Д. 1120. Л. 1–15 и др.

³ ГАРФ. Ф. 124. Оп. 11. Д. 1124. Л. 1–2.

⁴ ГАКО. Ф. 1642. Оп. 1. Д. 229. Л. 10.

⁵ ГАКО. Ф. 801. Оп. 1. Д. 97. Л. 13.

прокурора Харьковской судебной палаты к прокурору Курского окружного суда: «Ввиду сосредоточения у меня сведения о проявлениях деятельности существующих в округе Харьковской судебной палаты противоправительственных организаций, прошу ваше высочордие немедленно (подчёркнуто) доносить мне о всех случаях массового распространения преступных изданий, представляя не менее 2 экземпляров таковых»¹. Также прокурор Харьковской судебной палаты сообщал, что в округе судебной палаты усиленно развивается революционная деятельность, «имевшая последствия установления в некоторых местностях округа тайных типографий, деятельная пропаганда противоправительственных идей посредством массового распространения соответствующего содержания нелегальных, что обуславливало неотложную необходимость в особо энергичном и незамедлительном расследовании тех происшествий, заключающих в себе признаки государственного преступления»².

Так, агитационно-пропагандистской деятельность в исследуемый период в Курском крае велась достаточно активно. Это было обусловлено распространением в губернии оппозиционно настроенных общественно-политических движений. Политическая пропаганда выражалась в двух формах: чтении и разъяснении антиправительственной литературы, распространении листовок с политическим содержанием. В запрещённой литературе чаще всего освещались злободневные общественно-политические и экономические вопросы, волнующие большую часть населения. Однако «мобилизации» на политическую борьбу зарождающегося рабочего класса и «темного» крестьянства у пропагандистов не получилось, вследствие чего агитационно-пропагандистская деятельность не привела к возбуждению населения.

Таким образом, нерешенные «острые» вопросы, волновавшие большую часть населения как в России, так и в Курском регионе, в исследуемый период провоцировали стабильный рост политической преступности, хотя удельный вес

¹ ГАКО. Ф. 795. Оп. 1. Д. 44. Л. 7.

² ГАКО. Ф. 795. Оп. 1. Д. 44. Л. 11.

этой разновидности преступной деятельности в общеуголовной оставался незначительным. Структура политической преступности Курской губернии была обусловлена социальным составом населения региона. Она представлена как «активными» формами борьбы с действующей властью – составлением и распространением письменных или печатных изображений или сочинений с целью возбуждения неуважения к личным качествам государя или к существующему порядку управления государством, верховной власти, участием курян в общественно опасных объединениях и выступлениях политического характера, так и «пассивными» – оскорблениями словом или действием императора и членов его семьи. Преобладали именно «пассивные» формы политической борьбы, что наряду с внесудебным порядком рассмотрения данной категории дел позволяет сделать вывод о незначительности политических преступлений, совершаемых в рассматриваемый период в типичной российской провинции.

ГЛАВА 3. ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ОРГАНОВ ПО ПРЕДОТВРАЩЕНИЮ И ПРОТИВОДЕЙСТВИЮ ПОЛИТИЧЕСКИМ ПРЕСТУПЛЕНИЯМ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВВ.

3.1 Роль органов политического надзора в предупреждении политической преступности

С целью борьбы с политической оппозицией верховная власть использовала, как правовые, так и неправовые средства воздействия на общество. Система уголовной юстиции включала в себя различные формы деятельности, в том числе, полицейскую и судебно-процессуальную практику. Охраной государственного строя во второй половине XIX – начале XX вв. в России занималась политическая полиция, построенная на принципах узкой специализации и централизации¹. Она была представлена следующей системой органов государственной власти.

Общее наблюдение за политической обстановкой в стране в исследуемый период осуществляло III Отделение СЕИВК (исполнительный орган – Корпус жандармов, позднее переименованный в Отдельный корпус жандармов), а после его упразднения – Департамент полиции МВД. Корпуса жандармов стали промежуточными звеньями в связке местных властей с главным управлением. В губерниях функциями политической полиции были наделены подразделения жандармерии. В осуществлении этих полномочий им помогали чины прокурорского надзора, общая полиция, губернская администрация. При этом основную роль в деле противодействия политической преступности выполняли именно жандармы.

В Курской губернии во второй половине XIX – начале XX вв. функции по борьбе с политическими преступниками также осуществляли жандармы, общая полиция и чины прокурорского надзора. После утверждения положения о

¹ Горяйнов В.М. Офицеры и корпус жандармов Российской империи // Ученые записки: электронный научный журнал Курского государственного университета. 2016. № 2 (38). С. 20–25.

Корпусе жандармов от 28 апреля 1827 г. Курская губерния входила в четвёртый жандармский округ с центральным управлением в г. Киеве¹ (с 1837 г. – в шестой округ²). Вплоть до 1880 г. по строевой, инспекторской (кадровой) и хозяйственной части корпус входил в структуру Военного министерства, а по наблюдательной, розыскной частям и ряду других вопросов ведомство непосредственно подчинялось Третьему отделению СЕИВК (после упразднения данного ведомства – Департаменту полиции МВД). При этом в расследовании государственных преступлений со стороны политической полиции – жандармских управлений и учреждений общей полиции, как замечают многие исследователи, был характерен параллелизм, а между губернаторской администрацией, общей полицией и жандармскими управлениями не существовало согласованности действий³.

В 1867 г. прежние жандармские округа были упразднены (кроме Варшавского, Кавказского, Сибирского округа), вместо них созданы губернские жандармские управления (далее – ГЖУ). В этот же период было образовано и Курское губернское жандармское управление. Во главе КГЖУ стоял начальник управления, имеющий в своём распоряжении адъютанта, писарей и дополнительный штат в уездах губернии. Согласно сохранившимся сведениям, во второй половине XIX – начале XX вв. курскую жандармерию возглавляли: Н.Ф. Пальшау (1878 г.), А.В. Задонский (1884 – 1896 гг.), А.К. Вельк (1905 г.)⁴.

При наличии широкого круга должностных обязанностей штат КГЖУ в рассматриваемый период был сравнительно небольшим. Например, в 1894 г. штат КГЖУ составлял 19 человек⁵, в 1901 г. – 21⁶. Иногда он сокращался до 18 единиц. Непременно в жандармском управлении работал один писарь. Большинство лиц имело чин унтер-офицера, некоторые – вахмистра⁷. По состоянию на 1 января

¹ Именной, данный Управляющему Главным Штабом «Об учреждении пяти округов Жандармского Корпуса» от 28 апреля 1827 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. 1830. Т. 2. С. 396–397. Ст. 1062.

² Высочайше утверждённое положение о Корпусе Жандармов от 1 июля 1837 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. 1837. Т. 11. С. 772–781. Ст. 9355.

³ Логачёва Н.В. Роль подразделений Министерства внутренних дел и губернаторов в борьбе с революционным движением в Российской империи в 1870-е–1880-е гг. // Вестник ПензГУ. 2013. № 1. С. 34–39.

⁴ Салтык Г.А. Политический сыск в Курской губернии в начале XX вв. // История, теория, практика российского права. 2019. № 12. С. 77.

⁵ ГАКО. Ф. 1642. Оп. 2. Д. 16. Л. 8.

⁶ ГАКО. Ф. 1642. Оп. 2. Д. 38. Л. 32.

⁷ ГАКО. Ф. 1642. Оп. 2. Д. 38. Л. 97.

1902 г. в личном составе корпусов жандармов Курской губернии 4 человека относились к высшим чинам, 21 – к нижним. Сотрудники жандармского управления имели следующие знаки отличия: военный орден, орден Св. Анны, медали за военные походы. Все «знали чтение и письмо», большинство были женаты, имели детей, средний возраст служащих 35 – 40 лет, срок службы – более 10 лет (максимальный – более 40), в основном в жандармерию поступали лица из запаса армии, 19 человек¹ служили сверхсрочно². Для усиления контроля за общественной безопасностью в связи с ростом общественных недовольств иногда увеличивали штат, привлекали к осуществлению полномочий жандармерии курскую полицию³. При этом принадлежность к «военному сословию», безусловно, сказывалась на методах работы жандармерии, их отличал излишний формализм и лояльность к начальству.

Для реализации своих полномочий в составе КГЖУ было учреждено несколько частей: строевая, хозяйственная, розыскная и наблюдательная. Наблюдательная часть КГЖУ осуществляла надзор за политической жизнью в губернии, розыскная – «отвечала» за сыск «потенциальных» и «реальных» политических преступников, а хозяйственная и строевая части ведали материально-технической базой, личным составом управления.

В должностные обязанности жандармов входили контроль за поведением опасных в политическом отношении лиц, ведение розыска «потенциальных»⁴ и «реальных» политических преступников, наблюдение за общественно-политическими настроениями населения, производство дознаний по делам политического характера, информирование вышестоящих органов о беспорядках, происходящих в регионе, конвоирование политических арестантов, надзор за подозрительными лицами, проезжающими через территорию губернии, осуществление иных служебных поручений.

¹ Зарубина К.А. Курское губернское жандармское управление в XIX – начале XX вв. // Вестник Брянского государственного университета. 2021. № 4(50). С. 52–59.

² ГАКО. Ф. 1642. Оп. 2. Д. 19. Л. 10–24.

³ РГИА. Ф. 1409. Оп. 3. Д. 7427. Л. 90.

⁴ Некоторые документы к возникновению III отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии // Исторический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова. URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Text/III/index.html> (дата обращения: 06.07.2021).

Особое внимание следует уделить розыскной системе, поскольку в процессе дознания при возбуждении уголовного дела не всех преступников удавалось сразу обнаружить и задержать. С помощью реализации розыскных мероприятий жандармы также осуществляли слежку за «потенциальными» политическими преступниками.

Под понятием «политический розыск» подразумевались действия, направленные на выявление существования революционных и оппозиционных правительству партий и групп, а также готовящихся различных преступлений политического характера. Однако, как указывал исследователь П.П. Заварзин, бывший член жандармского корпуса, «розыск по политическим преступлениям – одно, а возмездие по ним – совершенно другое, посему никаких карательных функций у политического розыска не было»¹.

Техника розыска в Российской империи была специфической. Как замечал один из бывших служащих жандармского Корпуса жандармов рассматриваемого периода, «относиться к розыску можно различно, но отрицать его необходимость приходится ныне менее, чем когда-либо, почему он и существует во всех государствах Старого и Нового Света, без исключения»².

В связи с тем, что в губернию из МВД ежемесячно поступало множество циркуляров о розыске «потенциальных» и «реальных» политических преступников, розыскные мероприятия занимали большую часть времени курских жандармов³. Во многих розыскных списках обнаруживались и куряне⁴. Для того чтобы обнаружить и задержать «потенциального» или «реального» преступника, применяли разные методы работы: от подробного описания внешности до «облав». Так, например, для того чтобы разыскать известного террориста из г. Курска, члена боевой дружины щигровских эсеров, политического преступника И.И. Голощапова, в начале XX вв. в КГЖУ был составлен список предполагаемых мест пребывания революционера. Туда вошли адреса его родственников, друзей,

¹ Заварзин П.П. Жандармы и революционеры. Воспоминания. Париж, 1930. С. 9–10.

² Там же. С. 10.

³ ГАРФ. Ф. 110. Оп. 21. Д. 222. Л. 1–73.

⁴ ГАКО. Ф. 1642. Оп. 2. Д. 9. Л. 50, 80; ГАКО. Ф. 1642. Оп. 1. Д. 4. Л. 47, 68, 156; ГАКО. Ф. 1642. Оп. 1. Д. 8. Л. 59; ГАКО. Ф. 1642. Оп. 2. Д. 23. Л. 30; ГАКО. Ф. 1642. Оп. 1. Д. 9. Л. 49; ГАКО. Ф. 1642. Оп. 1. Д. 12. Л. 122 и др.

товарищей, проживавших в Воронежской, Орловской, Курской губерниях (более 30 населённых пунктов). В этих зонах периодически «дежурили» сотрудники жандармерии. Как поясняет исследователь Г.А. Салтык, на розыски И.И. Голощапова «были брошены лучшие силы КГЖУ». В местах предполагаемого пребывания преступника функционировали полицейские пункты (причём постоянные), трудились секретные агенты, даже работала собака-ищейка, а за поимку революционера было назначено вознаграждение в размере 300 рублей. Однако, несмотря на это, «неуловимый щигровский преступник» так и не был пойман¹.

Для того чтобы обнаружить преступника, сотрудники Третьего отделения СЕИВК максимально подробно описывали внешность политических преступников, подлежащих розыску. Вот один из примеров такого описания: «В последнее время из Москвы скрылся прикосновенный к одному из дел политического характера народный учитель Ф.Н. Лермантов. Сообщая о сем, покорнейше прошу принять меры к розыску Лермантова, и если он будет найден, то задержать и препроводить его с жандармами в 3-е Отделение СЕИВК. Вместе с тем при задержании Лермантова следует его обыскать и всё, что при нем будет найдено, препроводить в 3-е Отделение с протоколом обыска и ареста этого лица. Приметы Лермантова следующие: лет около 30, роста выше среднего, худощав, лицо угреватое, носит небольшую бороду, волосы на голове и бороде тёмные, носит очки; осенью закутывается в плед, а зимой ходит в длинной, крытой черным сукном шубе на черном меху с большим черным же воротником. Отделение Собственной Его Императорского Величества Канцелярии. 1873 г.»².

Для розыска особо опасных политических преступников в рассматриваемый период также использовали фотографические карточки³, однако это было редкостью и видимых результатов для осуществления розыскных мероприятий это не давало.

¹ Салтык Г.А. «Нить по розыску бандита И.И. Голощапова оборвалась...»: из истории борьбы курского губернского жандармского управления с революционным терроризмом в 1907–1917 гг. // Старый Курск. URL: <http://old-kursk.ru/book/shavelev/slt140131.html> (дата обращения: 16.08.2021).

² ГАКО. Ф. 1642. Оп. 2. Д. 2. Л. 5.

³ РГИА. Ф. 1286. Оп. 50. Д. 513. Л. 5.

В ГАКО сохранились сведения о розыске многих «потенциальных» и «реальных» политических преступников-курян, начиная со второй половины XIX в. Примечательно, что один из опасных политических преступников, некий гражданин Никола Кажанов, разыскиваемый жандармерией и полицией в 1876 г. по всей стране, имел паспорт курского крестьянина¹.

В 1880-х гг. в Курской губернии за прикосновенность к политическим преступлениям разыскивались цеховой И.Г. Поляков, уроженец г. Грайворона Курской губернии, высланный под гласный надзор полиции за передачу от содержавшегося в Харьковском тюремном замке государственного преступника Фомина еврейке Рубанчик письма; капитан 1-го ранга Ф.Н. Юрковский²; крестьянине д. Нижеберёзовой Корочанского и Щигровского уездов Курской губернии А. Калугин и А.П. Богатина³; курский мещанин В.И. Майков⁴; дворянин А.В. Горячковский, обвиняемый в государственном преступлении, проживавший в г. Курске и скрывшийся, по сведениям, за границу⁵; уроженец Тимского уезда Курской губернии Т. Данилов⁶. В 1890-х гг. в регионе разыскивали И.М. Обухова, Д. Мольскую⁷, Я.П. Плетнева⁸, Н.А. Михайлова, А.Ф. Настенкова, А.А. Тихоцкого, А.Г. Шиллера и других⁹. В 1899 г. в розыскных списках также значилась дворянка Е.Н. Левандовская, выехавшая из г. Курска в г. Иркутск к сестре и «бесследно потерявшаяся»¹⁰.

В 1900 г. в г. Курске разыскивалась дворянка М.Н. Тиханович, уроженка Черниговской губернии, которая привлекалась по делу о гектографировании преступных воззваний к рабочим г. Санкт-Петербурга. Она была подвергнута тюремному заключению на 8 месяцев, гласному надзору на два года в избранном

¹ ГАКО. Ф. 1642. Оп. 2. Д. 6. Л. 42.

² ГАКО. Ф. 1642. Оп. 2. Д. 9. Л. 50, 80.

³ ГАКО. Ф. 1642. Оп. 1. Д. 4. Л. 47, 68, 156.

⁴ ГАКО. Ф. 1642. Оп. 1. Д. 8. Л. 59.

⁵ ГАКО. Ф. 1642. Оп. 1. Д. 9. Л. 49.

⁶ ГАКО. Ф. 1642. Оп. 1. Д. 12. Л. 122.

⁷ ГАКО. Ф. 1642. Оп. 2. Д. 13. Л. 59–60.

⁸ ГАКО. Ф. 1642. Оп. 2. Д. 14. Л. 4.

⁹ ГАКО. Ф. 1642. Оп. 2. Д. 15. Л. 3, 17, 25–26; ГАКО. Ф. 1642. Оп. 2. Д. 18. Л. 4, 10; ГАКО. Ф. 1642. Оп. 2. Д. 22. Л. 76; ГАКО. Ф. 1642. Оп. 2. Д. 23. Л. 5–6, 29; ГАКО. Ф. 1642. Оп. 2. Д. 24. Л. 23; ГАКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 3554. Л. 1–17 и др.

¹⁰ ГАКО. Ф. 1642. Оп. 1. Д. 30. Л. 46.

месте жительства, вне столиц, университетских городов и местностей. М.Н. Тиханович стояла под негласным надзором, выезжала за границу (в г. Женеву), участвовала в демонстрации 5 апреля 1901 г. перед зданием российского консульства, была арестована¹. Позднее розыску, обыску и аресту по делу политического характера подлежал 21-летний крестьянин из Тимского уезда Н.И. Агафонов, скрывшийся из родного села².

Примечательно, что в рассматриваемый период в Российской империи, в том числе и в Курской губернии, разыскивали много военных разведчиков, посягающих на внешнюю безопасность государства. Так, в 1892 г. в адрес курского губернатора и начальника местного жандармского управления пришел циркуляр о розыске двух опасных государственных преступников. Одним из них был Викентий Лангер, иностранный разведчик, вероятно, офицер австрийской службы, проживавший в г. Радоме, где он содержал винную лавку и занимался обойным ремеслом. Другой военный разведчик – В. Прокопа. Департамент полиции МВД России просил «...принять все зависящие меры к повсеместному розыску этих лиц, в случае обнаружения какого-либо из них, немедленно подвергнуть их тщательному обыску и со всем при них найденном препроводить их в распоряжение начальника Киевского губернского жандармского управления и телеграфировать в Департамента полиции МВД»³. В Курском регионе преступники не обнаружены. В. Прокоп был пойман в 1892 г. в Радомской губернии, о судьбе Лангера ничего не известно.

С целью контроля за политической обстановкой в губернии и противодействия политической преступности жандармы также осуществляли надзор за лицами, обвиняемыми в «политической неблагонадёжности»⁴. В связи с развитием революционной ситуации в марте 1882 г. было учреждено «Положение о полицейском надзоре» и секретное «Положение о негласном полицейском надзоре», вследствие чего в качестве основного метода контроля за лицами было

¹ ГАКО. Ф. 1642. Оп. 1. Д. 133. Л. 49–50.

² ГАКО. Ф. 1642. Оп. 1. Д. 135. Л. 16–19.

³ ГАКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 3928. Л. 1–17.

⁴ ГАКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 3006. Л. 3.

установлено два вида надзора: негласный (секретный) и гласный (открытый). Причём последний, в свою очередь, подразделялся на строгий и обыкновенный. В Курскую губернию секретное положение поступило циркулярным отношением № 1365¹ от 9 апреля 1882 г.

К началу XX вв. в связи с модернизацией контролирующей системы стали выделять несколько разновидностей полицейского надзора:

– подследственный (контроль за деятельностью подозреваемого в совершении преступления осуществлялся до рассмотрения конкретного дела судом);

– судебный (осуществляемый непосредственно во время судопроизводства);

– административный (учреждаемый после завершения судебного процесса).

Гласный строгий полицейский надзор или особо строгий полицейский надзор² отличался достаточно жестким контролем со стороны полиции. Лицо могли ограничить в передвижении. Так, например, в 1887 г. из-за «политической неблагонадежности» жене губернского секретаря, Надежде Ивановне Маковой, по распоряжению властей запрещалось жить в таких городах, как Киев, Харьков, Одесса, Екатеринославль, Ростов-на-Дону, Орёл, Казань, а также Курск (несмотря на то что Н.И. Маковая уроженка Курской губернии). В связи с этим обвиняемая 18 января 1887 года была выслана из г. Курска в Щигровский уезд. Однако вскоре жена губернского секретаря подала прошение на имя министра внутренних дел с просьбой разрешить ей переехать в родной город, так как её «...имущественные дела расстроены и требовали приведения в порядок...». Сначала ей было отказано, но после окончания исполнения установленного наказания в виде гласного надзора полиции Н.И. Маковой разрешили вернуться в г. Курск³. В архивных материалах сохранились сведения о подчинении гласному надзору полиции с наложением ограничений, связанных с передвижением по территории страны и иных лиц⁴. При этом прошение о возвращении на родину

¹ГАКО. Ф. 1642. Оп. 1. Д. 7. Л. 287.

²ГАКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 410. Л. 1.

³ГАКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 3006. Л. 1–19.

⁴ГАКО. Ф. 1642. Оп. 1. Д. 123. Л. 1.

поднадзорными лицами было нередким, о чём свидетельствуют отдельные данные¹.

Обвиняемого (ую) в связи с подчинением гласному надзору могли обязать являться в полицию в назначенные сроки, наложить иные ограничения. Например, поднадзорные лица, так же как лишённые, хотя и не в судебном порядке, некоторых прав, не могли быть включены в списки присяжных заседателей².

Менее суровыми были меры государственного принуждения при назначении обыкновенного гласного надзора (поднадзорным могли разрешить, например, выехать с постоянного места проживания), однако на деле, как справедливо отмечают отдельные современные исследователи, они редко различались³.

Негласный полицейский надзор – это мера предупреждения государственных преступлений посредством тайного наблюдения за «политически неблагонадёжными» лицами. Такой надзор нередко называли секретным⁴. Его могли устанавливать местные власти вне зависимости от режима жандармского и полицейского надзора. Лицо, за которым наблюдали, не должно было догадываться об этом. А потому его не могли подвергать никаким стеснениям в передвижении, выборе занятий, образе жизни и т.п. Негласный полицейский надзор утверждал Министр внутренних дел, Департамент полиции МВД или местная власть с согласия Департамента полиции МВД. Исполняли надзор как полиция, так и жандармские чины. Так, чёткого разделения функций между жандармерией и полицией, как уже упоминалось ранее, в данный период не существовало. При этом негласный надзор назначался в отношении заподозренных в связях не только с «реальными» политическими преступниками, но «политически неблагонадёжными» лицами. Например, во второй половине XIX в. негласному надзору в Курской губернии были подчинены ветеринарный

¹ ГАРФ. Ф. 94. Оп. 1. Д. 278. Л. 1–10; ГАКО. Ф. 795. Оп. 1. Д. 60. Л. 5.

² ГАРФ. Ф. 1727. Оп. 1. Д. 23. Л. 1–2.

³ Токарева С.Н. Полицейские и поднадзорные: российское законодательство и практика полицейского надзора в Курской губернии (конец XIX – начало XX вв.) // Новый исторический вестник. 2013. № 38. С. 28–55.

⁴ ГАКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 3508. Л. 1.

врач В.С. Боровский (принадлежал к сообществу «Харьковский комитет РСДРП»), сын священника С.И. Акрамовский, мещанин Г.Д. Никулин, инженер-технолог Е.Г. Богатырёв, орловский мещанин Е.Д. Ефимов и другие¹. Подробности жизни лиц, состоящих под надзором полиции, фиксировались документально².

На каждое «поднадзорное лицо» составлялось так называемое наблюдательное дело. В нём указывались Ф.И.О. лица, состоящего под надзором, его место жительства, род деятельности, информация об «образе жизни», по какому распоряжению состоит под надзором. Также уполномоченные органы государственной власти следили за семейным, имущественным положением лиц, состоящих под надзором полиции, его контактами с окружающими людьми, трудовой деятельностью³. Характеризуя образ жизни «потенциального» политического преступника, жандармы обращали внимание на нравственность, поведение человека, его взаимоотношение с обществом. В описании указывали, какой образ жизни вёл «подопечный» жандармов: трезвый, скрытный, скромный и т.п., чем занимался, с какими подозрительными лицами контактировал в течение месяца (интересно замечание – «знаком со всеми политическими поднадзорными»). Поведение определялось как «неодобрительное», «удовлетворительное» или «хорошее»⁴. Под негласным политическим надзором иногда находились даже члены одной семьи⁵. При этом семейные связи полиция не разрушала. Так, во многих сводках встречаются просьбы лиц, состоящих под гласным надзором, о выезде в то или иное место для свидания с родными. Жандармы такие прошения практически всегда удовлетворяли⁶.

При необходимости информация о «политической благонадёжности» лица запрашивалась у других жандармских управлений Российской империи. Вот пример одного такого запроса от 1898 г.: «Покорнейше прошу Вас о наведении

¹ ГАКО. Ф. 1642. Оп. 1. Д. 135. Л. 140–257.

² ГАРФ. Ф. 110. Оп. 6. Д. 585. Л. 4; ГАКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 3444. Л. 20–26; ГАКО. Ф. 1642. Оп. 1. Д. 231. Л. 39 и др.

³ ГАКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 3231. Л. 31.

⁴ ГАКО. Ф. 1642. О.1. Д. 26. Л. 37–54.

⁵ ГАКО. Ф. 1642. Оп. 1. Д. 13. Л. 1; ГАКО. Ф. 1642. Оп. 1. Д. 14. Л. 1–4; ГАКО. Ф. 1642. Оп. 1. Д. 26. Л. 36 и др.

⁶ ГАКО. Ф. 1642. Оп. 1. Д. 130. Л. 7.

точной справки, когда именно Зуев проживал в г. Моршанске, действительно ли занимался адвокатурой...осталась ли после него семья, и из кого она состоит, и где после в настоящее время находится...»¹.

Если лицо переезжало, сведения о поднадзорном передавались в жандармское управление по новому месту жительства. О выезде лица сообщалось в извещении, которое составлялось по установленной форме («Лит. Б.»). Туда включали информацию об обстоятельствах, вызвавших учреждение негласного надзора (обычно из-за «сомнительной политической благонадёжности»), дате выезда, месте назначения, иные сведения, обнаруженные наблюдением при переездах². Наиболее активно КГЖУ «взаимодействовало» с Харьковским жандармским управлением ввиду того, что территориально данные территории граничили, многие куряне отправлялись обучаться в высшие учебные заведения в Харьковскую губернию, а потом возвращались в Курский регион. Учитывая тот факт, что именно студенты были более политически активны по сравнению с иными слоями населения, поводов для «взаимодействия» у данных жандармских управлений было достаточно. Например, КГЖУ так сообщало Харьковскому о прибытии в 1899 г. на место жительства «политически неблагонадёжного» лица: «В город Белгород прибыл бывший студент Харьковского Технологического университета А.П. Васильев, исключённый из института за участие в студенческих беспорядках, и подчинён на основании Положения 1 марта 1882 г. негласному надзору». В другом сообщении уточнялось: «А.П. Васильев принимал наиболее усердное участие в беспорядках, за что был отчислен»³. Встречались примеры взаимодействия жандармских управлений иных губерний с Курской при осуществлении за отдельными лицами полицейского надзора⁴.

Курян, заподозренных в «политической неблагонадёжности», также нередко высылали из губернии. Так, крестьянин с. Обуховки Рыльского уезда Т.П. Колосников в 1892 г. за «политическую неблагонадёжность» был выслан в

¹ ГАКО. Ф. 795. Оп. 1. Д. 25. Л. 60.

² ГАКО. Ф. 1642. Оп. 1. Д. 13. Л. 53.

³ ГАКО. Ф. 1642. Оп. 1. Д. 40. Л. 3, 6.

⁴ ГАКО. Ф. 1642. Оп. 1. Д. 27. Л. 7–10; ГАКО. Ф. 1642. Оп. 1. Д. 31. Л. 3–12.

Вологодскую губернию под надзор полиции сроком на три года, возвратился на родину в Курскую губернию в 1895 г., был подчинён негласному политическому надзору КГЖУ. Однако вскоре Т.П. Колосников покинул с. Обуховка и отправился сначала в г. Харьков, а затем в г. Санкт-Петербург, г. Киев, негласный надзор был переподчинён по новому месту пребывания «политически неблагонадёжного элемента»¹.

Негласный надзор прекращался в случае смерти лица, если обнаруживался факт совершения преступления (тогда за поднадзорным устанавливался уже не негласный (секретный), а гласный надзор), а также когда подозрения в его «неблагонадёжности» снимались. Например, в Курской губернии во второй половине XIX в. негласный надзор был снят с крестьян Дмитриевского уезда И.К. Хохлова, В.Е. Дедкова и З.А. Курского, поскольку за всё время осуществления надзора указанные лица не были замечены «...ни в чем предосудительном»².

В виде необходимой отчётности КГЖУ регулярно пересылало в Департамент полиции МВД списки лиц, состоящих в губернии: под гласным и негласным надзором полиции, а также о том, кто из данных лиц имел в губернии «определённые занятия», кто проживал в регионе «вследствие семейного или имущественного положения»³.

Списки надзорных лиц оформлялись по надлежащей, установленной верховной властью форме. Один раз в полгода губернские жандармские управления направляли сводные отчёты в Департамент полиции МВД. В губернское жандармское управление соответствующие ведомости направляли уездные исправники. Так, например, выглядела стандартная форма ежемесячной отчётности уездного исправника перед губернским жандармским управлением: «Имею честь сообщить Вашему Высокоблагородию, что состоящий под особым надзором в <...> уезде <...> в течение <...> месяца <...> года ни в чём предосудительном замечен не был»⁴. Также ежемесячно в губернское

¹ ГАКО. Ф. 1642. Оп. 1. Д. 23. Л. 23.

² ГАКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 9671. Л. 10.

³ ГАКО Ф.1642. О. 1 Д. 124. Л. 28.

⁴ ГАКО. Ф. 1642. Оп. 1. Д. 149. Л. 7.

жандармское управление уездные исправники направляли и сведения о количестве лиц, привлеченных к дознанию, даже в случае отсутствия признаков состава преступления. Примечательно, что именуемые государственными по формально-юридического признаку преступления в указанных отчётах назывались политическими. Помимо этого, уездные исправники высылали по запросу в жандармское управление метрические записи для определения места и даты рождения того или иного «поднадзорного» лица¹.

Отметим, что в соотношении с общей численностью населения региона (более 2 млн человек) численность поднадзорных лиц было небольшим. Например, в 1898 г. в Курской губернии 24 человека состояли под негласным надзором полиции². По состоянию на 20 апреля 1900 г. в регионе 36 лиц состояли под секретным надзором, гласным – 12³.

В 1904 г. «Положение о негласном политическом надзоре» было отменено⁴. Сохранившиеся архивные сведения свидетельствуют о том, что применение на практике в течение свыше 20 лет означенного надзора полиции (до 1904 г.) убедило Министерство Внутренних дел «...в недостаточности, для сохранения общественного порядка и спокойствия, тех результатов наблюдения за политически неблагонадёжными лицами, достижение коих имелось в виду при введении негласного надзора и признавалось в то время вполне достаточным для возможного предупреждения государственных преступлений...». Также сообщалось, что в обозначенный период, «...при возрастающем с каждым годом числе негласно-поднадзорных и развитии в течение последнего десятилетия организаций с преступными политическими целями, предупредительная борьба с ними путем негласного надзора, осуществляемого на основании Положения 1 марта 1882 года <...> оказалась крайне неэффективной...»⁵.

Помимо осуществления надзорных и розыскных мероприятий в должностные обязанности жандармов входило наблюдение за общественно-

¹ ГАКО. Ф. 1642. Оп. 1. Д. 149. Л. 83.

² ГАКО. Ф. 1642. Оп. 2. Д. 1. Л. 34–35.

³ ГАКО. Ф. 1642. Оп. 1. Д. 124. Л. 41–124.

⁴ ГАКО. Ф. 1642. Оп. 1. Д. 7. Л. 300.

⁵ ГАКО. Ф. 1642. Оп. 1. Д. 7. Л. 105.

политической ситуацией в губернии, в целом общий контроль за «политической благонадёжностью» населения. В том случае, если кого-то назначали на ту или иную должность, разрешали открыть своё «дело», а также представляли к награде, причём не обязательно государственной, в местную жандармерию непременно отправляли запрос о «политической благонадёжности» конкретного лица. Так, например, 13 мая 1892 г. курскому губернатору, генерал-майору и кавалеру В.В. Фон-Валю губернский секретарь В.М. Константинов подал прошение, в котором указал на необходимость «...сделать распоряжение, приказать, кому следует, о выдаче удостоверения в том, что за время жительства в г. Курске с 22 апреля 1889 г. по 1892 г. в нравственном отношении губернский секретарь был благонадежен, ни в чём предосудительном и дурном замечен не был...». Данное «удостоверение» В.М. Константинову было необходимо для представления московскому генерал-губернатору с целью ходатайствования об открытии в г. Москве справочно-комиссионной конторы. В рапорте на имя В.М. Константинова позднее сообщалось, что губернский секретарь «...по собранным сведениям, за время проживания в г. Курске поведения был хорошего и в политической неблагонадёжности замечен не был...»¹. В 1891 г. епископ Курский и Белгородский сообщал, что правление Рыльского духовного училища обратилось к нему с представлением о награде почетного блюстителя по хозяйственной части этого училища, рыльского купца первой гильдии, советника коммерции Николая Рыловникова в соответствии с его заслугами. Но при этом епископ Курский и Белгородский просил уведомить его «...не состоял ли под следствием и судом купец Рыловников, не имелось ли со стороны гражданского начальства каких-либо препятствий к награждению его по духовному ведомству, не представлен ли он к наградам по гражданскому ведомству, если представлен, то к какой именно, а также благонадежный ли в политическом отношении купец Рыловников...»². В том же 1891 г. к курскому губернатору обратилась жена потомственного почетного гражданина, Евдокия Степановна Баушева,

¹ ГАКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 3591. Л. 1.

² ГАКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 3537. Л. 1–2.

проживавшая в г. Курске на Московской улице в доме Кашеварова. В прошении Евдокия Степановна также ходатайствовала о выдаче ей так называемого «удостоверения» о «политической благонадежности», поскольку Евдокия Степановна хотела открыть в г. Москве мебельную комнату. Начальник КГЖУ в секретном предписании, поданном на имя губернатора, заявил, что Евдокия Степановна ни в каких «неблагоприятных делах не была замечена»¹. О выдаче такого же «документа» в 1891 г. курского губернатора просил капитан отставного штаба, некто Н.Ф. Рыбчинский, проживавший в г. Курске. С подобной просьбой Николай Фёдорович обратился с целью назначения на избираемую должность «...от Александровского комитета о раненых»². Если лицо, состоящее под негласным надзором, поступало на военную службу, о его «политической неблагонадежности» сообщалось военному начальству³.

Наблюдение за подозрительными лицами, проезжавшими через территорию вверенного региона, также входило в должностные обязанности жандармов. А поскольку через Курскую губернию проходили многие пути сообщения, это было нередким явлением⁴. Примечательно, что некоторые «потенциальные» политические преступники намеревались через г. Курск отправиться за границу⁵. Так, из г. Санкт-Петербурга в 1892 г. через г. Курск проезжал австрийский подданный. Об этом событии в своем рапорте курский полицмейстер докладывал губернатору: «Во исполнение предписания от 30 мая, имею честь донести вашему превосходительству, что австрийский подданный еврей Арон Зем Пониквер сегодня 9 июня выехал на Броды за границу и по наблюдению за ним в Курске, со дня прибытия по день выезда, ни в чём предосудительном не замечен»⁶.

В 1898 г. было обнаружено, что потомственный дворянин В. Т. Вислоцкий, состоящий под негласным (ранее – гласным) надзором полиции, проезжая по территории губернии, «выбыл» на ст. Тербуны Елец-Валуйской железной дороги,

¹ ГАКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 3556. Л. 1–8.

² ГАКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 3579. Л. 1–6.

³ ГАКО. Ф. 1642. Оп. 1. Д. 7. Л. 11–14.

⁴ ГАКО. Ф. 1642. Оп. 1. Д. 16. Л. 1; ГАКО. Ф. 1642. Оп. 1. Д. 15. Л. 53; ГАКО. Ф. 1642. Оп. 1. Д. 17. Л. 125; ГАКО. Ф. 1642. Оп. 1. Д. 135. Л. 115; ГАКО. Ф. 1642. Оп. 1. Д. 135. Л. 140; ГАКО. Ф. 1642. Оп. 1. Д. 135. Л. 140–257 и др.

⁵ ГАКО. Ф. 1642. Оп. 1. Д. 19. Л. 1–21.

⁶ ГАКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 3945. Л. 7.

находящейся в районе Орловской губернии, и назначен помощником начальника названной станции. Далее дворянин был переведён на службу начальника вновь открытого разъезда «Холки», находящегося на территории Курской губернии. В связи в этом КГЖУ стало осуществлять надзор за действиями указанного лица. В дальнейшем в связи с переменой места жительства В.Т. Вислоцкого для наблюдения за ним привлекались Воронежское, Орловское губернские жандармские управления. Некоторое время дворянин проживал в слободе Ламской Старооскольского уезда. По заявлению жандармов, вёл себя там «...хорошо, усердно занимался службой, ни в чём предосудительном замечен не был»¹. Через территорию Курской губернии в том же 1898 г. проезжал врач Н.П. Кабалкин, направляющийся из г. Ялты в неизвестном направлении. Ничего «подозрительного» в его поведении также обнаружено не было². В 1902 г. в Курскую губернию (а именно – в г. Старый Оскол) «безвозвратно» выехал земской агроном из Херсонской губернии Ф.О. Заикин, состоящий под негласным надзором полиции за распространение между населением слухов о предстоящем наделении крестьян помещичьей землёй, из-за чего многие стали отказываться от арендованных прежде участков. В Курском регионе Ф.О. Заикин служил агрономом, по сообщению местных жандармов, ничего «предосудительного» в его поведении тоже обнаружено не было³.

В 1903 г. через Курскую губернию проезжала революционерка, состоящая под негласным надзором Орловского губернского жандармского управления дворянка М.Ф. Серчевская, которая в 1878 г. привлекалась в качестве обвиняемой к дознанию по обвинению в хранении и распространении революционных изданий, однако дело было прекращено за недостатком фактических доказательств виновности. Ввиду сомнительности «политической благонадёжности» М.Ф. Серчевская была выслана под надзор полиции в Орловскую губернию на три года (затем срок был продлён). В 1894 г. Мария Фёдоровна отправилась за границу, по возвращении за ней был учинён гласный

¹ ГАКО. Ф. 1642. Оп. 1. Д. 32. Л. 1–67.

² ГАКО. Ф. 1642. Оп. 1. Д. 33. Л. 1–3.

³ ГАКО. Ф. 1642. Оп. 1. Д. 25. Л. 2–35.

надзор полиции. Как уже упоминалось ранее, в 1903 г. М.Ф. Серчевская проезжала через Курскую губернию, при этом даже за столько непродолжительное время «переправки» за ней вели наблюдение местные чины жандармерии¹.

В связи с удобным территориальным положением губернии на пересечении многих «железнодорожных трактов» при необходимости КГЖУ «наблюдало» за Белгородско-Сумской, Курско-Харьковско-Севастопольской, Московско-Киево-Воронежской, Московско-Курской железными дорогами. Правительствующий Сенат в начале XX в. отмечал: «...Непрекращающиеся смуты и волнения отражаются опасными замешательствами на железных дорогах, влекут за собой нарушение непрерывности и правильности движения на них и железнодорожно-телеграфного сообщения. Столь тревожное положение дел обязывало к принятию для обеспечения этих сообщений чрезвычайных мер на линиях железных дорог империи. Министр путей сообщения мог на отдельных участках принимать чрезвычайные меры охраны, в случае неотложной необходимости эти чрезвычайные меры мог принимать и начальник, управляющий этой дороги. Жандармское управление также занималась наблюдением за положением дел на путях сообщения...»².

При этом в архивных материалах обнаруживаются сведения о том, что наблюдение за общественно-политической обстановкой в губернии велось зачастую формально. На местах жандармы намеренно «обеляли» политическое состояние вверенного им участка для «выслуживания» перед начальством. Вот пример подобного отчёта за 1899 год от помощника начальника Курского губернского жандармского управления в г. Рыльске и Рыльском уезде. «Минувший 1899 год по наблюдению во вверенном мне районе можно назвать исключительным в смысле спокойствия. Во всех слоях общества не произошло ничего выдающегося и обращающего на себя внимание, что доказывает уже то, что в течение года было произведено одно дознание по 246 статье, хотя и это

¹ ГАКО. Ф. 1642. Оп. 1. Д. 24. Л. 1–80.

² ГАКО. Ф. 1642. Оп. 2. Д. 1. Л. 125–126, 128–131.

совершенно человеком ненормальным. Бывшие в прошедшем году студенческие беспорядки в Петербурге откликнулись по всей России, и почти везде мы находим сочувствие между учащейся молодёжи, в городе Рыльске и его уезде это прошло совершенно незамеченным <...> Городская и уездная полиция, хотя и не отличается выдающейся деятельностью, и только благодаря спокойному образу жизни народонаселения города и его уезда по возможности справляются со своими обязанностями. Уездный исправник Г. Успенский и его помощник Г. Попов ввиду долголетней своей службы в полиции могут считаться более опытными полицейскими чинами. Учительский персонал как в городе Рыльске, так и в его уезде вполне соответствует своему назначению и в политическом отношении совершенно благонадежны, учащиеся молодёжи тоже не проявляют никаких вредных направлений. Городское народонаселение, состоящее преимущественно из торгового и вообще промышленного сословия, занимается своими делами, всецело поглощено в свои предприятия, обнаруживают желание высказывать какие-либо политические вопросы, но неудовольствия на законные требования со стороны правительства не высказывают и в политическом отношении благонадежны. Крестьянское народонаселение в уездах по возможности, обеспеченные нынешним сравнительно хорошим урожаем, пока довольствуются своим хлебом и не проявляют никаких неудовольствий к своему начальству, а равно и противоположительных слухов в среде не слышно. Духовенство, как городское, так и уездное, вполне соответствует своему сану, не вызывает неудовольствие своих прихожан, за исключением единичных случаев относительно цены за различные требы <...> Чины министерства юстиции, уездный член и два судебных следователя исполняют свои обязанности, не вызывая неудовольствие в обществе. Лица в политическом отношении благонадежные. Уездное воинское командование достаточно дисциплинировано, ведёт себя хорошо. Лица, служащие в почтово-телеграфной конторе и в уездном казначействе, не подавали повода заподозрить их в политической неблагонадежности. В общем во всех слоях общества народонаселения города Рыльска и его уезда в минувшем 1899 году не произошло ни одного случая

политического характера. Между крестьянского населения никаких вредных слухов и мыслей на властей замечено не было...»¹. И всё это, несмотря на то, что другие архивные материалы свидетельствуют, что к началу XX вв. общественно-политическая ситуация в губернии стала ещё более нестабильной в политическом отношении. Так, например, в том же 1899 г. полицейскому надзору было подчинено за «политическую неблагонадёжность» в регионе 155 лиц, и многие из них – жители г. Рыльска и Рыльского уезда². Однако ничего «предосудительного», согласно этому отчёту, местными жандармами во вверенном им округе так и не было обнаружено, а, возможно, просто не было представлено для обнаружения начальству.

На излишний формализм в осуществлении своих должностных обязанностей также указывает тот факт, что работа жандармов по противодействию политической преступности чаще всего производилась «в кабинетах». КГЖУ постоянно отправляло отчёты в прокуратуру, иные вышестоящие инстанции³. За год через этот орган с малочисленным штатом проходило огромное количество документов (ежегодно более 1000 единиц входящих и исходящих бумаг – см. Приложения 1–3). Ежемесячно в обороте Курского губернского жандармского управления также находилось множество документации⁴. При этом с действительной обстановкой в губернии местные органы жандармерии не всегда были знакомы. На это в том числе указывают некоторые вопиющие факты. Небезынтересно секретное сообщение начальника КГЖУ из Черниговской губернии: «...Получены мною сведения из совершенно секретного источника, что какая-то женщина, поступившая недавно на должность заведующей книжного склада Курского губернского земства, ведет переписку с лицами, крайне сомнительной политической благонадёжности, служащими по черниговскому земству. В переписке, кроме возмутительных фраз, сообщается, что 8 ноября в Курске было общее собрание членов общества содействия

¹ ГАКО. Ф. 1642. Оп. 1. Д. 124. Л. 4–7.

² ГАРФ. Ф. 102. Оп. 98. Д. 1. Ч. 41. Л. А. Л. 8.

³ ГАКО. Ф. 1642. Оп. 2. Д. 8. Л. 1–2.

⁴ ГАКО. Ф. 1642. Оп. 2. Д. 1. Л. 34–35.

народному образованию и собранием постановлено довести до сведения правительства о необходимости свободы слова, печати, собрания и прочего...»¹. При этом никаких сообщений о деятельности данного опасного в политическом отношении общества в делопроизводстве курских жандармов зафиксировано не было.

О недостаточной эффективности деятельности местных жандармов также свидетельствуют некоторые данные, представленные в ведомостях за 1901 г.: «По наблюдению за настроем в Курском, Обоянском, Щигровском, Рыльском, Суджанском и Путивльском уездах или чего выдающегося и обращающегося на себя внимание в политическом отношении в истекающем», «О деятельности чинов дополнительного штата Курского губернского жандармского управления по производству дознаний и наблюдательной части в Белгородском, Грайворонской, Корочанском, Тимском, Старооскольском и Новооскольском уездах» и «О деятельности чинов Курского губернского жандармского управления по производству дознаний и наблюдательной части» (см. Приложение 1–3). Для данного диссертационного исследования особый интерес представляют положения о количестве произведенных дознаний по делам, содержащим в себе признаки государственного преступления, о возбуждении которых в Департамент полиции МВД были представлены ведомости; числе поездок унтер-офицеров жандармского управления по своему участку; количестве лиц, состоящих под негласным полицейским надзором, на основании Положения от 1 марта 1882 г., а также сведения о входящих и исходящих бумагах, находящихся в делопроизводстве жандармского управления за истекший период.

Обращает на себя внимание тот факт, что число дознаний по делам, содержащим в себе признаки государственного преступления, о возбуждении которых в Департамент полиции МВД были представлены ведомости, в 1901 г. было незначительно. Большинство дознаний в разных уездах губернии были произведены по предписанию начальника КГЖУ. По собственному усмотрению за отчётный период не было произведено ни одного дознания, по предположению

¹ ГАКО. Ф. 1642. Оп. 1. Д. 231. Л. 19.

лиц прокурорского надзора в Курском, Обоянском, Рыльском, Суджанском и Путивльском уездах – 1. При этом количество произведенных поездок унтер-офицерами, служащими в местных отделениях жандармерии, по территории вверенного округа значительное (за 1901 г. – 156 поездок). Это указывает на недостаточную инициативность низших чинов курского жандармского управления в обнаружении фактов преступной деятельности политического характера.

Число лиц, состоящих под негласным полицейским надзором, на основании Положения от 1 марта 1882 г. в условиях надвигающейся революции в сравнении с численностью населения было также незначительным (в 1901 г. под секретным надзором полиции в регионе состояло 63 лица, а общая численность населения Курской губернии составляла более 2 млн человек). Кроме того, обращает на себя внимание огромное количество входящих и исходящих документов, находящихся в делопроизводстве курских жандармов. Полагаем, при низких значениях иных показателей, например, числе произведённых дознаний, это также указывает на излишний формализм и бюрократизм местных жандармов в деле предупреждения политических преступлений.

Розыскные мероприятия также не всегда были результативными. В большинстве случаев местным жандармам удавалось разыскать не «реальных», а «потенциальных» политических преступников, так называемых «политически неблагонадёжных» лиц, в то время как лица, действительно представляющие опасность для государства, оставались на свободе и продолжали осуществлять свою антиправительственную деятельность. При этом даже розыск «потенциальных» политических преступников не всегда был увенчан успехом. Например, в Курской губернии, по данным розыскных списков, в 1896 г. скрывались 4 «политически неблагонадёжных» лица, задержаны были только 3, причём 2 из них лишь в 1897 г. (1 – не в Курском регионе)¹.

Подтверждением недостаточной эффективности проведения розыскных мероприятий в исследуемый период также может служить тот факт, что очень

¹ ГАКО. Ф.1642. Оп. 2. Д. 23. Л. 5–6, 29–30, 82; ГАКО. Ф. 1642. Оп. 2. Д. 24. Л. 23.

часто в циркулярах о розыске «реальных» политических преступников указывали на продолжение ими общественно опасной деятельности: «...Производящимися ныне дознаниями о пропаганде в народе преступных учений фактически обнаружено, что деятельность пропагандистов, несмотря на преследования их, продолжается и преимущественно теми из них, которые уже разыскиваются. Лица эти, имея фальшивые паспорта, свободно переезжают из одной местности в другую, навещая главным образом фабрики и заводы. Список этих лиц с подробным описанием их примет сообщается ныне как Вашему, так и Начальнику вверенной Вашему наблюдению губернии, которому Министерством Внутренних дел предложено принять самые энергичные меры к розыску и задержанию упомянутых лиц, а затем к передаче их в Ваше распоряжение со всем, что при них будет найдено...»¹. Численность разыскиваемых лиц с годами тоже не снижалась. Объём розыскных циркуляров, приходящих в регионы, не уменьшался. В связи с этим можно заключить, что уже к концу XIX – началу XX вв., несмотря на многоуровневость системы розыска, она оказалась малоэффективной.

Обобщая всё выше сказанное, выделим основные недостатки в работе местной жандармерии в рассматриваемый период по осуществлению мер по противодействию распространения политической преступности. Во-первых, штата курской жандармерии было явно недостаточно для того, чтобы обеспечить наблюдение за всеми общественно-политическими процессами, происходившими в губернии, а взаимодействие с местной полицией, обладающей большим людским ресурсом, не было чётко отработано, о чём свидетельствуют отдельные архивные материалы². Во-вторых, при организации розыскных мероприятий наблюдался излишний формализм. В Департаменте полиции МВД отмечалось, что при производстве розысков по государственным преступлениям было получено немало указаний, свидетельствующих, что розыскные органы, за редким исключением, относятся к делу номинально, ограничивая свою деятельность, в большинстве случаев главным образом «бумажной стороной»³.

¹ ГАКО. Ф. 1642. Оп. 2. Д. 4. Л. 1.

² ГАКО. Ф. 1642. Оп. 2. Д. 20. Л. 4–5.

³ ГАКО. Ф. 1642. Оп. 2. Д. 17. Л. 24–25.

И, наконец, в связи с тем, что о совершаемых в губернии политических преступлениях необходимо было своевременно доносить в прокуратуру, губернатору, МВД¹, утрачивалась оперативность в осуществлении розыскных мероприятий. Излишние «отписки» и бюрократические проволочки, в том числе в связи с необходимостью сообщения о выдающихся событиях и явлениях общественной жизни политического характера, в МВД лишали местные органы жандармерии быстроты реакции, в результате чего меры противодействия политической преступности не успевали за постоянно меняющейся общественно-политической обстановкой.

Таким образом, противодействием распространения политической преступности в данный период в Курской губернии занимались общая полиция, чины прокурорского надзора, губернская администрация, а главное, местная жандармерия – КГЖУ с подразделениями. В должностные обязанности жандармов входили контроль за поведением опасных в политическом отношении лиц, ведение политического сыска, наблюдение за общественно-политическими настроениями населения, производство дознаний по делам политического характера, информирование вышестоящих органов о беспорядках, происходящих в губернии, конвоирование политических арестантов, надзор за подозрительными лицами, проезжающими через территорию Курского региона, осуществление иных служебных поручений. Однако малый процент вынесенных обвинительных решений в соотношении с числом произведённых дознаний, недостаточно оперативное проведение розыскных мероприятий, в результате чего практически идентичные по объёму розыскные списки поступали в местные отделения жандармерии из года в год, незначительное число лиц, заподозренных в «политической благонадёжности» в условиях надвигающейся революции, и многое другое указывали на недостаточную эффективность реализуемых мероприятий по борьбе с политической преступностью. Принимаемые меры «не успевали» за меняющимися социально-экономическими, политическими условиями и к началу XX вв. обнаружили свою безрезультативность, в связи с

¹ ГАКО. Ф. 1642. Оп. 1. Д. 7. Л. 38.

чем политическая ситуация как в стране в целом, так и в Курской губернии в частности, обострившись до предела, привела к системному общенациональному кризису.

3.2 Результативность расследования дел политического характера на территории Курской губернии

Результативность расследования дел политического характера в рассматриваемый период, в первую очередь, определялась эффективностью порядка привлечения политических преступников к ответственности.

Во второй половине XIX – начале XX вв. производство по делу начиналось полицией, жандармерией. Следствие разделялось на формальное и предварительное. В предварительном – решались вопросы о поводе к началу производства следствия, розыске лиц, поличного, обыске, выемке, выборе мер пресечения в отношении подозреваемого лица; к формальному следствию относили производство допросов, соби́рание различных доказательств, обеспечение взысканий и т.п. Обыск проводился только при наличии достаточных к тому оснований¹.

В дальнейшем формальное и предварительное следствие трансформировались в предварительное следствие и дознание. Расследование дел политического характера, как правило, происходило через дознание, которое после проведения судебной реформы 1864 г. нашло подробнейшую регламентацию². При этом дознание в отличие от предварительного следствия производилось менее компетентными лицами, не имеющими качественного юридического образования, которыми в том числе и являлись жандармы³. Как справедливо замечал К.П. Краковский «...и в теории, и на практике дознание выступало в качестве весьма простой, лапидарной и вспомогательной стадии

¹ ГАРФ. Ф. 110. Оп. 6. Д. 585. Л. 10.

² Краковский К.П. Политическое дознание во второй половине XIX – начале XX века // Новый ракурс. 2012. № 5. С. 315–344.

³ Тарасов И.Т. Полиция в эпоху реформ. М., 1885. С. 101.

уголовного процесса...»¹, поскольку на указанной стадии судопроизводства устанавливались лишь первоначальные данные, определялся сам факт совершения преступления, его признаки. Дознаватель лишь закреплял следы и не допускал побега преступника. Однако в отношении расследования государственных преступлений указанная стадия имела исключительное и далеко не «осведомительное» значение, поскольку именно результаты дознания в большинстве случаев определяли «судьбу дела».

В соответствии с положениями Устава уголовного судопроизводства 1864 г. судебное преследование по политическим делам возлагалось на лиц прокурорского надзора. Вследствие чего обо всех «злоумышлениях», содержащих признаки государственного преступления, в обязательном порядке надлежало сообщать прокурору или его товарищу, а в отсутствие последних – полиции для донесения в дальнейшем лицам прокурорского надзора.

О необходимости проведения дознания по делам политического характера товарищи прокурора, прокурор Курского окружного суда докладывали в соответствии со служебной инструкцией главному прокурору Харьковской судебной палаты, а также начальнику КГЖУ.

Прокурор Харьковской судебной палаты направлял уведомления начальнику КГЖУ по поводу прекращения дознания в связи с отсутствием состава преступления, поскольку не каждое сообщение (донесение) о совершении опасных в политическом отношении деяний на самом деле содержало в себе признаки государственного преступления², даже если проведение следственных мероприятий по нему уже началось.

Также по поручению прокурора Харьковской судебной палаты местная полиция, прокурор или его товарищ вели дознание. Анализируя многочисленные материалы дел политического характера, можно заключить, что в Курской губернии дознание чаще всего перепоручалось чинам жандармерии.

¹ Краковский К.П. Политическое дознание во второй половине XIX – начале XX века // Новый ракурс. 2012. № 5. С. 315–344.

² ГАКО. Ф. 1642. Оп. 1. Д. 228. Л. 1.

После издания 19 мая 1871 г. «Правил о порядке действий чинов Корпуса жандармов по исследованию преступлений» жандармы стали полноценными участниками уголовного процесса¹. При этом необходимо было соблюдать ст. 1030–1061 Устава Уголовного судопроизводства 1864 г.² С этого времени жандармам разрешалось самостоятельно производить осмотр, освидетельствование, обыск и выемку в связи с расследованием обстоятельств совершения преступления. Для проведения всех необходимых следственных мероприятий прокурор с согласия начальника губернского жандармского управления назначал соответствующее должностное лицо.

В 1881 г. начался новый этап в деле противодействия политической преступности, поскольку Положение от 14 августа 1881 г. позволило жандармерии не просто расследовать преступления политического характера в форме дознания, которое, по сути, определяло дальнейшую «судьбу» дела, но и задерживать лицо на срок до 2 недель (с письменного распоряжения губернатора или градоначальника арест продляли на срок до 1 месяца) по подозрению в причастности к совершению государственного преступления, производить обыск и выемку в любых помещениях без санкции прокурора, лишь с его последующим уведомлением³. Теперь полиция и жандармы фактически получили право проводить дознание без вмешательства прокуратуры.

После издания Закона от 7 июня 1904 г. «О некоторых изменениях в порядке производства по делам о преступных деяниях государственных и о применении к оным постановлений нового Уголовного Уложения» юридически значение предварительного следствия и дознания официально уравнилось,

¹ История МВД России 1802–1917 гг. // МВД РФ: сайт. URL: https://xn--b1aew.xn--plai/history/1802_1917 (дата обращения: 01.06.2021).

² Высочайше утверждённое мнение государственного Совета «О наказаниях за составление противозаконных сообществ и участие в оных» от 4 июня 1874 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. 1875. Т. 49. С. 852–853. Ст. 53606.

³ Рыжаков Д.Г. Верны закону и государю: некоторые аспекты деятельности прокуратуры при расследовании государственных преступлений в России второй половины XIX – начала XX века // Вестник ННГУ. 2011. № 5-1. С. 198–204.

предоставив жандармам ещё больше возможностей в рассмотрении дел политического характера¹.

О возбуждении дознания лица, производящие первичные следственные действия, начальству направляли соответствующее уведомление, где сообщалось о наименовании дознания, переписке, времени, месте возбуждения дела. В данной форме также указывались основания для возбуждения расследования. Кроме того, в уведомлении содержались сведения о том, кто производил дознание и кто «наблюдал» за производством из чинов прокурорского надзора.

Первичные данные о совершении преступления, как правило, получали низшие чины жандармерии. На место совершения преступления для принятия неотложных мер направлялись унтер-офицеры или вахмистры из жандармов. О завершении работ они отчитывались помощникам штата (дополнительного штата – в уездах) начальника КГЖУ. Наблюдали за процессом расследования, как правило, лица прокурорского надзора – товарищи прокурора Курского окружного суда (по назначению). Обычно помощники начальника КГЖУ выполняли все основные поручения, связанные с процессом рассмотрения уголовных дел в порядке дознания, а также следили за общей политической ситуацией во вверенной им местности. Помогала в этом и других вопросах уездная и городская полиция². Кроме того, КГЖУ собирало сведения о том или ином подозреваемом, опрашивало их, выполняло различные иные поручения губернского жандармского управления³.

Основания к возбуждению дел политического характера были разными: получение негласных сведений, предписания начальника КГЖУ, показания (заявления) свидетелей (чаще всего), сообщения уездной и городской полиции и т.д. Также о совершении политических преступлений сообщали уездные исправники. Особо примечательно, что поводом к возбуждению уголовного дела,

¹ Высочайше утверждённое мнение государственного Совета «О некоторых изменениях в порядке производства по делам о преступных деяниях государственных и о применении к оным постановлений нового Уголовного Уложения» от 7 июня 1904 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. 1907. Т. 24. С. 658–660. Ст. 24732.

² ГАКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 3588. Л. 3.

³ ГАКО. Ф. 1663. Оп. 1. Д. 7. Л. 50; ГАКО. Ф. 1663. Оп. 1. Д. 8. Л. 8.

производства дознания мог быть даже «вредный образ мысли» или же образ жизни, «внушающий подозрение»¹.

Исследование материалов жандармских дознаний позволяет полагать, что в отношении доказывания вины человека в совершении государственного преступления жандармы не проявляли надлежащего «рвения», поскольку основания привлечения к ответственности часто были формальными, материалы дела малостраничными и бессодержательными, а основания к возбуждению дела незначительными, о чём свидетельствуют отдельные архивные данные². При этом в материалах дела также фиксировались сведения о трезвости лица в момент совершения преступления, его умственных способностях³. Полагаем, что это также подтверждало тезис о наибольшей распространённости политической преступности среди крестьянства губернии, как наиболее многочисленной и в то же время малограмотной части населения.

Для того чтобы подозреваемый не скрылся, в отношении него применялись следующие меры пресечения: отдача под особый надзор полиции по представлению начальства, обязательство «не отлучаться» от места проживания, заключение (или «взятие») под стражу⁴. Причём эти сообщения имели не уведомительный, а удостоверительный характер. Без санкции Департамента полиции МВД надзор устанавливаться не мог. В качестве предварительной меры пресечения в отношении обвиняемых в преступлениях политического характера в Курской губернии чаще всего применялось заключение под стражу на несколько суток. Например, в отношении крестьянина Белгородского уезда В.Г. Логинова после выдвижения обвинения за совершение преступления, предусмотренного ст. 246 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. (оскорбление императора), было назначено содержание под арестом при волостном правлении сроком на 6 дней⁵. Иногда сроки заключения увеличивали¹. Так, мещанину И. П.

¹ Казанцев С.М. Прокурорский надзор за органами дознания и следствия по политическим делам в России во второй половине XIX века // Государственный строй и политико-правовые идеи России второй половины XIX столетия. Воронеж, 1987. С. 119.

² ГАКО. Ф. 1642. Оп. 1. Д. 145. Л. 6–10.

³ ГАКО. Ф. 1642. Оп. 1. Д. 35. Л. 33.

⁴ ГАКО. Ф. 1642. Оп. 1. Д. 39. Л. 7; ГАКО. Ф. 1642. Оп. 1. Д. 41. Л. 4.

⁵ ГАКО. Ф. 795. Оп. 1. Д. 23. Л. 46.

Гробову в качестве меры пресечения был назначен семидневный арест², крестьянину Дмитриевского уезда Л.П. Чеботарёву – месячный. Но, как правило, они были достаточно скромными – по 2–3 дня³. Например, в 1901 г. крестьянину Фатежского уезда Г. Киреву был назначен трёхдневный арест при волостном правлении с передачей под особый надзор полиции⁴.

О мере пресечения в отношении обвиняемого начальство уведомлялось письменно по форме «Лит. В.», в которой указывались: Ф.И.О. обвиняемого, а также информация о том, какие меры пресечения избраны в отношении лица (первоначальная и вновь принятая), причины изменения меры пресечения (при необходимости), когда послан предыдущий листок по форме «Лит. В.», и другое⁵.

Стоит подчеркнуть, что следственные мероприятия осуществлялись чинами жандармерии недостаточно результативно. На это указывали в том числе отдельные «директивы», исходящие «сверху». Так, в 1877 г. в предписаниях Третьего Отделения СЕИВК указывалось, что по существу производящиеся во вверенных районах дознания о лицах, к ним привлеченных, «...весьма нередко ограничивались лишь самую краткою характеристикой, между тем для определения степени виновности обвиняемого необходимо было правильно и всесторонне расследовать обстоятельства дела, послужившие поводом для привлечения данного лица к дознанию, для целей государственных столь же необходима точная характеристика личности, впавшей в преступление, тем более что характеристика эта, взятая в совокупности выводов и процентном отношении, во многом могла и служить указанием на те жизненные условия, которые наиболее предполагаются к преступлению, и на ту же среду, которая сильнее подпадает в место вредных учений...»⁶.

Начальникам губернских жандармских управлений также приказывалось не ограничивать сообщения о политических преступниках одним указанием о

¹ ГАКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 3488. Л. 1–6.

² ГАКО. Ф. 1642. Оп. 1. Д. 145. Л. 125, 197.

³ ГАКО. Ф. 795. Оп. 1. Д. 23. Л. 70.

⁴ ГАКО. Ф. 795. Оп. 1. Д. 60. Л. 4.

⁵ ГАКО. Ф. 1663. Оп. 1. Д. 7. Л. 63, 104.

⁶ ГАКО. Ф. 1642. Оп. 2. Д. 8. Л. 2–6.

государственном преступлении, а вкратце излагать сущность обвинений и обстоятельств, обнаруживаемых дознанием. В Департамент полиции МВД из губерний должны были поступать сведения о важных политических преступлениях с приложением копий показаний обвиняемых, отобранных у преступников сочинений, прокламаций и иной опасной в политическом отношении литературы. На места отправлялись, помимо названных, и предписания о необходимости соблюдения, и чисто формальных требований документооборота, правил делопроизводства, верности вносимых в официальные бумаги сведений. Так, в предписаниях сообщалось, что ведомости с данными о ходе расследования должны доставляться в жандармские управления в необходимом количестве. Все графы ведомости надлежало заполнять вместе с протоколом допроса, при этом ответы, включённые в ведомость, должны быть «наивозможно ясны и кратки». Фамилию обвиняемого обязательно нужно было выписывать чётко, «...дабы не могло вкрасться какой-либо ошибки при прочтении...». В каждый бланк из присланных необходимо было вносить сведения, касающиеся только одного обвиняемого лица. Если что-то о человеке было неизвестно, то можно было прямо указывать на это в содержании¹.

К окончанию дознания у лиц, расследовавших дело, должно было сложиться чёткое представление о том, виновен ли человек или нет. Так, к этому моменту должны были быть известны все наиболее важные обстоятельства дела. Причём эти обстоятельства чаще всего выяснялись младшими чинами жандармерии, которые и производили на начальных этапах расследования первичные опросы, обыски, осмотры и т.д. При необходимости (например, при перемене места жительства преступника) для выяснения обстоятельств совершения преступлений в Курскую губернию направлялись дела и из других регионов (порой самых отдалённых)². В рамках взаимодействия разных жандармских управлений дознание по делам политического характера нередко

¹ ГАКО. Ф. 1642. Оп. 2. Д. 8. Л. 2–6.

² ГАКО. Ф. 1642. Оп. 1. Д. 145. Л. 73.

перепоручали. Между корпусами жандармов разных губерний была хорошо налажена связь, о чём свидетельствуют архивные данные¹.

Уведомление об окончании дознания составлялось по форме «Лит. Г.», к нему прилагался поимённый список обвиняемых и опись вещественных доказательств (при необходимости). К делу приобщались сведения о виновном лице (по форме «Лит. Б.»). В бланке указывали Ф.И.О. подозреваемого, дату и место рождения, вероисповедание, происхождение, народность, подданство, экономическое положение родителей, семейное положение лица, время и место первого обыска, допроса, место воспитания, пребывало ли лицо за границей (если да, то где, с какой целью и когда), привлекался ли раньше к дознанию (если да, то по какому делу), основания привлечения к настоящему дознанию, время и место производства настоящего дознания, принятая мера пресечения, время сообщения о привлечении к дознанию обвиняемого, состоящего на государственной службе, или воспитанника учебного заведения по принадлежности к начальству².

Расследование преступлений политического характера, совершённых военными служащими, происходило в военных судах по особым правилам. В соответствии с Военно-следственным уставом 1867 г. его производило военное начальство в форме дознания и следствия. С 1875 г. дознание по распространению «вредной» литературы, преступной пропаганде в казармах производили жандармы³. С 1886 г. в правила производства дознаний по государственным преступлениям, совершённым военными служащими, были внесены изменения, надзорные функции военного ведомства в отношении разрешения данной категории дел восстановлены.

Особую роль в расследовании и разрешении дел политического характера, как упоминалось ранее, выполняли прокуроры, которые, по справедливому замечанию исследователя В.П. Беляева, во-первых, осуществляли надзор за соблюдением законов Российской империи в присутственных местах, во-вторых,

¹ ГАКО. Ф. 1642. Оп. 1. Д. 35. Л. 3–5.

² ГАКО. Ф. 1642. Оп. 1. Д. 145. Л. 62–64.

³ Невский С.А. Производство дознания по военно-судебному уставу 1867 г. // Вестник экономической безопасности. 2016. № 5. С. 109–111.

контролировали соблюдение законов при расследовании различных преступлений, и, наконец, следили за судопроизводством, исполнением наказаний¹.

Основные принципы деятельности прокуроров существенно изменились после проведения судебной реформы 1864 г. Была ликвидирована общенадзорная функция, прокуратура стала главным институтом государственного обвинения, сосредоточив свою деятельность на уголовном преследовании и надзоре за судопроизводством. В соответствии со ст. 1034 Устава уголовного судопроизводства по государственным преступлениям судебное преследование возлагалось на прокуроров судебных палат, в округе которых было совершено то или иное государственное преступление. При этом сочетание надзорной и обвинительной функции на стадии осуществления предварительного расследования делало прокурора «хозяином процесса»².

О факте совершения государственного преступления надлежало сообщать не только прокурору Харьковской судебной палаты (для Курской губернии), но в его отсутствие местному прокурору, его товарищу. Также прокуроры должны были назначать следствие, присутствовать на месте происшествия по возможности. На осуществление определённых следственных действий прокурор мог наложить запрет. Также прокурор принимал решение о прекращении уголовного дела, контролировал исполнение наказаний. Если государственное преступление разрешалось в Верховном уголовном суде, то функции прокурора в данном случае возлагались на Министра юстиции³. Такие судебные процессы были исключением, поэтому всё возлагалось на прокуроров судебных палат, окружных судов, иных нижестоящих чинов прокуратуры.

Харьковская судебная палата, окружные суды в Курской губернии и, как следствие, новая структура прокурорского надзора были учреждены в 1867 г. При

¹ Беляев В.П. Прокурорский надзор в России: историко-теоретический очерк. Белгород: Кооператив. образование, 2001. С. 49.

² Симонян Р.З. Эволюция органов прокуратуры в ходе судебной реформы 1864 г., вторая половина XIX– начало XX вв. (на примере Курской губернии): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Курск, 2007. 28 с.

³ Устав уголовного судопроизводства 1864 г. // Гарант: сайт. URL: <https://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/3137/> (дата обращения: 17.08.2021).

этом должность губернского прокурора в Курской губернии существовала вплоть до 1869 г. (до издания 28.04.1869 Указа «Об упразднении в некоторых губерниях должностей уездного и губернского прокурорского надзора»)¹.

На высшей ступени иерархии судебных мест для Курского региона (после проведения судебной реформы 1864 г.) значилась Харьковская судебная палата, деятельность которой контролировал харьковский прокурор. Именно он обязан был лично следить за расследованием дел политического характера, процессом судопроизводства и даже исполнением наказаний в отношении всех государственных преступников в Курской губернии. Однако со временем определённые функции харьковского прокурора приравнивались к функциям начальника КГЖУ, поскольку жандармы и прокуроры очень тесно взаимодействовали между собой. Как справедливо отмечал в рассматриваемый период бывший прокурор Российской империи А.А. Лопухин, со временем жандармы в принципе сильно «спелись с прокуратурой»², в связи с чем их должностные обязанности нередко дублировались. Так, в секретном циркуляре от 5 июля 1902 г. № 1877 сообщалось, что «...из имеющихся в распоряжении сведений усматривалось, что некоторыми начальниками мест заключения округа Харьковской судебной палаты, вопреки статьям Устава о содержании под стражей, вся корреспонденция политических арестантов для просмотра и передачи по назначению препровождалась не к лицам прокурорского надзора, а к начальникам местных жандармских управлений, их помощникам»³.

Второй значимой «фигурой» при рассмотрении дел политического характера был прокурор Курского окружного суда. Однако для Рыльского и Путивльского уездов губернии «главным» был Сумской окружной суд и, соответственно, прокурор Сумского окружного суда. Возможность организации

¹ Указ императора Александра II от 28 апреля 1869 г. «Об упразднении в некоторых губерниях должностей уездного и губернского прокурорского надзора» // Рустрана: сайт. URL: <http://рустрана.рф/16613/UKAZ-IMPERATORA-ALEKSANDRA-II-ot-28-aprelya-1869-goda> (дата обращения: 17.08.2021).

² Лопухин А.А. Настоящее и будущее русской полиции. СПб, 1907. С. 32–33.

³ ГАКО. Ф.795. Оп.1. Д. 44. Л. 3.

на территории Курской губернии после проведения судебной реформы 1864 г. нескольких окружных судов обсуждалась, но не была реализована¹.

Прокурор Харьковской судебной палаты мог поручить (и чаще всего поручал) прокурору Курского окружного суда производство дознания по политическим делам. В связи с этим за процессом расследования дел политического характера, совершённых на территории губернии, как правило, «наблюдали» именно местные прокуроры.

Независимо от представления прокурора Харьковской судебной палаты, прокурор Курского окружного суда также должен был уведомлять о возникновении и окончании всех производящихся формальных дознаний, с краткими сведениями об их сущности. Кроме того, прокурор Курского окружного суда должен был периодически доносить о ходе и результатах всех политических расследований, которые «наиболее обращали, по своей важности, на себя внимание», представляя копию таких донесений в Министерство Юстиции. Также прокурор Курского окружного суда обязан был доносить обо всех случаях прекращения дознания, с особой тщательностью разрешать предположение о вынесении дознания для прекращения на губернское совещание, а также разрешать ряд иных спорных вопросов².

После принятия в 1904 г. Закона «О некоторых изменениях в порядке производства по делам о преступных деяниях государственных» дознание по делам о государственных преступлениях должно было производиться не под наблюдением прокурора Харьковской судебной палаты, а под наблюдением прокурора Курского окружного суда, в связи с чем роль местной прокуратуры ещё больше укрепилась. Прокурор окружного суда мог по окончании дознания передавать дело следователю, а также ходатайствовать о прекращении дела перед губернским совещанием³.

¹Снегирева, Н. И. Об истории реформирования органов прокурорского надзора в Курской губернии после судебной реформы 1864 г. и его кадровом составе / Н.И. Снегирева, А.Н. Пахомова, Д.Е. Снегирева // Ученые записки: электронный научный журнал Курского государственного университета. 2015. №1 (33). С. 10–18.

² ГАКО. Ф. 795. Оп. 1. Д. 40. Л. 6–7.

³ Рыжаков Д.Г. Верны закону и государю: некоторые аспекты деятельности прокуратуры при расследовании государственных преступлений в России второй половины XIX – начала XX века // Вестник ННГУ. 2011. № 5-1. С. 198–204.

Так, определяя круг полномочий чинов прокурорского надзора в отношении выявления политической преступности и контроля над ней, отметим, что после судебной реформы 1864 г. все частные и должностные лица были обязаны немедленно сообщать сведения о совершении государственного преступления в прокуратуру. Прокурорские чины контролировали процесс производства дознания. Однако после 1871 г. (после принятия новых правил осуществления дознания по государственным преступлениям чинами жандармерии) роль прокуратуры в производстве расследования дел политического характера несколько изменилась, поскольку этот закон предоставлял местным жандармам право самостоятельно начинать производство дознания, пусть и при последующем обязательном уведомлении прокурора.

При этом формальный контроль со стороны прокуратуры всё же присутствовал. Так, по завершении дознания жандармские чины предоставляли сведения о числе лиц, обвиняемых в совершении государственных преступлений. Ежемесячно (до 5-го числа) КГЖУ в качестве отчётности о проделанной работе направляли чинам прокурорского надзора ведомости о привлечении лиц к дознанию по делам политического характера (чаще всего, объединенную по нескольким уездам). Обычно в ней «значилось» не более 20 лиц. Например, в 1902 г. в Курском, Обоянском, Щигровском, Рыльском, Суджанском, Путивльском уездах в январе к дознанию были привлечены 10 человек, в феврале – 9, в марте – 10, в апреле – 13, в мае – 11, в июне, июле, – по 13, в августе – 16, в сентябре – 17, октябре – 15, ноябре – 16, декабре – 18¹. Однако немногие дела доходили до суда, поскольку на это нужно было одобрение прокурора, который не во всех посягательствах на государство усматривал признаки состава преступления.

При этом сами прокуроры не всегда добросовестно следили за расследованием уголовного дела политического характера. Нарушения установленного порядка расследования преступления были зафиксированы и со стороны прокурора Харьковской судебной палаты, и со стороны прокурора

¹ ГАКО. Ф.1642. Оп.1. Д. 149. Л. 1–523.

Курского окружного суда. Так, прокуроры окружных судов часто своевременно не представляли проектов заключений о дальнейшем направлении дознаний о государственных преступлениях, уведомлений о начале производства, а дознание препровождали в большинстве случаев без надобности чинами Отдельного корпуса жандармов, а не лицами прокурорского надзора.

Для того чтобы каких-либо несоответствий установленному порядку в дальнейшем не обнаруживалось, прокурору Курского окружного суда было приказано своевременно представлять уведомления по всем делам о государственных преступлениях согласно образцам, доносить о поводах к возбуждению дела, после допроса лица немедленно представлять сведения о личности последнего, периодически уведомлять о ходе и результатах дознаний¹. В начале XX вв. незначительно изменились формы отчётности чинов прокурорского надзора². Если какие-либо сведения для составления отчёта о деятельности политических преступников отсутствовали, то в соответствующие инстанции чины прокурорского надзора отправляли разные запросы³.

Возвращаясь к процессу рассмотрения дел политического характера, отметим, что после окончания дознания прокурор судебной палаты был обязан предоставить материалы о завершении дознания Министру Юстиции, который при взаимодействии с Шефом Жандармов делал распоряжение о производстве предварительного следствия или о прекращении производства с «оставлением дела без дальнейших последствий» или с разрешением данного дела в административном порядке (ст. 29 «Правил о порядке действий чинов Корпуса жандармов по исследованию преступлений» от 19 мая 1871 г.)⁴.

В Курской губернии в исследуемый период чаще всего дела политического характера разрешались именно таким административным (внесудебным) порядком, что свидетельствует о малозначительности совершаемых в данном регионе политических преступлений. Так, например, в 1891 г. в Курскую

¹ ГАКО. Ф. 795. Оп. 1. Д. 44. Л. 8–10.

² ГАКО. Ф. 795. Оп. 1. Д. 59. Л. 2.

³ ГАКО. Ф. 1663. Оп. 1. Д. 1. Л. 125, 134.

⁴ История МВД России 1802–1917 гг. // МВД РФ: сайт. URL: https://xn--b1aew.xn--plai/history/1802_1917 (дата обращения: 01.06.2021).

губернскую тюрьму поступил запасной рядовой С.А. Переверзин, обвиняемый в совершении государственного преступления (какого именно не уточняется). Дело решено административным порядком, обвиняемому назначено наказание в виде лишения свободы сроком на 1 месяц¹.

О низкой политической активности курян свидетельствует и тот факт, что по многим делам политического характера, согласно имеющимся архивных данных, производство было закрыто (такая возможность предоставлялась Министру Юстиции и Шефу Жандармов по ст. 29 «Правил о порядке действий чинов Корпуса жандармов по исследованию преступлений» от 19 мая 1871 г.)².

На местном уровне также часто «закрывали» дела в связи с отсутствием признаков преступлений. Например, в рассматриваемый период прокурором Харьковской судебной палаты в отношении дела о произнесении крестьянкой Щигровского уезда Курской губернии оскорбительных для императора слов было признано, что «...в словах, приписываемых Букреевой, нет признаков государственного преступления...». Хотя крестьянка Букреева во время ссоры со своим мужем достаточно негативно отзывалась об императоре: «Ты не царю служил, а чёрту»³. Нередко от уголовной ответственности преступников и вовсе освобождали с формулировкой «...за неимением улик»⁴.

Для рассмотрения дел политического характера в суде был установлен особый порядок. По незначительным делам вынесение решений производили окружные суды⁵, являющиеся высшей судебной инстанцией в губернии. К компетенции Курского окружного суда относилось рассмотрение всех уголовных дел, за исключением политических преступлений по должности, совершённых чинами старше титулярного советника. В полном объёме дела о совершении государственных преступлений в окружном суде Курской губернии начали рассматривать только после начала первой русской революции. Хотя и в

¹ ГАКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 3552. Л. 3.

² История МВД России 1802–1917 гг. // МВД РФ: сайт. URL: https://xn--b1aew.xn--plai/history/1802_1917 (дата обращения: 01.06.2021).

³ ГАКО. Ф. 1642. Оп. 1. Д. 145. Л. 34–38.

⁴ ГАКО. Ф. 795. Оп. 1. Д. 50. Л. 5.

⁵ ГАКО. Ф. 1642. Оп. 1. Д. 145. Л. 34–38.

хронологических рамках данного исследования встречаются отдельные эпизоды рассмотрения в окружном суде достаточно резонансных дел политического характера (хотя это были, как правило, единичные случаи). Так, 15 сентября 1881 г. в г. Курске было открыто заседание временного суда по делу о дворянах А.Н. Лаврениуса 24 лет, М.А. Тимофеева 26 лет, Е.С. Попова 34 лет, Н.Г. Лебедева 24 лет, В.И. Майкова 24 лет и других, обвинявшихся в принадлежности к социально-революционному сообществу под названием «Общество народного освобождения». На вопросы председателя все подсудимые дали надлежащие ответы в вежливой форме. Показания давались охотно, внятно и ясно. В конце судебного заседания подсудимый А.Н. Лаврениус не признал свою вину в принадлежности к социально-революционному сообществу, сказав, что он лишь виновен в хранении запрещенных изданий. Все остальные подсудимые не признали себя виновными вообще. В связи с этим заседание продлилось несколько дней. В итоге суд вынес обвинительный вердикт. Подсудимых в соответствии с действующим уголовным законодательством лишили всех особенных прав и преимуществ, сослали на житьё в Сибирь: А.Н. Лаврениуса в Иркутскую губернию (с воспрещением отлучки из места жительства в продолжение 2 лет и выезда в другие губернии и области Сибири в продолжение 8 лет), М.А. Тимофеева и Н.Г. Лебедева в Тобольскую губернию (с воспрещением всякой отлучки из местожительства в продолжение 2 лет и выезда в другие губернии и области Сибири в продолжение 4 лет), других подсудимых заключили в крепость с лишением некоторых особенных прав и преимуществ. Одного подсудимого оправдали¹.

Также в рассматриваемый период в судопроизводстве Курского окружного суда (уголовного отделения) находилось много дел, связанных с оскорблением должностных лиц при осуществлении последними своих служебных обязанностей, которые имели политический «оттенок», хотя и не относились в полном смысле слова к общественно опасным деяниям политического характера. В это время куряне часто «оскорбляли» приставов, волостных старшин, уездных

¹ Курские губернские ведомости. 1881 № 73. С. 3.

исправников и их помощников, полицейских надзирателей и смотрителей, судей, их секретарей и других представителей власти¹. Указанные преступления не являлись политическими в «чистом виде», так как эти общественно опасные деяния не причиняли существенного вреда государственному строю и лично императору как носителю верховной власти. По объекту преступного посягательства они относились к преступлениям против порядка управления. Однако эта группа правонарушений имеет прикосновенность к политической преступности, в связи с чем данный факт тоже заслуживает внимания².

Самые серьёзные дела политического характера рассматривались в Харьковской судебной палате, Верховном уголовном суде. Однако для Курской губернии передача дел в данные судебные инстанции не характерна.

При этом в судопроизводстве Харьковской судебной палаты фиксировались единичные случаи рассмотрения дел о совершении государственных преступлений в Курской губернии в рассматриваемый период. Такие дела подлежали суду уголовного департамента. Если следствие проводил член судебной палаты, то он не мог выступать в роли судьи по этому делу. В судебных заседаниях принимали участие наравне с членами уголовного департамента губернский предводитель дворянства, один из членов уездных предводителей дворянства, которые состоят в округе того или иного окружного суда, волостной и городской голова того же округа, старшина уезда. Временные члены участвовали при определении виновности и невиновности подсудимых, вынесении приговоров (о наказаниях). При этом их голоса учитывали наравне с голосами постоянных членов суда. Примечательно, что по некоторым делам судебные заседания проводились при так называемых закрытых дверях. В частности, в данном случае речь идёт о совершении таких преступлений, как произнесение оскорбительных (как упоминалось в уголовном законе – «дерзких») слов против императора, а также членов императорского дома.

¹ ГАКО. Ф. 32. Оп. 1. Д. 78. Л. 4; ГАКО. Ф. 32. Оп. 1. Д. 79. Л. 13; ГАКО. Ф. 32. Оп. 1. Д. 80. Л. 7; ГАКО. Ф. 32. Оп. 1. Д. 81. Л. 49; ГАКО. Ф. 32. Оп. 1. Д. 132. Л. 104; ГАКО. Ф. 32. Оп. 1. Д. 258. Л. 9; ГАКО. Ф. 32. Оп. 1. Д. 78. Л. 4; ГАКО. Ф. 32. Оп. 1. Д. 79. Л. 2 и др.

² ГАКО. Ф. 32. Оп. 1. Д. 254. Л. 8.

Приговоры вступали в силу с момента оглашения. Последним этапом в рассмотрении дел политического характера было назначение и исполнение наказаний. В соответствии с действующим во второй половине XIX – начале XX вв. уголовным законодательством преступность деяний, в первую очередь, определялась нормами Уложений о наказаниях уголовных и исправительных 1845 и 1885 гг. (с изменениями и дополнениями), Уголовного уложения 1903 г. Примечательно, что в начале XX в. продолжительное время в судах приговоры в отношении осуждённых политических преступников одновременно выносили в соответствии с нормами как старого (Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г.), так и нового (Уголовного уложения 1903 г.) закона, о чём свидетельствуют некоторые архивные материалы.¹

Среди мер государственного принуждения за совершение политических преступлений выделялись следующие наказания: смертная казнь; лишение всех, некоторых прав состояния, особенных прав и преимуществ; каторга сроком на определённый срок или без срока; ссылка на поселение, в крепость, на завод, рудники; заключение в тюрьму, исправительный, смирительный дом; арест и др. Самым суровым наказанием, естественно, была смертная казнь, реализуемая через непубличное повешение².

Согласно сведениям архивных материалов чаще всего во второй половине XIX – начале XX вв. в Курской губернии политических преступников осуждали по ст. 246³ (оскорбление императора и членов его семьи словом или действием), 250⁴ (приготовление к бунту), 251⁵ и 252⁶ (составление или распространение политически опасных изображений или сочинений) Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1885 г. (с изменениями и дополнениями).

В отношении политических преступников губернии чаще всего применялся такой вид наказания, как арест, заключение в тюрьму, крепость (лишение

¹ ГАКО. Ф. 795. Оп. 1. Д. 57. Л. 1–11; ГАКО. Ф. 795. Оп. 1. Д. 58. Л. 1–6; ГАКО. Ф. 795. Оп. 1. Д. 59. Л. 1–7.

² Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. // Музей исторических реформ имени П.А. Столыпина. URL: <http://музейреформ.рф/node/13654> (дата обращения: 29.06.2020).

³ ГАКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 3488. Л. 1–6.

⁴ ГАКО. Ф. 801. Оп. 1. Д. 44. Л. 17.

⁵ ГАКО. Ф. 795. Оп. 1. Д. 25. Л. 70.

⁶ ГАКО. Ф. 1642. Оп. 1. Д. 166. Л. 1–16; ГАКО. Ф. 1642. Оп. 1. Д. 231. Л. 53.

свободы). Привычным сроком лишения свободы было заключение в Курскую тюрьму на 3 месяца¹. Например, в 1892 г. за совершение государственных преступлений крестьян Т.П. Колосникова и С.Т. Изюмченко заключили в тюрьму на данный срок: первого – в курскую «до отправки в один из северо-восточных городов Вологодской губернии под гласный надзор полиции на 3 года», второго – в рыльскую².

Встречались единичные случаи отправления обвинённых на работы на рудники, например, в Рутченковское горнопромышленное общество на Украине³.

Если лицо совершало политическое преступление во время прохождения военной службы, то наказание назначалось с учётом мнения Военного министерства. Так, например, за оскорбление императора, совершение преступления, предусмотренного ст. 246 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1885 г., курянину Ивану Лелявину, временно проходившему службу в 203-м Грайворонском резервном батальоне, по непосредственному усмотрению Военного министерства было назначено дисциплинарное взыскание. И. Лелявин на 2 года был отдан в Воронежский дисциплинарный батальон, а в 1900 г. отправлен в штаб Сибирского военного округа⁴.

При исполнении наказаний за политическими преступниками «...надлежало смотреть зорко и ни в чём не отступать от направляемой инструкции...»⁵. Условия содержания заключённых в тюрьмах были достаточно тяжёлыми. Так, например, на лиц могли налагать наручники, писать прошения и письма к родственникам и посторонним лицам нужно было под непосредственным наблюдением тюремного смотрителя или конвойного начальника. В тюрьме вели учёт корреспонденции политзаключенных⁶. Все подаваемые арестантами прошения, жалобы и заявления представлялись смотрителям тюрьмы, а в пути –

¹ ГАКО. Ф. 1642. Оп. 1. Д. 165. Л. 67.

² ГАКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 4010. Л. 1–2.

³ ГАКО. Ф. 1642. Оп. 1. Д. 145. Л. 196.

⁴ ГАКО. Ф. 1642. Оп. 1. Д. 130. Л. 43.

⁵ ГАКО. Ф. 1642. Оп. 1. Д. 121. Л. 6.

⁶ ГАКО. Ф. 1642. Оп. 1. Д. 165. Л. 117, 118, 163.

местному губернатору. Только с разрешения смотрителя арестанты могли заниматься письменными работами. В случае утайки со стороны заключённых письменных принадлежностей, инструмента или материала, они подвергались дисциплинарному наказанию. Могли налагаться иные ограничения¹. Отмечалось, что быт преступников необходимо сделать более устроенным². В местах лишения свободы политические заключённые нередко умирали, вследствие чего отдельные меры пресечения отменялись³.

Для усиления контроля за осуждёнными по политическим составам в 1885 г. были утверждены правила содержания политических арестантов в губернских и уездных тюремных замках. Обвиняемые, состоящие под следствием или судом, содержались в особых камерах и в общем разобщении, как между собой, так и с общеуголовными арестантами. Так, в 1889 г. горного инженера, бывшего служащего Курской Земской управы, В.А. Вознесенского и других признали виновными в совершении государственного преступления. В.А. Вознесенского заключили в одиночную тюремную камеру сроком на 6 месяцев⁴. Содержать в одной камере нескольких человек можно было только с письменного согласия прокурора или чинов жандармерии по принадлежности.

Все вещи арестантов тщательно осматривались на предмет возможности связи арестованного с «внешним миром». Если что-то подобное обнаруживалось, подозрительные вещи у арестанта конфисковались, и на время содержания в тюрьме человек лишался постельных принадлежностей, личного белья, одежды. Вместо этого арестант пользовался казёнными вещами. Смотритель тюрьмы обязан был выдавать арестантам для письма бумагу, канцелярские принадлежности. Каждый вечер всё изымалось, проверялось и выдавалось на утро. Если политический арестант нарушал эти правила, то ему запрещалось заниматься письмом на всё время исполнения наказания. Преступник мог изучать литературу из тюремной библиотеки. Чтение любых журналов и газет полностью

¹ РГИА. Ф. 1405. Оп. 535. Д. 73. Л. 2–5.

² РГИА. Ф. 1409. Оп. 3. Д. 7373. Л. 216.

³ ГАКО. Ф. 795. Оп. 1. Д. 25. Л. 36.

⁴ ГАКО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 3231. Л. 2–37.

воспрещалось. Читать можно было книги «...исключительно серьёзного и научного содержания»¹. Причём и эти книги обязательно просматривали чины жандармерии или прокурорского надзора. Так, например, после изучения полученной в 1902 г. литературы на имя политического арестованного В. Шекуна прокурор Курского окружного суда уведомлял начальника КГЖУ: «Имею честь препроводить при сем Вашему Высокоблагородию на распоряжение пять книг, в особо опечатанном тюке, полученном с почты на имя политического арестованного В. Шекуна»². Примечательно, что политические арестанты буквально отстаивали своё право на чтение, в связи с чем подавали прошения в тюремную администрацию³.

Политические арестанты могли заниматься каким-либо ремеслом, но без использования инструментов, которыми можно нанести человеку увечья, раны. Разрешение на свидание выдавалось только чинами жандармерии и прокурорского надзора. При этом преступники сами нередко подавали прошения на дозволение свиданий, особо с близкими родственниками.

Все политические арестанты обязаны были сами поддерживать чистоту в занимаемых ими камерах, убирать постель, выметать комнату, мыть посуду, наряды в помощь преступников не дозволялись. Смотрители тюрьмы и все прочие подчинённые обязаны были соблюдать в отношении политических арестантов спокойствие, строгость и беспристрастность. Как сообщали некоторые заключенные, условия жизни в тюрьме для здоровья были «угнетающими», а никакое лечение было «при тюремных условиях» невозможно⁴. Например, в начале 1904 г. от политического арестанта Ф.В. Сейна поступила жалоба о неоказании ему медицинской помощи в Курской тюрьме. Однако начальник тюрьмы, подполковник Черкавский, доложил в КГЖУ о том, что Сейн был освидетельствован врачом и признан совершенно здоровым. За «ослушание» и

¹ Зарубина К.А. Отбывание наказания политическими преступниками в Курской губернии во второй половине XIX – начале XX вв. // Известия Воронежского государственного педагогического университета. 2021. № 4 (293). С. 136–140.

² ГАКО. Ф. 1642. Оп. 1. Д. 165. Л. 128.

³ ГАКО. Ф. 1642. Оп. 1. Д. 165. Л. 77, 124, 161; ГАКО. Ф. 795. Оп. 1. Д. 47. Л. 1–11.

⁴ Зарубина К.А. Отбывание наказания политическими преступниками в Курской губернии во второй половине XIX – начале XX вв. // Известия Воронежского государственного педагогического университета. 2021. № 4 (293). С. 136–140; ГАКО. Ф. 1642. Оп. 1. Д. 165. Л. 168.

«дерзкое» поведение заключён в карцер. Впоследствии был переведён из Курской во Льговскую тюрьму¹.

Как сообщало Министерство Юстиции прокурору Харьковской судебной палаты, начальникам арестных помещений в 1903 г. было предоставлено право подвергать содержащихся под стражей по делам политического характера за нарушение порядка в данных помещениях, по личному усмотрению, выговору и по соглашению с прокурорским надзором, аресту не ниже 1 недели в светлом или темном карцере, в том числе с применением к «буйствующим» в карцере надевания смирительной рубашки². Однако даже в курских тюрьмах встречались эпизоды нарушения дисциплины³. Нередко политические арестованные направляли ходатайства с просьбой об их освобождении и подчинении особому надзору полиции⁴. Особую осторожность необходимо было проявлять при разрешении вопросов об освобождении привлеченных в качестве обвиняемых лиц из-под стражи⁵.

В результате можно отметить, что порядок содержания заключенных в пенитенциарных учреждениях губернии также был достаточно суровым. При этом основная цель применяемых в отношении политических преступников наказаний, мер пресечения сводилась к максимальной изоляции правонарушителя и исключения его контактов с «внешним миром».

Если для исполнения наказания преступника «переправляли» в исправительное учреждение, находящееся в другом регионе, лицо, ответственное за «переправку», надлежащим образом инструктировали. По окончании «переправления» политических арестантов назначенному должностному лицу выдавали квитанцию по установленной форме с отметкой, подписью и печатью соответствующего губернского жандармского управления⁶. Перед отправкой политического арестанта в местное жандармское управление телеграфом также

¹ ГАКО. Ф. 1642. Оп. 1. Д. 227. Л. 73.

² Зарубина К.А. Отбывание наказания политическими преступниками в Курской губернии во второй половине XIX – начале XX вв. // Известия Воронежского государственного педагогического университета. 2021. № 4 (293). С. 136–140; ГАКО. Ф. 795. Оп. 1. Д. 50. Л. 3.

³ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 98. Д. 1. Ч. 41. Л. Б. Л. 1–5.

⁴ ГАКО. Ф. 1642. Оп. 1. Д. 165. Л. 155.

⁵ ГАКО. Ф. 795. Оп. 1. Д. 50. Л. 1; ГАКО. Ф. 801. Оп. 1. Д. 96. Л. 3.

⁶ ГАКО. Ф. 1642. Оп. 1. Д. 121. Л. 6.

направляли соответствующее уведомление, например, с таким текстом: «Сегодня вечером отправляется арестованный в г. Санкт-Петербург, прошу принять вокзал». Вещи, находящиеся при политических арестантах, фиксировались в описи¹.

При этом стоит подчеркнуть, что «передвижение» политических преступников через территорию Курской губернии, ввиду особо удобного территориального положения, осуществлялось достаточно активно. У КГЖУ были хорошо налажены связи с Воронежской, Харьковской, даже Томской, Архангельской, Иркутской и другими губерниями². Чаще всего арестованных направляли через Курскую губернию из Киева в Москву, Орёл, Санкт-Петербург; из Харькова в Юрьев, Санкт-Петербург, Москву³ и т.д.

Подводя итог вышесказанному, можно заключить, что процесс рассмотрения дел политического характера начинался расследованием, производимым чаще всего в форме дознания сотрудниками КГЖУ под надзором прокуратуры, и заканчивался вынесением приговора. Дознание, и без того фактически определяющее дальнейший «ход дела», его «судьбу», в начале XX вв. было приравнено к предварительному следствию, местные жандармы стали полноценными участниками уголовного процесса, вместе с тем не обладая необходимой юридической квалификацией. При этом дела политического характера часто разрешались внесудебным порядком, оставались без рассмотрения ввиду отсутствия признаков государственного преступления, что свидетельствует о малозначительности совершаемых в регионе противоправных деяний политического характера. Наиболее распространённое в связи с этим наказание, применяемое в отношении политических преступников, – лишение свободы, сопряжённое с максимальной изоляцией заключённого не только от «внешнего мира», но и от других правонарушителей, содержащихся в тех же исправительных учреждениях.

¹ ГАКО. Ф. 1642. Оп. 1. Д. 148. Л. 25; ГАКО. Ф. 1642. Оп. 1. Д. 164. Л. 34.

² ГАКО. Ф. 1642. Оп. 1. Д. 230. Л. 1–73.

³ ГАКО. Ф. 1642. Оп. 1. Д. 164. Л. 107, 109, 115, 144, 166, 202, 275.

Таким образом, с целью осуществления контроля за развитием революционной ситуации основные функции по противодействию политической преступности возлагались на местную жандармерию. В должностные обязанности жандармов входили контроль за поведением опасных в политическом отношении лиц, ведение розыска «потенциальных» и «реальных» политических преступников, наблюдение за общественно-политическими настроениями населения, производство дознаний по делам политического характера, информирование вышестоящих органов о беспорядках, происходящих в регионе, конвоирование политических арестантов, надзор за подозрительными лицами, проезжающими через территорию губернии, осуществление иных служебных поручений. Дела политического характера чаще всего разрешались административным порядком или оставались без рассмотрения ввиду отсутствия признаков государственного преступления. Однако, несмотря на малозначительность деяний, совершаемых политическими преступниками Курской губернии, недостатки в организации работы жандармерии, выраженные в излишнем формализме, недостаточной квалификации и без того малочисленного кадрового состава, отсутствии отлаженной системы взаимодействия жандармов с местной полицией, прокуратурой, не позволили снизить общественный накал и предотвратить надвигающуюся революционную «бурю», повлекшую за собой в начале XX в. крушение самодержавия.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Разработка научной концепции политического преступления в России началась во второй половине XIX в. Исследователи по-разному определяли виды преступлений, относимых к «категории» политических, сущность политической преступности. При этом одинаково опасными признавались как посягательства на внутреннюю и внешнюю безопасность страны, так и на личность монарха (членов его семьи), отождествляемую в рассматриваемый период с государством.

Несмотря на то что в официально принятой законодательной доктрине термин «политическое преступление» практически не использовался (за исключением норм, регулирующих традицию невыдачи иностранному государству политических преступников), понятия «политическое» и «государственное» преступления в связи с активизацией оппозиционных настроений в обществе во второй половине XIX – начале XX вв. в России отождествляли. Под политическим (государственным) преступлением понимали запрещённое законом деяние, представляющее опасность для существующего государственного строя и порядка управления и трактуемое верховной властью как деяние, совершенное по политическим мотивам.

В советский период под преступлениями политического характера научное сообщество понимало общественно опасные посягательства не только против политических, но и экономических основ социалистического строя, поскольку именно в это время правящей партией одинаково охранялись как политические, так и экономические устои государства.

На современном этапе наблюдается многообразие трактовок определения понятия политического преступления, что обусловлено демократизацией всех сфер жизни общества. В результате этого можно заключить, что определение понятия «политическое преступление» научным сообществом давалось в зависимости от официально принятого государственного курса, «вкусных» предпочтений «правлящей элиты».

Специфика государственной политики в сфере противодействия политической преступности во второй половине XIX – начале XX в. отражалась в нормах действующего в рассматриваемый период законодательства. Отношения по привлечению государственных (политических) преступников к уголовной ответственности регулировались, в первую очередь, Уложениями о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. и 1885 г., законом о противозаконных сообществах 1867 г., законом «О наказаниях за составление противозаконных сообществ и участие в оных» 1874 г., Положением о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия 1881 г., Уголовным уложением 1903 г., а также рядом иных нормативных правовых актов.

Принятие законов, расширяющих содержание понятия политического преступления, ужесточающих наказания за совершение преступлений политического характера в России в исследуемый период, являлось прямым следствием активизации в стране общественно-политических движений. При этом трансформацию отечественного уголовного законодательства можно рассматривать как индикатор развития политической преступности.

Основные причины распространения политической преступности в Курской губернии, как типичной российской провинции, в исследуемый период были обусловлены социальным составом региона. Если многочисленное крестьянство проявляло политическую активность, в первую очередь, в связи с нерешённым аграрным вопросом, низким уровнем жизни, то рабочих интересовали тяжёлые условия труда, а также, как и студенчество, – необходимость обеспечения представительства населения в высших органах государственной власти (политические вопросы). Социальный состав населения губернии определял и структуру политической преступности в регионе.

К наиболее распространённым политическим преступлениям относились оскорбления словом или действием императора и членов его семьи, составление и распространение опасных в политическом отношении письменных или печатных изображений или сочинений, участие в общественно опасных объединениях и выступлениях политического характера. Преобладали «пассивные», имеющие

низкую степень общественной опасности формы сопротивления действующей власти (оскорбления императора и членов императорской семьи – чаще всего совершаемые многочисленным крестьянством). Среди «активных» форм сопротивления выделялись агитационно-пропагандистская деятельность политического характера и участие в запрещённых объединениях, выступлениях, свойственных, в первую очередь, малочисленному студенчеству и рабочим. Иные социальные группы проявляли незначительную политическую активность. При этом не смотря на малозначительность совершаемых деяний наблюдался стабильный рост числа преступлений политического свойства.

За политической ситуацией в Курской губернии следили чины жандармерии, прокуратуры, полиции, губернская администрация. Главенствующее положение в деле противодействия развития политической преступности занимало КГЖУ с подразделениями. В должностные обязанности жандармов входили: контроль за поведением опасных в политическом отношении лиц, ведение розыска «потенциальных» и «реальных» политических преступников, наблюдение за общественно-политическими настроениями населения, производство дознаний по делам политического характера, информирование вышестоящих органов о беспорядках, происходящих в регионе, конвоирование политических арестантов, надзор за подозрительными лицами, проезжающими через территорию губернии, осуществление иных служебных поручений. Однако недостаточная оперативность, излишний формализм и бюрократизм в осуществлении должностных обязанностей в условиях надвигающейся революции привели к низкой эффективности реализации мероприятий по противодействию политической преступности.

Меры борьбы с этим опасным социальным явлением не успевали за меняющимися социально-экономическими, политическими условиями и к началу первой русской революции обнаружили свою безрезультативность, в связи с чем политическая ситуация как в стране в целом, так и в Курской губернии в частности, обострившись до предела, привела к системному общенациональному кризису.

Результативность расследования дел политического характера определялась эффективностью порядка привлечения политических преступников в рассматриваемый период к ответственности. Разрешение дел политического характера происходило как судебным, так и внесудебным (административным) порядком. В Курской губернии во второй половине XIX – начале XX вв. чаще всего прибегали именно к последнему «варианту», поскольку действительно серьёзных правонарушений, имеющих существенный общественный резонанс, в Курском регионе практически не происходило. Часть дел оставалась без рассмотрения ввиду отсутствия признаков государственного преступления, что также указывало на малозначительность совершаемых в губернии противоправных деяний политического характера. Ввиду незначительности совершаемых правонарушений политические преступники Курской губернии, как правило, несли мягкие наказания. Привычной мерой государственного принуждения было лишение свободы, производимой с максимальной изоляцией лица не только от «внешнего мира», но и от других заключённых. Это было необходимо для пресечения дальнейшего распространения оппозиционных политических идей среди населения. С этой же целью опасных в политическом отношении лиц высылали из крупных густонаселённых городов, подчиняли гласному надзору полиции.

Таким образом, в Курской губернии, как типичной российской провинции, во второй половине XIX – начале XX вв. политическая преступность активно развивалась. По мере роста общественных недовольств реализуемым в государстве социально-экономическим и политическим курсом росла и политическая преступность, пусть проявляющаяся чаще всего в «пассивной» форме сопротивления действующей власти. При этом с приближением первой русской революции отмечалось более активное выражение оппозиционных мыслей среди населения. Однако действия верховной власти по борьбе с этим опасным социальным явлением (в том числе наиболее серьёзными государственными преступлениями – восстаниями, бунтами, стачками и т.п.) на деле демонстрировали недостаточную эффективность, поскольку внутренняя

политика в России в исследуемый период не отличалась гибкостью, а меры противодействия политической преступности – оперативностью и результативностью. «Тревожные сигналы», поступающие «снизу», «наверху» не были вовремя расценены, и даже репрессивные методы воздействия на население не привели к «успокоению» общества, вследствие чего Россию в начале XX в. потрясли революции, итогом которых стало крушение самодержавия и утверждение новой формы правления.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

ОПУБЛИКОВАННЫЕ ДОКУМЕНТЫ И МАТЕРИАЛЫ

Постановления, приказы, декреты, законы и соглашения

1. Артикул воинский 1715 г. – URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Text/articul.htm> (дата обращения: 13.12.2020).
2. Высочайше именной, данный Управляющему министерством Внутренних дел, Графу Кочубею «О уничтожении Массонских лож и всяких тайных обществ» от 1 августа 1822 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое. – 1830. – Т. 38. – С. 579–580. – Ст. 29151.
3. Высочайше ратифицированная конвенция о взаимной выдаче преступников, заключённая между Россией и Италией от 14 мая 1871 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. – 1874. – Т. 46. – С. 574–576. – Ст. 49600.
4. Высочайше утверждённое мнение Государственного Совета «О наказаниях за составление противозаконных сообществ и участие в оных» от 4 июня 1874 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. – 1876. – Т. 49. – С. 852–853. – Ст. 52606.
5. Высочайше утверждённое мнение государственного Совета «О некоторых изменениях в порядке производства по делам о преступных деяниях государственных и о применении к оным постановлений нового Уголовного Уложения» от 7 июня 1904 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. – 1907. – Т. 24. – С. 658–660. – Ст. 24732.
6. Высочайше утверждённое мнение Государственного Совета «О противозаконных сообществах» от 27 марта 1867 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. – 1871. – Т. 42. – С. 329–330. – Ст. 44402.
7. Высочайше утверждённое положение о Корпусе Жандармов от 1 июля 1837 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. – 1837. – Т. 11. – С. 772–781. – Ст. 9355.

8. Высочайше утверждённое Положение о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия от 14 августа 1881 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. – 1885. – Т. 1. – С. 261–266. – Ст. 550.

9. Именной, данный Управляющему Главным Штабом «Об учреждении пяти округов Жандармского Корпуса» от 28 апреля 1827 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. – 1830. – Т. 2. – С. 396–397. – Ст. 1062.

10. Новое Уголовное уложение, Высочайше утверждённое 22 марта 1903 г. с приложением Алфавитного указателя. – СПб.: Изд. Каменноостровского юрид. кн. магазина В.П. Анисимова, 1903. – 229 с.

11. Положение о мерах к охранению государственного порядка и общественного спокойствия 1881 г. // Музей истории российских реформ имени П.А. Столыпина. – URL: <http://museumreforms.ru/load-document/nojs/13672> (дата обращения: 03.03.2020).

12. Постановления, относящиеся к действиям губернских правлений и уездных начальников. Ведомство внутренних дел. – Варшава, 1867. – Т. 1, ч. 2. – 224 с.

13. Свод законов Российской империи [издание 1876 – 1917 гг.]. – СПб.: [Б. и., 1876 – 1917]. – Кн. 5, Т. XIV – XV. – 267 с.

14. Соборное уложение 1649 года. – Л.: Изд-во «Наука», Ленинград. отдел., 1987. – 448 с.

15. Уголовное уложение, Высочайше утверждённое 22 марта 1903 года. – СПб.: Изд. Каменноостровского юрид. кн. магазина В.П. Анисимова, 1903. – 144 с.

16. Указ императора Александра II от 28 апреля 1869 г. «Об упразднении в некоторых губерниях должностей уездного и губернского прокурорского надзора» // Рустрана: сайт. – URL: <http://рустрана.рф/16613/UKAZ-IMPERATORA-ALEKSANDRA-II-ot-28-aprelya-1869-goda> (дата обращения: 17.08.2021).

17. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года // Музей истории российских реформ имени П.А. Столыпина. – URL: <http://музейреформ.рф/node/13654> (дата обращения: 14.07.2020).

18. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1885 г. / Издано Н.С. Таганцевым. –Изд. 7, пересм. и доп. – СПб., 1892. – С. 209 – 212.

19. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1885 года / Издано профессором императорского училища правоведения, почетным членом университета Св. Владимира Н.С. Таганцевым. Изд. 5 (доп.). – СПб.: Типография М.М. Стасюлевича, 1886. – 714 с.

20. Устав уголовного судопроизводства от 20 ноября 1864 г. // Гарант: сайт. – URL:<https://constitution.garant.ru/history/act1600> – 1918/3137/ (дата обращения: 03.02.2020).

21. Учреждение судебных следователей // Студопедия: сайт. – URL: https://studref.com/452401/pravo/uchrezhdenie_sudebnyh_sledovateley_iyunya_i860 (дата обращения: 07.07.2020).

МАТЕРИАЛЫ АРХИВОВ

Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ)

22. ГАРФ. Ф. 94. (Верховная распорядительная комиссия по охранению государственного порядка и общественного спокойствия). – Оп. 1. Д. 278.

23. ГАРФ. Ф. 102. (Департамент полиции Министерства внутренних дел). – Оп. 44. Д. 221, ч. 22; Оп. 77. Д. 126; Оп. 78. Д. 11, ч. 23; Оп. 84. Д. 57, ч. 1; Оп. 98. Д. 1, ч. 41. Л. А., Б.; Оп. 103. Д. 1, ч. 50. Л. Б.; Оп. 145. Д. 1414; Оп. 230. Д. 360, ч. 7.

24. ГАРФ. Ф. 110. (Штаб Отдельного Корпуса жандармов). – Оп. 6. Д. 585; Оп. 5. Д. 300; Оп. 21. Д. 222.

25. ГАРФ. Ф. 124. (Уголовные отделения первого Департамента Министерства юстиции). – Оп. 4. Д. 284; Оп. 6. Д. 295, 311, 341; Оп. 10. Д. 272,

422, 425, 426, 427, 747; Оп. 11. Д. 183, 1118, 1119, 1120, 1124; Оп. 15. Д. 63, 90, 91, 116, 148, 165, 451, 532, 581, 657; Оп. 16. Д. 13.

26. ГАРФ. Ф. 1727. (Судебный отдел (по дознаниям о государственных преступлениях) Департамента полиции Министерства внутренних дел). – Оп. 1. Д. 23.

Российский государственный исторический архив (РГИА)

27. РГИА. Ф. 733. (Департамент народного просвещения). – Оп. 191. Д. 1815.

28. РГИА. Ф. 802. (Учебный комитет при Синоде). – Оп. 10. Д. 52.

29. РГИА. Ф. 1405. (Министерство юстиции). – Оп. 535. Д. 73, 85.

30. РГИА. Ф. 1409. (Собственная Его Императорского Величества Канцелярия). – Оп. 3. Д. 7373, 7427, 8197, 8396.

31. РГИА. Ф. 1410. (Вещественные доказательства по делам Министерства юстиции). – Оп. 3. Д. 976, 977.

32. РГИА. Ф. 1284. (Департамент общих дел МВД). – Оп. 35. Д. 3.

33. РГИА. Ф. 1286. (Департамент полиции исполнительной МВД). – Оп. 14. Д. 980; Оп. 16. Д. 387е; Оп. 25. Д. 1077; Оп. 33. Д. 1551; Оп. 40. Д. 358; Оп. 50. Д. 52, 56, 131, 137, 317, 323, 513.

Государственный архив Курской области (ГАКО)

34. ГАКО. Ф. 1 (Канцелярия курского губернатора). – Оп. 1. Д. 304, 380, 410, 426, 820, 1112, 1922, 3006, 3143, 3231, 3444, 3457, 3467, 3488, 3492, 3498, 3508, 3537, 3552, 3554, 3556, 3579, 3588, 3589, 3591, 3608, 3617, 3624, 3804, 3807, 3830, 3864, 3928, 3945, 3960, 3988, 4009, 4010, 4021, 4046, 9671, 9895.

35. ГАКО. Ф. 32 (Курский окружной суд). – Оп. 1. Д. 78, 79, 80, 81, 132, 254, 258, 520.

36. ГАКО. Ф. 795 (Прокурор Курского окружного суда). – Оп. 1. Д. 23, 25, 28, 29, 32, 37, 40, 41, 44, 46, 47, 50, 51, 52, 53, 54, 55, 56, 57, 58, 59, 60.

37. ГАКО. Ф. 801 (Товарищи прокурора Курского окружного суда). – Оп. 1. Д. 17, 44, 96, 97.

38. ГАКО. Ф. 1642 (Курское губернское жандармское управление). – Оп. 1 Д. 2, 3, 4, 6, 7, 8, 9, 12, 13, 14, 15, 16, 17, 19, 21, 23, 24, 25, 26, 27, 28, 29, 30, 31, 32, 33, 34, 35, 36, 37, 38, 39, 40, 41, 42, 43, 44, 45, 48, 51, 121, 122, 123, 124, 130, 133, 135, 136, 139, 140, 141, 142, 143, 145, 148, 149, 151, 160, 162, 164, 165, 166, 180, 181, 212, 219, 225, 227, 228, 229, 230, 231, 777, 790; Оп. 2. Д. 1, 12, 13, 14, 15, 16, 17, 18, 19, 20, 21, 22, 23, 24, 38, 69.

39. ГАКО. Ф. 1663 (Помощники начальника Курского губернского жандармского управления в Курском, Обоянском, Щигровском, Путивльском, Рыльском и Суджанском уездах). – Оп. 1. Д. 1, 2, 3, 5, 6, 7, 8, 9.

КНИГИ, МОНОГРАФИИ, НАУЧНЫЕ СТАТЬИ

40. Анисимов, Е.В. Дыба и кнут: политический сыск и русское общество в XVIII веке / Е.В. Анисимов. – М.: Новое литературное обозрение, 1999. – 719 с.

41. Арсеньев, А.В. Старинные дела об оскорблении величества. Очерки из нравов XVIII века. 1701 – 794 гг. / А.В. Арсеньев // Исторический вестник. – 1884. – Т. 4. – С. 578– 601, 822–838.

42. Арсеньева, Г.В. Ответственность за государственную измену в Российской империи: теоретические разработки, законодательное оформление (сер. XIX – нач. XX вв.) / Г.В. Арсеньева // Юридическая практика, теория права. Гуманитарные исследования. – 2012. – № 3 (43). – С. 196–201.

43. Арсеньева, Г.В. Система государственных преступлений по Уголовному уложению 1903 г. / Г.В. Арсеньева // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2012. – № 9 (23). – С. 26–28.

44. Археографический ежегодник за 1978 год. – М.: Изд-во Академии наук СССР, 1979. – 371 с.

45. Беленцов, С.И. Ученическое движение в России (вторая половина XIX – начало XX века) / С.И. Беленцов. – СПб.: Нестор – История, 2013. – 184 с.

46. Белогриц-Котляревский, Л.С. Краткий курс уголовного права / Л.С. Белогриц-Котляревский. – Киев: Петр Барский, 1908. – 256 с.
47. Беляев, В.П. Прокурорский надзор в России: историко-теоретический очерк / В.П. Беляев. – Белгород: Кооператив. образование, 2001. – 187 с.
48. Бильбасов, В. А. Шлиссельбургская нелепа / В.А. Бильбасов // Исторический вестник. –1888. – Т. 32, № 5. – 744 с.
49. Богомолов, С.Ю. Гносеологические основы становления и развития уголовной политики России в области противодействия терроризму и его финансированию в досоветской России / С.Ю. Богомолов // Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2016. – № 4 (36). – С. 310.
50. Боленко, К.Г. Верховный уголовный суд в проектах реформ и законодательстве второй половины 1820-х – 1830-х годов/ К.Г. Боленко // История и историческая память. – 2012. – № 5. – С. 102–117.
51. Большая Энциклопедия. Словарь общедоступных сведений по всем отраслям знаний. Т. 7: Глаз. М.: ДиректМедиа, 2013. – 841 с.
52. Борисов, А.А. Три века российской полиции. / А.А. Борисов. – М.: Рипол Классик, 2016. – 605 с.
53. Бородина, М.И. Отечественное законодательство о закреплении государственной измены и шпионажа, как преступлений против государства в период до 1917 г / М.И. Бородина // Вестник ТГУ. – 2014. – № 5 (133). – С. 23–25.
54. Бурдина, Е. Н. Политические настроения и социальное поведение крестьянской бедноты Западной Сибири в первые годы советской власти / Е.Н. Бурдина // Известия АлтГУ. – 2018. – № 2 (100). – 32–40.
55. Ведомость дознаниям о государственных преступлениях, производившихся в жандармских управлениях империи за время... [Вып. 1]: с 1-го июля по 1-е октября 1881 года / [Деп. полиции]. – [Б. и.]. – 62 с.
56. Ведомость дознаниям о государственных преступлениях, производившихся в жандармских управлениях империи за время... [Вып. 2]: с 1 октября 1881 по 1 января 1882 года / [Деп. полиции]. – [Б. и.]. – 32 с.

57. Ведомость дознаниям, производившимся в жандармских управлениях по государственным преступлениям за время... [Вып.] 14: с 1-го января 1889-го года по 1-е января 1890-го года / [Деп. полиции]. – [Б. и., 1890]. – 77 с.
58. Ведомость дознаниям, производившимся жандармскими управлениями по государственным преступлениям за... [Вып.] 17: 1892 и 1893 годы / [Деп. полиции]. – [Б. и., 1893]. – 161 с.
59. Владимирский-Буданов, М. Ф. Обзор истории русского права / М.Ф. Владимирский-Буданов. – М.: Издат. дом «Территория будущего», 2005. – 800 с.
60. Владимирский-Буданов, М.Ф. Обзор истории русского права / М.Ф. Владимирский-Буданов. – Ростов н/Д: Феникс, 1995. – С. 344–347.
61. Волобуев, О.В. История политических партий периода первой российской революции в новейшей советской литературе / О.В. Волобуев [и др.] // Вопросы истории. – 1985. – № 7. – С. 52–67.
62. Волобуев, О.В. История политических партий России 1907-1914 гг. в советской историографии / О.В. Волобуев [и др.] // Вопросы истории. – 1989. – № 4. – С. 147–161.
63. Воробьев, А.С. Институт государственных преступлений в период действия Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г.: проблематика определения его рамок и содержания/ А.С. Воробьев // Актуальные проблемы российского права. – 2017. – № 8 (81). – С. 11–15.
64. Воробьев, А.С. Специфические методы правовых изменений и построения правовых механизмов на примере редакции 1885 г. Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. / А.С. Воробьев // Актуальные проблемы российского права. – 2016. – № 8(69). – С. 30–34.
65. Гаджиева, А.А. Политическая преступность в современной России и проблемы ее предупреждения /А.А. Гаджиева // Пробелы в российском законодательстве. – 2017. – № 7. – С. 17–21.
66. Георгиевский, Э.В. Совместное совершение преступления в уголовном законодательстве России эпохи абсолютной монархии (часть 1) / Э.В.

Георгиевский, Р.В. Кравцов // Сибирский юридический вестник. – 2018. – № 2. – С. 76–79.

67. Гернет, М.Н. История царской тюрьмы: в 5 т. / М.Н. Гернет. – М.: Госюриздат, 1961. – Т. 3. – 430 с.

68. Гернет, М.Н. История царской тюрьмы: 1900 – 1917: в 5 т. / М.Н. Гернет. – М.: Госюриздат, 1962. – Т. 4. – 302 с.

69. Глинский, Б.Б. Отдельные эпизоды агентурной деятельности Департамента полиции в 80-е годы / Б.Б. Глинский // Исторический вестник. – 1912. – Т. 127, № 2. – С. 667–690.

70. Глинский, Б.Б. Революционный период русской истории (1861—1881 гг.) / Б.Б. Глинский // Исторические очерки. – СПб, 1913. – № 4. – С. 1–2.

71. Горяйнов, В.М. Офицеры и корпус жандармов Российской империи / В.М. Горяйнов // Ученые записки: электронный научный журнал Курского государственного университета. – 2016. – № 2 (38). – С. 20–25.

72. Государство российское: власть и общество. С древнейших времен до наших дней. Сборник документов / под ред. Ю.С. Кукушкина. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1996. – С. 233–235.

73. Гредескул, Н.А. Террор и охрана (1864 – конец 1930-х) / Н.А. Гредескул. – СПб.: Тип. т-ва «Обществ. польза», 1912. – С. 9.

74. Григорьев, О.В. Артикул воинский и «краткое изображение процессов и судебных тяжб» как основа отправления правосудия в русской армии в XVIII в / О.В. Григорьев // ИСОМ. – 2018. – № 1. – С. 28–39.

75. Гугасари, Е.С. Особенности квалификации преступлений террористического характера по уголовному Уложению 1903 года / Е.С. Гугасари // Человек: преступление и наказание. – 2013. – № 2. – С. 97–100.

76. Гугасари, Е.С. Ответственность за преступления террористического характера по уголовному законодательству Российской империи XIX в / Е.С. Гугасари // Вестник Томск. гос. ун-та. Право. – 2013. – № 3 (9). – С. 9–13.

77. Данилевский, Н.Я. Россия и Европа / Н.Я. Данилевский. – СПб.: Издание товарищества «Общественная польза», 1871. – 542 с.

78. Дьяков, С.В. Ответственность за государственные преступления / С.В. Дьяков, А.А. Игнатъев, М.П. Карпушин. – М.: Юрид. лит., 1988. – 224 с.
79. Евдокимова, А.Г. Социальный портрет различных слоёв населения Курской губернии в условиях революции 1905 года / А.Г. Евдокимова // Известия Юго-Западного государственного университета. – URL: http://history.swsu.ru/izvestiya/3_2016/social_protest.php (дата обращения: 26.08.2021).
80. Евсеев, А.П. Политическая юстиция: сущность, генезис, эволюция // Вестник СПбГУ. Серия 14. Право. – 2020. – №1. – С. 239–259.
81. Егошин, О.А. Виды наказаний в отношении военнослужащих и их применение в эпоху Петра I / О.А. Егошин // Марийский юридический вестник. – 2009. – № 7. – С. 44–56.
82. Есипов, Г.В. Тяжелая память прошлого. Рассказы из дел Тайной канцелярии и других архивов / Г.В. Есипов – СПб.: Издание А.С. Суворина, 1885. – 381 с.
83. Ефименко, И.А. Составы политических преступлений в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г / И.А. Ефименко // Общество и право. – 2010. – № 4 (31). – С. 55–60.
84. Жуков, В.И. Политическая юстиция: социология права и бесправия / В.И. Жуков // Образование и право. – 2018. – №9. – С. 67–76.
85. Заварзин, П.П. Жандармы и революционеры. Воспоминания / П.П. Заварзин. – Париж, 1930. – 256 с.
86. Зайончковский, П.А. Российское самодержавие в конце XIX столетия: (Политическая реакция 80-х – начала 90-х годов) / П.А. Зайончковский. – М.: Мысль, 1970. – 442 с.
87. Зайончковский, П.А. Крестьянское движение в России в 1870 – 1880 гг.: сборник документов / П.А. Зайончковский, Э.С. Паина. – М.: Изд-во «Наука», 1968. – 612 с.
88. Законодательство императрицы Анны Иоанновны. – М., 2009. – 238 с.

89. Земляков, А.В. Уголовное уложение 1903 года о государственных преступлениях, наказываемых ссылкой на поселение / А.В. Земляков // ОНВ. – 2002. – № 21. – С. 34–38.

90. Зибер, Н.И. Суд и государственные преступления // Юридический вестник. – 1880. – Т. V. – С. 323–357.

91. Зорин, А.В. Криминология политической преступности как частная криминологическая теория / А.В. Зорин // Всероссийский криминологический журнал. – 2012. – № 1. – С. 88–93.

92. Зорин, А.В. Политическая преступность как историко-правовое явление / А.В. Зорин // Общество и право. – 2011. – № 5 (37). – С. 195–202.

93. Иванов, А.А. Уголовное законодательство конца XIX века, как основа применения политической ссылки в Сибирь / А.А. Иванов // Известия Иркутской государственной экономической академии: электронный научный журнал. – 2011. – № 6. – С. 81.

94. Из истории Курского края. Сборник документов и материалов / отд. школ Курского обкома КПСС. Архивный отд. Исполкома Курского обл. Совета депутатов трудящихся. Гос. архив Курской обл.; введ. П. Иванова. сост.: Ф.Ф. Лаппо, В.Г. Плющев, С.Г. Поскребышева, А.С. Травина. – Воронеж, 1965. – 408 с.

95. История МВД России 1802 – 1917 гг. // МВД РФ: сайт. – URL: https://xn--b1aew.xn--p1ai/history/1802_1917 (дата обращения: 01.06.2021).

96. История политических партий Центрального Черноземья / Г.А. Чурилова, В.Ю. Байбаков, Н.Л. Авилова [и др.], под ред. Л.С. Полнера; Гос. ком. Рос. Федерации по высш. образованию. – Курск, 1995. – 212 с.

97. Кабанов, П.А. Политическая преступность в России: взгляд в прошлое без прогноза на будущее / П.А. Кабанов // Российский юридический журнал. – 2008. – № 3. – С. 84–90.

98. Кабанов, П.А. Российская политическая преступность начала XXI века: криминологический анализ статистических показателей / П.А. Кабанов // Российский криминологический взгляд. – 2011. – № 2. – С. 186–191.

99. Казанцев, С.М. Прокурорский надзор за органами дознания и следствия по политическим делам в России во второй половине XIX века / С.М. Казанцев // Государственный строй и политико-правовые идеи России второй половины XIX столетия. – Воронеж, 1987. – С. 114–123.

100. Катцер, Н. Николай I / Н. Катцер // Русские цари. 1547 – 1917 / пер. с нем. – Ростов н/Д, 1997. – С. 397–435.

101. Каутский, К. Генезис политических преступлений /К. Каутский // Проблемы марксизма. Сборник второй: Проблемы преступности / под ред. и с предисл. Я.С. Розанова. – Киев, 1924. – С. 43–57.

102. Квасов, О.Н. Структурные субъекты российского революционного терроризма начала XX века / О.Н. Квасов // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2009. – № 2. – С. 214–218.

103. Квасов, О.Н. Террористический компонент социально-политических процессов в Курской губернии начала XX века / О.Н. Квасов // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. – 2011. – № 19 (114). – С. 165–172.

104. Киреев, В.В. Формирования новой системы права при Петре I / В.В. Киреев // Ученые записки Тамбовского отделения РoСМУ. – 2017. – № 7. – С. 91–95.

105. Кистяковский, Б.А. В защиту права (о задачах нашей интеллигенции) / Б.А. Кистяковский // Власть и право. Из истории русской правовой мысли. – Л. 1990. – С. 193.

106. Ковалев, К.С. Развитие военно-уголовного законодательства: от Петра I до Александра I / К.С. Ковалев // Общество: философия, история, культура. – 2016. – № 6. – С. 25–29.

107. Комаровский, Л.Л. Работа института международного права по вопросу о выдаче преступников / Л.Л. Комаровский // Русская мысль. – 1884. – № 1. – С. 53.

108. Коновалова, Н. А. Об изучении проблемы оскорбления крестьянами особы государя императора в начале XX века / Н.А. Коновалова // Вестник ОмГУ. – 2014. – № 1 (71). – С. 42–47.

109. Кононов, Ю.В. Пенитенциарные учреждения Курской губернии в конце XIX – начале XX века / Ю.В. Кононов // Летопись Белогорья. – URL: <https://belstory.ru/goroda/grayvoron/penitentsiarne-utchrezhdeniya-kurskoj-gubernii-vkontse-19-natchale-20-veka.html> (дата обращения: 13.07.2020).

110. Корсаков, Д.А. Степан Иванович Шешковский (1727 – 1794) / Д.А. Корсаков // Исторический вестник. – 1885. – Т. 22. – С. 656–687.

111. Косихина, И.Г. Общественно – культурные организации в губернском городе конца XIX – начала XX вв. (на примере Курска) / И.Г. Косихина // Культура городов Российской империи на рубеже XIX – XX веков (Материалы международного коллоквиума, СПб., 14 – 17 июня, 2004 г.). – СПб.: Изд-во «Европейский Дом», 2009. – С. 401–413.

112. Краковский, К. П. Государственные и политические преступления (к вопросу о понятиях) / К.П. Краковский // Северо-Кавказский юридический вестник. – 2009. – № 1. – С. 27–33.

113. Краковский, К.П. Суд и политика (юстиция в условиях авторитарных режимов) // / К.П. Краковский // Гражданское общество и правовое государство как факторы модернизации российской правовой системы. Матер. межд. науч.-теор. конф. СПб, 11-12 дек. 2009. – Ч. I. – СПб, 2009. – С. 358–363.

114. Краковский, К.П. Метаморфозы «политической юстиции» в России (II половина XIX- начало XX вв.) / К.П. Краковский // Ученые записки юридического факультета РГУ. Сборник научных трудов. Вып. 5. – Ростов н/Д.: Изд-во «Проф-Пресс», 2005. – С.104–124.

115. Краковский, К.П. Перестройка политической юстиции в России на рубеже XIX-XX вв. / К.П. Краковский // Известия вузов. Правоведение. – 1996. – № 2. – С.116–123.

116. Краковский, К.П. Политическая юстиция в России в начале XX в. (по материалам политических процессов на Дону). / Краковский К.П. – Ростов н/Д: Изд-во ЮФУ, 2008. – 463 с.

117. Краковский, К.П. Политическая юстиция в России во второй половине XIX - начале XX в.: монография / Краковский К.П. – Москва: Юрист, 2012. – 733 с.

118. Краковский, К.П. Политическая юстиция: понятие и признаки / К.П. Краковский // История государства и права. – 2012. – №3. – С. 32–34.

119. Краковский, К.П. Политическое дознание во второй половине XIX – начале XX века / К.П. Краковский // Новый ракурс. – 2012. – № 5. – С. 315–344.

120. Куклин, Г.А. Итоги революционного движения в России за сорок лет: (1862-1902 гг.): сборник программ, программных статей русских революционных партий и групп и кратких очерков по истории русского революционного движения / Г.А. Куклин. – Женева: Издание Г. А. Куклина, 1903. – 685 с.

121. Курские губернские ведомости. – 1881. – № 73. – 8 с.

122. Курский край в истории Отечества / под общ. ред. Л. С. Полнера [и др.]; Гос. ком. Рос. Федерации по высш. образованию. – Курск: КГТУ, 1996. – 206 с.

123. Курский край: история и современность. – 2-е изд., перераб. и доп. – Курск: Курск, 1995. – 280 с.

124. Курцев, А. Н. Историческая социомобильность и многообразие миграций населения Центрального Черноземья в 1861 – 1917 гг. / А.Н. Курцев // Вестник РУДН. История России. – 2008. – № 3 (13). – С. 82–92.

125. Курцев, А. Н. Миграционные процессы репрессивного характера в российском населении в 1861 – 1917 гг. На примере Центрально – Черноземного региона / А.Н. Курцев // Ученые записки: электронный научный журнал Курского государственного университета. – 2011. – № 3 (19). – С. 87–102.

126. Лемке, М. Политические процессы в России 1860-х гг. (по архивным документам) / М. Лемке. – Изд. второе. – М., Пг.: Гос. изд-во, 1923. – 684 с.

127. Логачёва, Н.В. Роль подразделений Министерства внутренних дел и губернаторов в борьбе с революционным движением в Российской империи в 1870-е–1880-е гг. / Н.В. Логачёва // Вестник ПензГУ. – 2013. – № 1. – С. 34–39.

128. Локтионова, Е.А. История УИС Курской области / Е.А. Локтионова // ФСИН РФ: сайт. – URL: <http://46.fsin.gov.ru/other/istoria.php> (дата обращения: 13.07.2020).

129. Ломброзо, Ч. Политическая преступность и революция по отношению к праву, уголовной антропологии и государственной науке / Ч. Ломброзо, Р. Ляски; предисл. проф. И.А. Исаева. – СПб.: Изд-во «Юридический центр Пресс», 2003. – 474 с.

130. Лопухин, А.А. Настоящее и будущее русской полиции / А.А. Лопухин. – СПб., 1907. – С. 32–33.

131. Лохвицкий, А.В. Курс русского уголовного права / А.В. Лохвицкий // Сочинения А. Лохвицкого. – СПб.: Журн. М-ва юст., 1867. – 671 с.

132. Лунеев В.В. Политическая преступность в России: прошлое и современность / В.В. Лунеев. Общественные науки и современность. – 1999. – № 5. – С. 66–79.

133. Луппов, П.Н. Политическая ссылка в Вятский край / П. Луппов. – М.: Изд-во политкаторжан, 1933. – С. 35–39.

134. Макаревич, Э.Ф. Политический сыск: офицеры и джентльмены: История, судьбы, версии / Э.Ф. Макаревич. – М.: Алгоритм, 2002 (ОАО Можайский полигр. комб.). – 429 с.

135. Малиновский, И.А. Лекции по истории русского права / И.А. Малиновский. – Ростов н/Д: Изд-во Товарищества «Единение», 1918. – 488 с.

136. Малянтович, П.Н. Законы о политических и общественных преступлениях / П.Н. Малянтович, Н.К. Муравьев. – М., 1910. – Т. XV. – 227 с.

137. Малянтович, П.Н. Законы о политических и общественных преступлениях: практический комментарий / П.Н. Малянтович и Н.К. Муравьев; сост. при ближайшем участии Н.Н. Полянского, А.Ю. Рапопорта и И.С. Урысона. – СПб.: Юр. кн. склад «Право», 1910. – 862 с.

138. Мартене, Ф.Ф. Современное международное право цивилизованных народов / Ф.Ф. Мартене. – СПб., 1883. – Т. 2. – 432 с.
139. Мартов, Ю.О. История российской социал-демократии. [Период 1898–1907 г.] / Послесл. к 2-му изд.: В. Ежов. – 3-е изд. – Петроград; Москва: Книга, 1923. – 214 с.
140. Мартов, Ю.О. Красное знамя в России: Очерк истории русского рабочего движения / С предисл. П. Аксельрода. – Женева: Революционная организация «Социал-демократ», 1900. – 64 с.
141. Матюшов, А.М. Законодательство Российской империи об уголовной ответственности за организацию террористического общества или участие в нём / А.М. Матюшов // Вестник Томского государственного университета. – 2016. – № 407. – С. 192–195.
142. Меньщиков, Л. П. Охрана и революция: к истории тайных политических организаций, существовавших во времена самодержавия Ч. 3: [Начало XX в. Азеф, Серебрякова и прочие] / Л. Меньщиков; ред., примеч. и послесл. Я. Б. Шумяцкого. – М.: Всесоюзное общество политкаторжан и ссыльнопоселенцев, 1932. – 283 с.
143. Микшин, В.В. Разоблачение В.И. Лениным обывательской морали ликвидаторов / В.В. Микшин // Непролетарские партии России в трёх революциях. – М.: Наука, 1989. – С. 207–212.
144. Миронов, Б.Н. Социальная история России периода империи: XVIII – начало XX вв. / Б.Н. Миронов. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. – Т. 2. – 583 с.
145. На российском престоле, 1725 – 1796: монархи российские после Петра Великого / В.С. Белявский, С.И. Вдовина, И.В. Волкова. – М.: Интерпракс, 1993. – 383 с.
146. На страже порядка. Из истории органов внутренних дел Курского края / под ред. А. Н. Волкова. – Курск: ФГУИПП «Курск», 2002. – 560 с.
147. Невский, С.А. Производство дознания по военно-судебному уставу 1867 г. / С.А. Невский // Вестник экономической безопасности. – 2016. – № 5. – С. 109–111.

148. Курская губерния в годы Первой мировой войны: сборник документов и материалов / ред. кол.: В.Л. Богданов (гл. ред.) [и др.]. – Курск: ИП Афанасьева Е.А., 2018. – 520 с.

149. Мандельштам, М. Л. 1905 год в политических процессах: Записки защитника / М. Л. Мандельштам; С предисл. и ред. примеч. Н. Ф. Чужака. – М.: Всесоюз. о-во полит. каторжан и ссыльно-поселенцев, 1931. – 392 с.

150. Некоторые документы к возникновению III отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии // Исторический факультет им. М.Ю. Ломоносова: сайт. – URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Text/III/index.html> (дата обращения: 06.07.2021).

151. Непомнящая, Т.В. Назначение уголовного наказания. Теория, практика, перспективы / Т.В. Непомнящая. – СПб.: Изд-во Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2006. – 781 с.

152. Нестеров, А.В. Понятие государственной измены в уголовном законодательстве / А.В. Нестеров // Наука. Общество. Государство: электронный научный журнал. – 2017. – № 3 (19). – С. 5–15.

153. Обзор важнейших дознаний, производившихся в жандармских управлениях империи, по делам о государственных преступлениях... [Вып.] 13: с 1-го января 1888 г. по 1-е января 1889 г. / [Деп. полиции]. – [Б. и., 1889]. – 84 с.

154. Обзор Курской губернии за 1895 год. – Курск, 1896. – 82 с.

155. Обзор Курской губернии за 1897 год. – Курск: Типо-лит. губ. Правления, 1898. – 109 с.

156. Обзоры важнейших дознаний, производившихся в жандармских управлениях империи по государственным преступлениям за время... [Вып. 19–20]: за 1895 и 1896 гг. / [Деп. полиции]. – [Б. и.]. – 790 с.

157. Орлов, В. И. Студенческое движение Московского университета в XIX столетии / В.И. Орлов. – М.: Изд-во Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев, 1934. – 399 с.

158. Отрывок из книги историка Евгения Анисимова, посвященный политическим преступлениям и их формам // Постнаука: сайт. – URL: <https://postnauka.ru/longreads/97496> (дата обращения: 29.02.2020).

159. Пайпс, Р. Россия при старом режиме / Р. Пайпс; пер. с англ. В. Козловского. – М.: Захаров, 2004. – 493 с.

160. Партия социалистов-революционеров: документы и материалы (1900-1922 гг.): в 3-х т. / сост., авт. предисловия, введения, комментариев Н. Д. Ерофеев. – М.: РОССПЭН, 1996. – Т. 1. 1900-1907 гг. – 686 с.

161. Первый съезд РСДРП. Сборник документов и материалов, освещающих историю созыва и проведения съезда. // Исторические материалы. – URL: <https://istmat.org/node/50972> (дата обращения: 03.03.2023).

162. Перегудова, З.И. Политический сыск России (1880 – 1917) / З.И. Перегудова. – М.: РОССПЭН, 2000. – 430 с.

163. Петренко, Н.И. Правовое регулирование отбывания наказания в государственных тюрьмах Российской империи / Н.И. Петренко // Марийский юридический вестник. – 2012. – № 9. – С. 5–21.

164. Петрыкин, Н.Н. К вопросу о деятельности жандармерии России накануне Февральской революции (по материалам Курского губернского жандармского управления) / Н.Н. Петрыкин // ППД. – 2017. – № 2. – С. 129–132.

165. Полянский, Н.Н. Царские военные суды в борьбе с революцией 1905 – 1907 гг. / Н.Н. Полянский. – М.: МГУ, 1958. – 240 с.

166. Поспелов, П.Н. История Коммунистической партии Советского Союза: создание большевистской партии, 1883–1903 гг. / П.Н. Поспелов. – М.: Институт марксизма-ленинизма, 1967. – 723 с.

167. Пусторослев, П.П. Государственные преступления относительно Государственной Думы / П.П. Пусторослев // Вестник права. – 1906. – № 2. – С. 116.

168. Развитие русского права во второй половине XIX – начале XX века. – М.: Наука, 1997. – 366 с.

169. Романовская, В. Б. Политические преступления по уголовному Уложению 1903 года / В.Б. Романовская, С.Л. Рогов // Вестник ННГУ. – 2007. – № 3. – С. 183 – 187.

170. Российское законодательство X – XX вв. Законодательство периода становления абсолютизма: в 9 т. / отв. ред. А.Г. Маньков. – М.: Юрид. лит., 1986. – Т. 4. – 512 с.

171. Росляков, М.В. Убийство Кирова. Политические и уголовные преступления в 1930-х годах / М.В. Росляков. – Л.: Лениздат, 1991. – 125 с.

172. Рыжаков, Д.Г. Верны закону и государю: некоторые аспекты деятельности прокуратуры при расследовании государственных преступлений в России второй половины XIX – начала XX века / Д.Г. Рыжаков // Вестник ННГУ. – 2011. – № 5-1. – С. 198–204.

173. Рыжова, Ю.В. К вопросу о правовых основах регулирования деятельности политической полиции по борьбе с революционным движением в России в конце XIX – начале XX в / Ю.В. Рыжова // Труды Академии управления МВД России. – 2017. – № 4 (44). – С. 164–169.

174. Салтык, Г.А. Курская полиция на защите интересов фронта и тыла: противодействие военному шпионажу / Г.А. Салтык // Старый Курск. – URL: <http://old-kursk.ru/book/kogovin/1914-p078.html> (дата обращения: 26.08.2021)

175. Салтык, Г.А. Политический сыск в Курской губернии в начале XX вв. / Г.А. Салтык // История, теория, практика российского права. – 2019. – № 12. – С. 77.

176. Салтык, Г.А. Социально-экономическое и политическое развитие Курского края в начале XX века / Г.А. Салтык // Старый Курск. – URL: <http://old-kursk.ru/book/kk/kk014.html> (дата обращения: 30.07.2020).

177. Салтык, Г.А. «За землю и волю...» (к вопросу о неонародническом движении в Центральном Черноземье) / Г.А. Салтык // Ученые записки: электронный научный журнал Курского государственного университета. – 2007. – № 2. – С. 126–130.

178. Салтык, Г.А. «Нить по розыску бандита И.И. Голощاپова оборвалась...»: из истории борьбы курского губернского жандармского управления с революционным терроризмом в 1907 – 1917 гг. / Г.А. Салтык //

Старый Курск. – URL: <http://old-kursk.ru/book/shavelev/slt140131.html> (дата обращения: 16.08.2021).

179. Салтык. Г.А. Боролась за землю, за волю, за свободу народа: из воспоминаний «бабушки» курских революционеров Паулины Шавердо / Г.А. Салтык // Отечественные архивы. – 2002. – № 6. – С. 71–90.

180. Салтык, Г.А. Из истории борьбы губернских жандармских управлений с неонародническим движением: 1905–1916 гг. (на материалах Центрального Черноземья) / Г.А. Салтык // История государства и права. – 2002. – № 6. – С. 2–6.

181. Салтык, Г.А. Куряне в политической истории России первой четверти XX века / Г.А. Салтык // Личность, персоналии в контексте исторического развития: сб. ст. – Курск, 2008. – С. 68–74.

182. Салтык, Г.А. Народные социалисты Центрального Черноземья: история становления и деятельности (конец XIX – начало XX в.) / Г. А. Салтык // Ученые записки: электронный научный журнал Курского государственного университета. – 2010. – № 3 (15). – С. 61–67.

183. Салтык, Г.А. Неонародническое движение Черноземного Центра России: 1901 –1923 гг. / Г. А. Салтык; редкол.: А.Ю. Друговская, В.В. Зверев, В.В. Пашин [и др.]. – М.: Прометей, 2002 – 575 с.

184. Салтык, Г.А. Политическая полиция Российской империи в конце XIX – начале XX века: региональный аспект (на материалах Курской губернии) / Г.А. Салтык // Ученые записки: электронный научный журнал Курского государственного университета. – 2022. – № 1 (61). – С. 29–36.

185. Салтык, Г.А. Секретная агентура для «внутреннего наблюдения». По материалам Курского губернского жандармского управления / Г.А. Салтык // Лубянка. – 2007. – Вып. 5. – С. 42–52.

186. Салтык Г. А. Судьбы неонародников Курского края конца XIX – начала XX века: неизвестные страницы / Г.А. Салтык // Ученые записки: электронный научный журнал Курского государственного университета. – 2020. – № 4 (56). – С. 81–87.

187. Салтык, Г.А. Полиция Курской губернии: история становления и деятельности (1864–1917) / Г.А. Салтык [и др.]. – Курск: Изд-во Курск. гос. ун-та, 2007. – 319 с.

188. Симбирцев, И.Н. На страже трона: политический сыск при последних Романовых, 1880 – 1917 / И.Н. Симбирцев. – М.: Центрполиграф, 2006. – 427 с.

189. Слободянюк, И.П. Верховный уголовный суд над декабристами / И.П. Слободянюк. – М.: Изд-во РГТЭУ, 2005. – 148 с.

190. Слухоцкий, А.Л. Очерк деятельности Министерства юстиции по борьбе с политическими преступлениями / А.Л. Слухоцкий // Историко-революционный сборник. – 1926. – Т. 3. – С. 247–286.

191. Случевский, В.К. О дознаниях по делам о государственных преступлениях / В.К. Случевский // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. – 2018. – № 2 (42). – С. 275–281.

192. Снегирева, Н. И. Об истории реформирования органов прокурорского надзора в Курской губернии после судебной реформы 1864 г. и его кадровом составе / Н.И. Снегирева, А.Н. Пахомова, Д.Е. Снегирева // Ученые записки: электронный научный журнал Курского государственного университета. – 2015. – №1 (33). – С. 10–18.

193. События и люди в документах курских архивов: сборник статей. Выпуск XII к 80-летию образования Курской области // Государственный архив Курской области: сайт. – URL: <http://os.x-pdf.ru/20istoriya/7861234-sobitiya-lyudi-dokumentahkurskih-arhivov-80-letiyu-obrazovaniya-ku.php> (дата обращения: 16.08.2021).

194. Соколов, Н.И. Великое государево дело: рецензия / Н.И. Соколов // Новый мир. – 2000. – № 12. – URL: http://www.nm1925.ru/Archive/Journal6_2000_12/Content/Publication6_4478/Default.aspx (дата обращения: 29.02.20).

195. Соломон П. Советская юстиция при Сталине [пер. с англ. Л.Максименкова] – М.: РОССПЭН, 2008. – 464 с.

196. Спасович, В.Д. Семь судебных речей по политическим делам (1877 – 1887) / В.Д. Спасович. – СПб., 1908. – 228 с.
197. Спирин, Л.М. Крушение помещичьих и буржуазных партий в России (начало XX в. – 1920 г.) / Л.М. Спирин. – М., 1977. – С. 300–350.
198. Статистические сведения за 1861 год. – Курск, 1862. – С. 23, 107.
199. Степанова, Е.И. К вопросу о становлении полицейской стражи Курской губернии / Е.И. Степанова // Ученые записки: электронный научный журнал Курского государственного университета. – 2010. – № 3 (15). – С. 68–74.
200. Степанский, А.Д. Самодержавие и общественные организации России на рубеже XIX – XX вв. / А.Д. Степанский, Н.П. Ерошкин. – СПб., 1980. – 96 с.
201. Степанский, А.Д. История общественных организаций дореволюционной России / А.Д. Степанский. – М.: Московский гос. историко-архивный ин – т, 1979. – 81 с.
202. Суханов, М.С. Понятие государственного преступления и его видов в законодательных актах XV – XVII веков / М.С. Суханов, А.Н. Гаращенко // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2018. – № 5-1. – С. 15–18.
203. Таганцев, Н.С. Русское уголовное право / Н.С. Таганцев. – М.: Наука, 1994. – Т. 1, ч. 1. – 380 с.
204. Таганцев, Н.С. Уложение о наказаниях. Его характеристика и оценка / Н.С. Таганцев // Журнал гражданского и уголовного права. Год третий. – СПб.: Типография А.М. Котомкина, 1873. – С. 1–32.
205. Тарасов, И.Т. Полиция в эпоху реформ / И.Т. Тарасов. – М., 1885. – 168 с.
206. Тарновский, Е. Н. Статистические сведения о лицах, обвиняющихся в преступлениях государственных / Е. Н. Тарновский // Журнал Министерства юстиции. – 1906. – № 4. – С. 50–99.
207. Тарновский, Е.Н. Статистические сведения об осужденных за государственные преступления в 1905 – 1912 гг. / Е. Н. Тарновский // Журнал Министерства юстиции. – 1915. – № 10 (Декабрь). С. 37–69.

208. Татищев, Н.В. История российская с древнейших времён / Н.В. Татищев. – М., 1769. – Кн. 1, ч. 2. – 600 с.
209. Токарева, С.Н. Полицейские и поднадзорные: российское законодательство и практика полицейского надзора в Курской губернии (конец XIX – начало XX вв.) / С.Н. Токарева // Новый исторический вестник. – 2013. – № 38. – С. 28–55.
210. Томсинов, В.А. Законодательство Петра I. 1696 – 1725 годы. (Предисл.) / В.А. Томсинов. – М.: Изд-во Зерцало, 2014. – 528 с.
211. Трайнин, А.Н. Избранные труды / А.Н. Трайнин. – М.: Юридический центр Пресс, 2004. – 828 с.
212. Тройницкий, Н. А. Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. / Н.А. Тройницкий. – СПб., 1905. – Т. 1. – 320 с.
213. Троицкий, Н.А. Адвокатура в России и политические процессы 1866-1904 гг. / Н. А. Троицкий. – Тула: Автограф, 2000. – 454 с.
214. Троицкий, Н.А. Царизм под судом прогрессивной общественности. 1866 – 1895 гг. / Н.А. Троицкий. – М.: Мысль, 1979. – 311 с.
215. Троцкий, И.М. Третье отделение при Николае I / И. М. Троцкий. – М.: Изд-во Всесоюзного об-ва политкаторжан и ссыльнопоселенцев, 1930. – 139 с.
216. Фейгин, Я. Выдача политических преступников / Я. Фейгин // Журнал гражданского и уголовного права. – 1884. – № 4. – С. 59–60.
217. Филиппов, П.А. Преступления против порядка управления по уложению о наказаниях уголовных и исправительных (в ред. 1845 г.) / П.А. Филиппов // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. – 2014. – № 3. – С. 59–73.
218. Харсеева, О. В. Преступность крестьян в губерниях Центрально-Черноземной России в конце XIX – начале XX в. / О.В. Харсеева // Ученые записки: электронный научный журнал Курского государственного университета. – 2017. – № 1 (41). – С. 17–27.

219. Харсеева, О.В. Влияние революционных событий начала XX века на уровень преступности населения Центрально-Черноземной России / О.В. Харсеева // *Innova*. – 2017. – № 2 (7). – С. 39–44.
220. Хорошкевич, А.Л. Россия в системе международных отношений середины XVI века / А.Л. Хорошкевич. – М.: Древлехранилище, 2003. – 620 с.
221. Чирикин, В.А. Основные подходы к определению понятия «политическое преступление» в истории правовой мысли / В.А. Чирикин // *Правовая политика и правовая жизнь*. – 2019. – № 2. – С. 109–113.
222. Чистяков, О. И. Российское законодательство X–XX веков: тексты и комментарии: в 9 т. Т. 5: Законодательство периода расцвета абсолютизма / О.И. Чистяков. – М., 1987. – 512 с.
223. Чукарев, А.Г. Методы и средства политического розыска царской России / А.Г. Чукарев // *Вопросы истории, философии, географии и экономики Дальнего Востока*. – Владивосток, 1968. – С. 200–201.
224. Шелохаев, В.В. Либеральный лагерь накануне и в годы первой русской революции в освещении советской историографии / В.В. Шелохаев // *Актуальные проблемы советской историографии первой русской революции*. – М., 1978. – С. 236–256.
225. Шелохаев, В.В. Русский либерализм как историографическая и историософская проблема / В.В. Шелохаев // *Вопросы истории*. – 1998. – № 4. – С. 26 – 41.
226. Шебалков, С. В. Специфика политических преступлений в Российской империи в конце XIX – начале XX вв. и система наказаний за их совершение / С. В. Шебалков // *Молодой ученый*. – 2013. – № 4 (51). – С. 465–469.
227. Шепелева, М. П. Характеристика уголовных преступников Курской губернии в конце XIX – начале XX вв.: гендерные различия и сословная специфика / М.П. Шепелева // *Ученые записки: электронный научный журнал Курского государственного университета*. – 2011. – № 3 (19). – С. 170–175.

228. Шепелева, М.П. Уголовная преступность в российской провинции на примере Курской губернии (1861 – 1917 гг.) / М.П. Шепелева // Известия АлтГУ. – 2010. – № 4-1. – С. 270–272.

229. Шестаков, Д.А. Понятие, предмет, система и перспективы криминологии / Д.А. Шестаков // Криминология. Общая часть : учебник / под ред. В.В. Орехова. – СПб., 1992. – 358 с.

230. Шестаков, Д.А. Преступность политики (размышления криминолога): монография / Д.А. Шестаков. – СПб.: Издательский дом «Алеф-Пресс», 2013. – 224 с.

231. Шинджикашвили, Д.И. Сыскная полиция царской России в период империализма / Д.И. Шинджикашвили. – Омск: М-во внутр. дел СССР, Омск. высш. шк. милиции, 1973. – 67 с.

232. Щербаков, А.В. Российское уголовное законодательство о преступлениях против порядка управления: становление и развитие / А.В. Щербаков // Проблемы экономики и юридической практики. – 2009. – № 2. – С. 124–129.

233. Эриашвили, Н.Д. Противодействие деятельности экстремистской направленности в законодательных актах конца XVII и начала XVIII века / Н.Д. Эриашвили, В.Н. Белоновский // Вестник экономической безопасности. – 2016. – № 2. – С. 23–25.

ДИССЕРТАЦИИ И АВТОРЕФЕРАТЫ

234. Алексеева, М.А. Новгородское губернское жандармское управление: 1867 – 1917 гг.: дис. ... канд. истор. наук / Алексеева М.А. – Великий Новгород, 2007. – 170 с.

235. Бакшт, Д.А. Енисейское губернское жандармское управление: организационно-правовой и региональный аспекты функционирования в системе Департамента полиции МВД, 1880–1917 гг.: дис. ... канд. истор. наук / Бакшт Д.А. – Кемерово, 2015. – 260 с.

236. Белобородова, А.А. Становление и развитие цензурных учреждений в Курской губернии во второй половине XIX – начале XX вв.: дис. ... канд. истор. наук / Белобородова А.А. – Курск, 2007. – 266 с.

237. Горлова, Н.И. Полиция российской провинции в XIX веке: на примере Курской губернии: дис. ... канд. истор. наук / Горлова Н.И. – Курск, 2005. – 240 с.

238. Господарик, Ю.П. Судебные репрессии царского самодержавия против революционного движения в России в 1895-1905 гг.: автореф. дис. ... канд. истор. наук. / Господарик Ю.П. – Москва, 1987. – 16 с.

239. Джунджужов, С.В. Деятельность карательных органов на Южном Урале в период первой русской революции / С.В. Джунджужов автореф. дисс. кан. ист. наук. – Оренбург, 1998. – 25 с.

240. Краковский, К.П. Политическая юстиция в России во 2-й половине XIX - начале XX в.: историко-правовое исследование: автореф. дис. ... доктора юридических наук / К.П. Краковский. – Москва, 2013. – 57 с.

241. Киреев, И.В. Роль института жандармерии в сохранении государственного строя России в XIX веке: дис. ... канд. юрид. наук / Киреев И.В. – М., 1994. – 227 с.

242. Кураев, А.Н. Взаимоотношения политических партий и массовых организаций в период революции 1905 – 1907 гг.: дис. ... док-ра истор. Наук / Кураев А.Н. – М., 2001. – 376 с.

243. Лаврёнова, А.М. Отдельный корпус жандармов и российское общество.: дис. ... канд. ист. наук / Лаврёнова А.М.– М., 2018. – 303 с.

244. Лаврик, Т.М. Губернские жандармские управления Российской империи: организационно-правовой и региональный аспекты деятельности: дис. ... канд. юрид. наук / Лаврик Т.М. – Владимир, 2008. – 234 с.

245. Локтионова, Е.А. Становление и развитие пенитенциарной системы в Курской губернии во второй половине XIX – начале XX веков: дис. ... канд. истор. наук / Локтионова Е.А. – Курск, 2004. – 183 с.

246. Локтионова, Е.А. Становление и развитие пенитенциарной системы в Курской губернии во второй половине XIX – начале XX веков: автореф. дис. ... канд. ист. наук / Локтионова Е.А. – Курск, 2004. – 25 с.

247. Максимов, Д.В. Становление и развитие органов контрразведки в российской провинции: начало XX вв. – 1941 г.: на примере Курского региона: дис. ... канд. истор. наук / Максимов Д.В. – Курск, 2007. – 204 с.

248. Парфёнов, О.В. Становление, развитие и деятельность органов политического сыска в Курском крае: середина XVII – вторая половина XIX вв.: дис. ... канд. истор. наук / Парфёнов О.В. – Курск, 2005. – 172 с.

249. Плужников, С.Ю. Местные органы политического сыска Российской империи в конце XIX – начале XX веков: историко-правовое исследование: дис. ... канд. юрид. наук / Плужников С.Ю. – Тамбов, 2009. – 218 с.

250. Симонян, Р.З. Эволюция органов прокуратуры в ходе судебной реформы 1864 г., вторая половина XIX – начало XX вв.: на примере Курской губернии: дис. ... канд. истор. наук / Симонян Р.З. – Курск, 2007. – 241 с.

251. Симонян, Р.З. Эволюция органов прокуратуры в ходе судебной реформы 1864 г., вторая половина XIX – начало XX вв. (на примере Курской губернии): автореф. дис. ... канд. ист. наук / Симонян Р.З. – Курск, 2007. – 28 с.

252. Степанова, Е.И. Эволюция деятельности уездной полиции Курской губернии во второй половине XIX – начале XX вв.: дис. ... канд. истор. наук / Степанова Е.И. – Курск, 2012. – 211 с.

253. Страхов, Л.В. Воронежское губернское жандармское управление: организация и деятельность: 1867-1917 гг.: дис. ... канд. истор. наук / Страхов Л.В. – Воронеж, 2017. – 389 с.

254. Тютюнник, Л.И. Департамент полиции в борьбе с революционным движением в России на рубеже 19 – 20 веков (1880 – 1904): дис. ... канд. ист. наук / Тютюнник Л.И. – М., 1986. – 294 с.

255. Хайнак, Н.П. Уголовно-процессуальные формы борьбы царизма с революционным и демократическим движением в России во второй половине XIX

века: автореф. дис. ... кандидата юридических наук. / Хайнак Н.П. – Москва, 1990. – 30 с.

256. Харсеева, О.В. Борьба с преступностью несовершеннолетних в России в середине XIX – начале XX вв. : историко-правовое исследование: на материалах Курской губернии: дис. ... канд. юрид. наук / Харсеева О.В. – М., 2007. – 203 с.

257. Хохлов, А.В. Карательный аппарат царизма в борьбе с революцией 1905 - 1907 гг.: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. / Хохлов А.В. – Москва, 1975. – 18 с.

258. Шепелева, М.П. Состояние уголовной преступности в российской провинции за 1861 – 1917 гг.: на примере Курской губернии: дис. ... канд. истор. наук / Шепелева М.П. – Курск, 2012. – 203 с.

259. Щедрина, Ю.В. Судебные учреждения российской провинции во второй половине XIX – начале XX веков: на примере Курской губернии: дис. ... канд. истор. наук / Щедрина Ю.В. – Курск, 2002. – 261 с.

260. Ярмыш, А.Н. Политическая полиция Российской империи (1880 – 1904 гг.): дис. ... канд. юрид. наук / Ярмыш А.Н. – Ростов н/Д, 1978. – 226 с.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1

Ведомость за 1901 г. «О деятельности чинов дополнительного штата Курского губернского жандармского управления по производству дознаний и наблюдательной части в Белгородском, Грайворонской, Корочанском, Тимском, Старооскольском и Новооскольском уездах»¹

№	Результат деятельности		Белгородский	Грайворонский	Корочанский	Тимский	Старооскольский	Новооскольский	Итого
1	Число сообщений Прокурорскому надзору и полиции по общим преступлениям в течение года (ст. 261 Устава уголовного судопроизводства)		—	—	—	—	—	—	—
2	Произведено дознаний по предложениям лиц Прокурорского надзора (ст. 261 Устава уголовного судопроизводства)		—	—	—	—	—	—	—
3	Случаев непосредственного участия в сохранении общественного спокойствия, при небытности чинов исполнительной полиции и содействия последней к восстановлению нарушенного порядка		—	—	—	—	—	—	—
4	Произведено дознаний в порядке 1035 ст. Устава уголовного судопроизводства, о возбуждении коих были представлены в Департамент Полиции ведомости	По предписанию начальника Управления	4	2	5	—	1		12
		По предположению лиц Прокурорского надзора	—	—	—	—	—	—	—
		По собственному усмотрению	—	—	—	—	—	—	—
5	Производство дел в порядке Положения о государственной		—	—	1	—	—	—	1

¹ ГАКО. Ф. 1642. Оп. 2. Д. 38. Л. 107.

	охране, утверждённого 14 августа 1881 г.							
6	Исполнено отдельных следственных действий по требованию других жандармских чинов и лиц Прокурорского надзора	2	1			1		4
7	Произведено дознаний, по поручению Канцелярии о принятии прошения на Высочайшее Имя приносимых (циркуляр Департамента государственной полиции от 31 мая 1883 г. № 2914)	–	–	–	–	–	–	–
8	Число донесений о происшествиях и случаях, имеющих особое значение (циркуляр МВД по Департаменту полиции от 9 июня 1881 г. № 3615 и циркуляр Штаба Корпуса Жандармов 1887 г. № 31)	–	–	–	–	–	–	–
9	Число донесений унтер-офицеров Помощнику Начальника Управления о случаях, занесённых ими в установленные циркуляром Штаба Корпуса от 2 февраля 1871 г.	10	7	26	21	46	1	111
10	Произведено поездок унтер-офицерами по своему участку	14	12	20	13	15	12	86
11	Число лиц, состоящих под негласным полицейским надзором, на основании Положения от 1 марта 1882 г.	7	1	1			1	10
12	Число бумаг, входящих в течение года	–	–	–	–	–	–	555
13	Число бумаг, исходящих в течение года	–	–	–	–	–	–	523

Ведомость за 1901 г. «О деятельности чинов Курского губернского
жандармского управления по производству дознаний и наблюдательной части»¹

№	Результат деятельности		Собственно по Управлению	По Курскому, Обоянскому, Рыльскому, Суджанскому и Путивльскому уездах	По Белгородскому, Грайворонскому, Корочанскому, Тимскому, Старооскольскому и Новооскольскому уездах	Итого
1	Число сообщений Прокурорскому надзору и полиции по общим преступлениям в течение года (ст. 261 Устава уголовного судопроизводства)		6	–	–	6
2	Произведено дознаний по предложениям лиц Прокурорского надзора (ст. 261 Устава уголовного судопроизводства)		–	–	–	–
3	Случаев непосредственного участия в сохранении общественного спокойствия, при небытности чинов исполнительской полиции и содействия последней к восстановлению нарушенного порядка		–	–	–	–
4	Произведено дознаний в порядке 1035 ст. Устава уголовного судопроизводства, о возбуждении коих были представлены в Департамент Полиции ведомости	По предписанию начальника Управления	4	5	12	21
		По предположению лиц Прокурорского надзора	–	1	–	1
		По собственному усмотрению	–	–	1	1

¹ ГАКО. Ф. 1642. Оп. 2. Д. 38. Л.11.

5	Производство дел в порядке Положения о государственной охране, утверждённого 14 августа 1881 г.	2	–	1	3
6	Исполнено отдельных следственных действий по требованию других жандармских чинов и лиц Прокурорского надзора	20	2	4	26
7	Произведено дознаний, по поручению Канцелярии о принятии прошения на Высочайшее Имя приносимых (циркуляр Департамента государственной полиции от 31 мая 1883 г. № 2914)	1	–	–	1
8	Число донесений о происшествиях и случаях, имеющих особое значение (циркуляр МВД по Департаменту полиции от 9 июня 1881 г. № 3615 и циркуляр Штаба Корпуса Жандармов 1887 г. № 31)	32	2	–	34
9	Число донесений унтер-офицеров Помощнику Начальника Управления о случаях, занесённых ими в установленные циркуляром Штаба Корпуса от 2 февраля 1871 г.	–	9	111	120
10	Произведено поездок унтер-офицерами по своему участку	36	34	86	156
11	Число лиц, состоящих под негласным полицейским надзором, на основании Положения от 1 марта 1882 г.	32	21	10	63
12	Число бумаг, входящих в течение года	3366	526	555	4447
13	Число бумаг, исходящих в течение года	2209	482	523	3214

Ведомость «По наблюдению за настроем в Курском, Обоянском, Щигровском, Рыльском, Суджанском и Путивльском уездах или чего выдающегося и обращающего на себя внимание в политическом отношении в истекающем 1901 г.»¹

№	Результат деятельности	
1	Произведено дознаний в порядке 1035 ст. Устава уголовного судопроизводства и возбуждений, предоставлено в Департамент полиции Лит. А. (по представлению Начальника Управления)	2
2	Производство дел в порядке Положения о государственной охране, утверждённого 14 августа 1881 г.	1
3	Исполнено отдельных следственных действий по требованию других жандармских чинов и лиц Прокурорского надзора	5
4	Число донесений и случаев, имеющих особое значение	2
5	Произведено поездок унтер-офицерами по своему участку	9
6	Число лиц, состоящих под негласным полицейским надзором, на основании Положения от 1 марта 1882 г.	34
7	Число входящих бумаг в течение года по наблюдательной части	526
8	Число исходящих бумаг в течение года по наблюдательной части	482

¹ ГАКО. Ф. 1642. Оп. 2. Д. 38. Л. 110.